

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

ИГОРЬ ЧЕРЕМИС

МИР
СОВКОВОГО
ПЕРИОДА

Третья часть приключений попаданца в свое собственное восемнадцатилетнее тело. У него появились союзники, но проблем пока что меньше не становится — да ещё и сессия на носу.

Обложку снова сделал Павел Ивлиев с помощью ручного ИИ. Спасибо ему

Глава 1. Страна Советов

— Егор! Егор! Серов!

Моё имя в виде крика звучит не слишком приятно. К тому же я слегка торопился — у нас начинался большой перерыв, и мы с Казахом и Дёмой хотели успеть в столовую в числе первых. Но и игнорировать призыв я не мог — кричал Саша, наш комсомольский вожак, и у него, видимо, были веские причины вырвать меня из рутины учебных будней. Поэтому я хлопнул Жасыма по плечу, попросив взять мне порцию того, чем сегодня кормят голодных студентов, и неприменный компот, а сам пошел к комсоргу, который возвышался в толпе студентов, как утес.

Саша был не один. У него на руке висела уже знакомая мне покрашенная блондинка, которая сейчас выглядела очень довольной собой — вернее, тем положением, которое она занимала. Возможно, их отношения, наконец, перешли к следующему этапу, что в этом времени и для данных персон означало скорую свадьбу.

Девиде я мельком кивнул, а вот Саше протянул руку, которую он пожал с какой-то осторожностью, ему ранее не свойственной. Я это отметил автоматически — ещё в среду, когда я сдал ему свой монументальный труд на десяти страницах мелким почерком о загнивающем Западе, комсорг вёл себя вполне адекватно для общительного товарища, любящего раздавать и получать указания.

— Привет! Что-то случилось? — поинтересовался я.

— Да, привет, — по его тону я понял, что да, случилось. — Извини... не знаю, как сказать, но доклад твой того... завернули, короче.

У меня немного отлегло. Я ожидал чего-то более значительного, но, видимо, у Саши был не слишком приятный вечер в компании райкомовских инструкторов — и он принял этот отказ слишком близко к сердцу.

— А что не так? — поинтересовался я больше для проформы.

На самом деле мне было насрать — и на доклад, и на комсомольское собрание и на рок-фестиваль, который мне позволили бы провести, если бы этот доклад состоялся. Мне даже на возможную карьеру в комсомоле было насрать. У меня более важные дела намечаются.

— Да не, — отмахнулся Саша. — Доклад им даже понравился. Просто посчитали, что сейчас не самое подходящее время для него. Может, осенью, когда первый курс придет...

«...и когда меня с вами не будет», закончил я за него.

— Время всегда не самое подходящее.

У нас только что была пара у Рыбки, и меня неудержимо тянуло на философию. После высшей математики всегда хочется чего-нибудь гуманитарного.

— Наверное, — Саша чуть скривился. — Ладно, извини, что пустой работой тебя загрузил...

— Да ерунда, дело житейское, — отмахнулся я. — Не жили хорошо, нечего и начинать.

Он улыбнулся.

— Ты всё же заходи в комитет. Про актив я не шутил. И сегодня собрание, — напомнил он.

— Знаю, — кивнул я.

Идти на собрание я, разумеется, уже не собирался — и, кажется, Саша это хорошо понимал.

— Ладно, нам пора, — он легонько хлопнул меня по плечу. — Бывай.

«И вам не хворать».

Вслух я этого не сказал, лишь вздохнул грустно.

Я почти выбросил всю эту комсомолию из головы и развернулся в направлении на столовую с тусклой картошкой и сосиской неведомого происхождения, но заметил нашу Натаху, которая наблюдала за предыдущей сценой, приткнувшись к стене. И взгляд, которым она сверлила спину Саши и его спутницы поверх какого-то учебника, был очень недобрый.

Я снова вздохнул и направился к девушке.

Учебник Натаха держала вверх ногами и вряд ли понимала, что она делает и как это выглядит со стороны. Меня она тоже не замечала, пока я не встал прямо перед ней и силой не забрал книгу из её рук.

— Привет, — вежливо сказал я.

С нашей стычки в прошлую среду мы если и здоровались, то лишь на уровне кивков с моей стороны. Разговаривать с ней мне было не о чем, да и сил на эту влюбленную — а я уже не сомневался, что она влюблена в Сашу — сучку у меня не было. Ещё я был уверен, что она с садистским удовлетворением поставила мне прогулы за все занятия в понедельник, и хотя там ничего серьезного не было, всё равно это могло испортить мою безупречную репутацию. Рассказывать в деканате о том, что я пропустил лекции и семинары из-за перестрелки, мне не хотелось — незачем им знать, как интересно живут некоторые студенты.

Но гасить энтузиазм Натахи было нужно. В моей первой жизни она тихо переваривала свою влюбленность самостоятельно, а поводы для ревности у неё если и были, то не такие красочные. Возможно, Натаха даже не знала, что у Саши есть некая пассия, к которой тот неровно дышит, что и давало ей призрачную надежду на реализацию сюжета о принце и белом коне. Я мысленно отругал её родителей, которые не сумели вдолбить дочери в голову простой тезис о том, что сказки и реальная жизнь как параллельные прямые в эвклидовом пространстве — никогда не пересекаются.

Недобрый взгляд, которым Натаха провожала Сашу и его спутницу, перекочевал на меня.

— Чего тебе, Серов? — выплюнула она. — Взносы ты сдал.

— Да так... Наташ, хочешь совет?

— Иди в жопу! — она попыталась уйти, но я придержал её за руку.

— У нас страна Советов, а не страна «Иди в жопу», — наставительно произнес я. — И тебе придется меня выслушать.

— Отпусти! — Натаха сделала попытку вырваться.

— Не отпущу, даже не надейся, — пообещал я. — Поэтому расслабься и попробуй получить удовольствие...

— От тебя что ли?

Меня позабавила её попытка сарказма.

— Меня ещё надо заслужить, а потом сразиться за моё сердце с маленьким, но очень злым котёнком, против которого у тебя нет ни малейшего шанса, — я улыбнулся, надеясь, что улыбка вышла по-настоящему злодейской. — Наташа, пользуйся моей мудростью, пока я добрый. Или я могу передумать и оставить тебя наедине с твоей проблемой.

По моим представлениям, с безответной любовью могли помочь столь же несчастные в

личной жизни подружки, которые дружным хором убедили бы девушку в том, что принц не совсем принц, да и конь не белый, а в каких-то плебейских яблоках. Но насколько я помнил, с подругами у Натахи было сложно — она общалась с девчонками из нашей группы, но, кажется, недостаточно близко, чтобы делиться подобными переживаниями. Да и подружки эти скоро закончились — почти все первокурсницы к летним каникулам оказались пристроены, за исключением вот этой нашей активистки.

— Что ты можешь знать о моих проблемах, Серов? — язвительно прошипела она.

— Да почти ничего, мы же не устраиваем совместные пижамные вечеринки, — я пожал плечами. — Так тебе нужен совет?

Повисло недолгое молчание. Она думала, я ждал — и был уверен, что Натаха думает в правильном направлении.

— Д-давай... — решила она. — Только быстро...

Быстро — так быстро.

— Наташа, ты хороший человек, — я сильно покривил душой, но так было нужно. — И если ты будешь заниматься комсомольской работой не только потому, что Саша такой красавчик и ваще, то у тебя есть шанс оставить в стороне наши заборы, которые тебе, очевидно, никуда не уперлись, а сделать другую карьеру. Комитет комсомола института, потом райком, потом — чем черт не шутит — переход в райком уже партии... Станешь годам к тридцати партийным чиновником с хорошими перспективами... А если будешь смотреть по сторонам, а не только на своего Сашу, — я жестом остановил её протестный выкрик, — то всё у тебя будет замечательно. Впрочем, на Сашу смотреть тоже можешь, он хороший пример того, как оно работает. В том смысле — как простой активизм может обеспечить всю жизнь.

Я не был уверен, что в будущем Саше поможет его активизм, хотя такой характер и стиль жизни ещё никому не помешали. Да и события, которые ещё не случились, не предполагали сильного продвижения по комсомольско-партийной линии. Натаха была моей ровесницей, и тридцать лет ей исполнится в 1996-м. Если всё пойдет так, как и раньше, это будет другая страна, жизнь в которой будет складываться по другим принципам. Хотя те же райкомовские чиновники, кажется, без особых проблем перелезли в мэрии и управы почти на те же должности, так что определенный смысл в моём совете был. Будет Натаха каким-нибудь старшим специалистом по делопроизводству, получать зарплату в конвертике от начальственных щедрот, а если повезет, то её вообще посадят на какой-нибудь ручеек бюджетного распределения. Ну а там можно многое получить, если особо не наглеть, выполнять договоренности и делиться с нужными людьми.

Рассказывать ей обо всём этом я, конечно же, не стал.

— Откуда тебе всё это знать, Серов?

— Потому что я умный, — безразлично ответил я. — Я тебе совет дал, а ты можешь поступать, как тебе вздумается. Сохнуть и дальше от своей любви, в которой нет никаких перспектив...

— Ты о чём? — взвилась она.

— Да всё о том же... так вот... Сохнуть — или всё-таки жить полной жизнью, в которой будет буквально всё, от простой любви до любимого дела. Ну а выбирать тебе. Тут я не помощник.

Я отпустил её локоть, вернул учебник — почему-то по химии, которой у нас сегодня не было — и пошел в столовую, где меня ждала еда.

Новая жизнь меня слегка раздражала. Да, я был молод, здоров и почти красив; у меня была девушка, отношения с которой активно двигались к свадьбе. Я был богат, особенно по сравнению с моими сокурсниками и, пожалуй, мог бы дать фору даже Дёмычу. Но я твёрдо помнил максимум про то, что если всё идет хорошо — значит, ты чего-то не замечаешь, и сейчас, когда мне выпал второй шанс, я сполна осознал, что означает «чего-то не замечать» — и не могу сказать, что мне это нравилось. Больше всего меня раздражало то, что я имел преимущество перед местными аборигенами в виде хотя бы приблизительного знания будущего, но это знание оказалось столь же тяжелым, как и пресловутая шапка Мономаха из царской присказки.

Я, конечно, разделил этот груз, но человек, которого я выбрал на роль своего коллеги по несчастью, с того памятного разговора не давал о себе знать. Сегодня была пятница, и с того момента, когда я открыл своё инкогнито, прошло четыре дня. В понедельник я ещё не осознал, что натворил — у меня и так был отходняк от предыдущих событий, и признание, которое я сделал Валентину, меркло на его фоне. Но уже во вторник я впервые проснулся от кошмара; он, конечно, был вызван вполне естественными причинами в виде тяжеловатого одеяла, некстати заползшего на моё лицо. Но пробуждение было неприятным, и потом я целый день чувствовал себя разбитым.

Это повлияло и на доклад, который я изготавил для нашего комсомольского вожака. Я и в молодые годы не отличался повышенной писучестью, а за прожитую первую жизнь окончательно растерял даже те навыки, что имел. И хотя у меня имелся опыт какого-то общения на различных форумах и в чатах, на большую простыню текста его было невозможно натянуть. В итоге вводную часть я нагло позаимствовал из купленной по дороге «Правды» — на поход в книжный и поиск трудов Стуруа меня уже не хватило. Потом я бегло прошелся по актуальному состоянию Детройта и роли империалистической военщины во всем этом, добавил немного безадресной воды по поводу «детей цветов», уделив чуть больше внимания рок-музыке, о которой хоть что-то помнил и про которую имел собственное мнение.

Именно эту хрень и завернули бдительные товарищи из райкома комсомола, чему я был даже рад. Это оставляло мне время на переживания. И не только по Валентину или прошедшей совсем недавно перестрелке..

Например, я очень беспокоился о своей внешности. Нет, с ней всё было в порядке, но, например, лезвия «Нева» почти перестали справляться с моей щетиной, а утреннее бритье как-то незаметно превратилось в ежедневную и очень болезненную пытку. Я не помнил, как у меня обстояли дела в предыдущие восемнадцать лет, но, кажется, тогда я брился гораздо реже.

Вообще-то я начал бриться классе в десятом, причём, кажется, ближе к концу — меня вынудил к этому мой странный организм. Брить мне было особенно нечего, но борода у меня пробивалась какими-то кустами, которые в естественном состоянии выглядели забавно — что для подростка в пубертатном возрасте смерти подобно. Я помнил, что отец на моё меканье на тему бритвы посмеялся, но как-то не слишком обидно, после чего позволил пользоваться его станком и объяснил основы правил безопасности. То есть сказал, чтобы я не пытался перерезать себе вены.

Первый блин у меня вышел комом, а поскольку я, ориентируясь опять же на отца,

пытался побриться утром, перед школой. На занятия в тот день я отправился с заклеенной рожей, а после оправданий перед учительницей литературы получил кратковременную кликуху «Пластырь». К моему счастью, она не прижилась, одноклассники переключились на другие развлечения, а я так и остался Серым.

Когда я поступил в институт, то взял отцову бритву с собой, и она верно служила мне с десяток лет. Потом я поменял древний станок на что-то новое и не такое удобное, пытался использовать электрические бритвы, но совсем потом перешел на одноразовые «Жилетты».

Скорее всего, такой щетины в конце первого курса у меня тупо не было, раз я обходился тем старым станком и тупыми лезвиями «Нева». И её появление могло означать всё, что угодно. У меня было предположение, что молодое тело пытается подстроиться под старое сознание, и эта мысль мне активно не нравилась. Я смутно помнил какой-то фильм с ускоренно стареющими людьми — и не хотел быть одним из них. Но других изменений я не замечал, хотя внимательно разглядывал своё лицо во всех зеркалах, которые мне попадались.

И был самый простой вариант — щетина была следствием моих отношений с Аллой. Сексом мы, конечно, пока не занимались, но гормоны, судя по всему, мой организм выделял ударными и опережающими темпами. Наверное, можно было сдать соответствующие анализы и всё выяснить однозначно, но я пока что приходил в ужас при одной мысли о столкновении с местными больницами, а потому тянул время в надежде, что всё как-нибудь рассосется само, и мне не придется сдаваться в какой-нибудь исследовательский институт. Мне хватало того, что я сдался представителям очень серьезных — если не самых серьезных — ведомств Советского Союза. Но тут у меня были некие успокаивающие мотивы.

Мы с Валентином заключили достаточно серьезный пакт, согласно которому я пока наслаждаюсь свободой, а он пытается заработать генеральские погоны. В последнее я не особо верил, хотя в Советском Союзе подобное практиковалось — вспомнить того же Гагарина, который улетел с Байконура старлеем, а приземлился в Саратовской области целым майором. Конечно, разоблачение пары-тройки предателей на первый полет человека в космос не тянет, но это как подать подобный подвиг начальству.

Главным по госбезопасности в этом году был Чебриков, которого я почему-то помнил в связке с Шеварнадзе, причем эти воспоминания остались у меня из перестроечных времен, когда они оба входили в Политбюро. Выходило так, что этот Чебриков каким-то образом доказал Горбачеву свою полезность, и его не поменяли на более лояльную к новому Генсеку фигуру. Но сейчас он находился в должности всего лишь около полутора лет, и поставивший его Андропов благополучно помер. Черненко резких кадровых движений не любил, но эта нелюбовь не была догматом из программы партии — в любой момент Генсек мог и взбрыкнуть, особенно если ему что-нибудь нашепчут на ушко доверенные люди. Так это будет работать в моём будущем, так это работало в древние времена — так это работало и сейчас. Поэтому товарищу Чебрикову удача Валентина тоже будет на руку и позволит на каждом углу многозначительно шептать, что его предшественники даже шпионов толком не ловили, а уж он-то вон как за них взялся. На генерала такое подспорье начальнику, конечно, тянет слабо, но председатель КГБ в состоянии организовать полезному подчиненному долгожданную полковничью должность — или же просто выгнать кого-то с насиженного места.

Впрочем, это были дела небожителей, меня особо не касавшиеся. Но они наверняка требовали немало времени, и я был уверен, что Валентину какое-то время будет не до меня

и моих знаний из будущего. Нельзя же, в самом деле, просто прийти и, ткнув пальцем, объявить кого-то английским шпионом, времена немного не те, последний раз это сработало с Берией, а после холодного лета 1953-го в ходу были всякие волонтаризмы или вообще тихое задвигание на второстепенные должности. Так что Валентину предстояло — по моим представлениям об этом — организовать тайный сигнал от совершенно секретных осведомителей и комплексную проверку подозреваемых по всем возможным каналам и направлениям. Я с трудом представлял, сколько это может занять времени. Герои фильма «ТАСС уполномочен заявить» одного шпиона разоблачали достаточно долго и с неясным результатом.

Нельзя было и исключать, что Валентин пока был занят тем, что обустроивал в недрах Лубянки специальную допросную комнату с набором разных интересных приспособлений. Но я всё-таки рассчитывал на его порядочность — и любопытство. Я действительно знал много такого, что в умелых руках могло обернуться небывалым сокровищем, и понимал, что мои руки умелыми назвать будет слишком опрометчиво.

В общем, мне оставалось только ждать, когда мой гэбешник соизволит выйти со мной на связь. Вариант с походом на Лубянку или поездкой к Михаилу Сергеевичу я даже не рассматривал — эти зубры воспримут такое моё поведение как слабость, а уж как её использовать, они знают и без сопливых попаданцев; на этом поле мне с ними лучше не играть. Впрочем, свои телефоны они мне продиктовали — с наказом звонить, если случится что-то экстраординарное. Но ничего подобного не происходило — особенно если брать за нулевой уровень экстраординарности моё попадание в прошлое. Все остальные события вполне соответствовали обычной московской жизни образца 1984 года.

Глава 2. Обойные проблемы

— Ал, а где вы храните сбережения?

— Егор, ты это про что?

Алла посмотрела на меня с той детской растерянностью, которая делала её очень милым котенком — в моих глазах, разумеется. Сама себя она котенком считать отказывалась напрочь.

— Про деньги, Ал. Я тут подумал, что не дело таскаться по институтам и улицам с деньгами в кармане.

Вечером, после того, как комсомол окончательно от меня отстал, я решил перевести отношения с Аллой на следующий этап — правда, не в плане секса, а в смысле построения совместного быта. Я решил поделиться с девушкой всеми своими деньгами, собранными нелегким трудом и банальным грабежом, поэтому и спросил, где я могу их оставить. До этого я носил эту приличную со всех сторон сумму с собой, даже купил для неё не слишком дорогой, но симпатичный бумажник — и понял, что меня либо ограбит залетная шпана, либо я помру от разрыва сердца в ожидании этого события. Лишаться нечестных накоплений мне совершенно не хотелось.

— У бабули в комнате стоит шкатулка, мы там всё храним, — ответила Алла и слегка покраснела.

— Ты чего? — я дотронулся до её щеки. — Я что-то не то спросил? Извини тогда, я не знаю, как у вас принято.

— Да нет, дело не в тебе и не в твоём вопросе, — она прижала мою ладонь к своему лицу. — Просто... это получается, что у нас будет всё общее, как в настоящей семье?

Я мысленно обозвал себя «остолопом».

— Конечно, бегемотик, — я обнял её свободной рукой, чтобы у неё не было возможности ударить меня. — Как в настоящей семье. Нам с тобой действительно надо как-то подумать о том, что мы теперь живем вместе. И прости меня, что я сразу не допёр... в общем, вы с Елизаветой Петровной можете брать оттуда столько, сколько нужно.

Я должен был сразу, в момент заселения, предложить плату за свой постой, но почему-то действительно «не допёр». Вернее, тупо забыл, как оно бывает, когда живешь не один — всё-таки несколько лет перед своим попаданством я провёл в гордом одиночестве, и всё, что зарабатывал, находилось в моём полном распоряжении — за вычетом того, что мы с третьей женой договорились считать алиментами.

Официально я ей и сыну ничего не платил; и она, и я понимали, что такой формальный подход закончился бы какими-нибудь процентами с тех крох, которые проходили через мой счет индивидуального предпринимателя. Неофициально же я переводил ей треть своего заработка и, в принципе, был согласен и на половину — но на мне висел остаток ипотеки, после выплаты которой я оставался бы совсем без штанов. Та жена была женщиной взрослой и разумной, знала меня неплохо, поэтому и пошла навстречу, не затеваясь с судами и скандальной дележкой совместно нажитого имущества. Мы и расстались достаточно мирно — просто в какой-то момент оба решили, что врозь жить лучше, чем вместе. Сын был против, он уже понимал, что происходит что-то неприятное, но его мнение мы не учитывали. Возможно, напрасно.

И вот теперь я снова, как в старые добрые времена, должен был отдать почти всё, что

имел, женщине, с которой жил, оставляя себе какой-нибудь скромный мизер на карманные расходы — просить, чтобы мне выдали рубль на обед, я считал унижительным. Возможно, скоро дело дойдёт и до того, что придётся просить разрешения на большие покупки. У женщин это быстро.

Задержка в две недели до осознания того, что что-то не так, была не слишком большой, учитывая обстоятельства. К тому же у меня было слабое, но всё-таки оправдание — продукты я покупал регулярно и обзавелся кое-каким инструментом, который мог пригодиться для домашних дел. То есть мой вклад в семейный бюджет, наверное, был пропорционален и достаточен. Но всё равно это стоило обговорить заранее.

— Ал, а вы как живете с бабушкой? Её пенсия и твоя стипендия или ещё отец что-то присылает? — наконец решился спросить я.

— Второй вариант, — она улыбнулась. — Папуля нам хорошо помогает, без него мы бы вряд ли вытянули. У бабушки пенсия большая, у неё стаж огромный, ещё и за звание... у меня стипендия хоть и с надбавкой, но всё равно меньше. Если бы не папины деньги, я б...

Она оборвала себя, но и так всё было понятно. Без папиных переводов Алла не таскалась бы по всяким вечеринкам и не могла бы позволить себе модные вещицы, да ещё и с солидной переплатой. Елизавета Петровна, кажется, совершенно не контролировала расходы внучки, и я понимал, что эту неприятную обязанность мне придется взять на себя. Если, конечно, Алла не будет возражать.

Формирование моего персонального бюджета в студенческие годы происходило просто. Полтинник в месяц я получал от государства как хорошист, ещё полтинник мне присылали родители. Эту сумму я тратил целиком, без остатка; всё, что не уходило на еду и прочие необходимые вещи, спускалось на выпивку и карты. Мы играли по копейке за вист — мелочь по любым меркам. Я слышал про компании, где в преф или покер играли по-крупному, от рубля и выше, и там проигрыши были действительно разорительными;

Но и с нашей мелочишкой иногда приходилось затягивать пояса потуже, отказываться от вина, пива и от походов в кафе и столовые и экстренно запрашивать помощь с родины. Помнится, у нас в начале первого курса долго издевались над несчастным украинцем откуда-то со Львовщины, который своим трубным гласом возвещал из будочки на переговорном пункте: «Мамо, грошы закинчились». Остальные просили родителей потише, под раздачу вырвавшихся на волю тинейджеров не попадали, но от этого наша ситуация не становилась менее комичной.

В первой жизни внеплановое выпрашивание денег у родителей мне понадобилось раза три или четыре; один я помнил хорошо — тогда мы с Казахом хорошо слили в преферанс, мне не на что было купить билет домой, и полученный четвертной меня буквально спас. Я купил билет, а заодно — пару жутко вредных беляшей с мясом неведомого происхождения, которые съел, едва отойдя от тележки. Ещё один беляш я привез в общагу, чтобы подкормить Жасыма — у того были какие-то задержки с переводом.

Как обстояли дела с деньгами в семье Аллы, я не знал. Стипендия у неё, видимо, была примерно такой же, как и у меня — отличникам доплачивали десятку или около того; пенсия Елизаветы Петровны — это рублей семьдесят или восемьдесят, вряд ли больше. Оставалась лишь одна неизвестная величина.

— Ал, а сколько денег отец присылает? — спросил я.

— Рублей триста, — после раздумья выдала она.

— Это в месяц?

— Не-а, — она помотала головой. — От него перевод пореже, не знаю, почему. Наверное, раз в полтора месяца, вот так.

Математика была не слишком сложной — отцов взнос в семейный бюджет составлял рублей двести. В принципе, на двух женщин этого достаточно, если, конечно, одна из них — не молоденькая модница. Но Алла была именно молоденькой и именно модницей, и ей регулярно были нужны деньги на шмотки и развлечения. Сколько она тратила на свои хобби, я не знал, а спрашивать пока не хотел. По прикидкам — много; за месяц у нас только на концерты ушло сорок рублей, и это не считая затрат на пиво с закуской во время сейшена в МИФИ. Вернее, тогда всё это свалилось на меня, но сейчас у нас будет общий бюджет.

— И как вы справляетесь? Хватает? — осторожно спросил я.

— Почти, — грустно сказала она. — Иногда бабуля залезает в свои гробовые... она не говорит об этом, но я точно знаю... Когда я куртку у Ирки покупала, нам не хватило.

Я примерно так и думал.

— У меня где-то сотня получается, могу добавить в общий котёл, — сказал я. — И ещё я думаю со следующего года работать начать, хотя бы по вечерам.

Я улыбнулся, а Алла как-то испуганно посмотрела на меня.

— Работать? А зачем?

— Чтобы обеспечить тебя, зачем же ещё? Да и сидеть на шее у родителей уже неправильно. В моём-то положении...

— Ты...

— Я.

— Ты не должен!

— А вот это спорное утверждение, — жестко сказал я. — Правда, взамен я попрошу права голоса при утверждении трат... хотя я не знаю, как у вас тут принято.

— Да обычно, не выдумывай! — Алла извернулась и всё-таки ткнула меня кулачком по плечу. — Право голоса, ещё давай тут верховный совет устроим, будем голосования проводить. Нет уж... деньги хоть и хранятся у бабушки, но брать их может кто угодно, если нужно. Ты тоже!

Я смиренно вздохнул. Алла была очень хорошим человеком, но вот окончательное решение нашего финансового вопроса лучше было отложить до разговора с Елизаветой Петровной. Честно говоря, я вообще надеялся, что эта мудрая женщина выделит нам отдельную шкапулку, чтобы мы не топтали паркет в её комнате.

Но больше всего Аллу удивила та пачка купюр, которую я достал из своих широких штанин. И, кажется, это удивление было не наигранным.

— Егор... но тут — много!

Когда Алла чувствовала себя неуверенно, она становилась особенно милой. Стоит такая — худенькая, даже тощенькая, руки в стороны и глазами бльмает. У меня в такие моменты возникало ощущение, что она вот-вот заплачет, чего я очень не хотел допускать. Но деньги были делом серьезным, поэтому я не бросился её утешать.

— Нет, котенок, тут совсем мало, — сказал я.

— Но... как? Почему мало?

— Потому что их ни на что не хватит, — объяснил я. — Квартира стоит раза в три больше, хотя я ещё толком не приценивался. Машина более-менее толковая — тоже. Можно

взять мотоцикл с коляской, но у меня на него прав нет, а ты всё проклянешь, катаясь на задней сидухе. На импортный видак тоже не хватит, скорее всего... зависит от марки, думаю, но всё равно впритык, а ещё надо будет на кассеты тратиться. Отечественный я не хочу. Всё остальное... джинсы только, но эту проблему мы решим, я надеюсь, в выходные. Вот так.

Я внимательно посмотрел на Аллу. Она наморщила лобик, обрабатывая вываленную мною на неё информацию, но справилась достаточно быстро.

— Если так... то ты прав, — согласилась она. — Просто... просто я никогда не видела столько денег разом. И хочется сразу их потратить! Я дура?

— Мы же уже выяснили, что нет, — улыбнулся я. — Просто не до конца повзрослела... может, зря я с тобой связался? Вот когда вырастешь...

Алла кинула на меня убийственный взгляд, и я улыбнулся ещё шире.

— Егор, перестань меня подкалывать! Всё я выросла, просто...

— Да я понимаю, — серьезным тоном сказал я. — Всё зависит от целей. Так-то мы сможем год прожить с этими деньгами, почти что на широкую ногу, но хочется и квартиру, и машину, и ты просила видеомэгафон. А для этого нужно гораздо больше.

Алла подошла ко мне и оперлась о стол.

— Я тоже понимаю... я постараюсь не так сильно тратить, как раньше... Мне нравятся твои цели, хотя я до сих пор не понимаю, что мы будем делать с отдельной квартирой.

Ох, красавица ты моя.

— Сдавать мы её будем бедным студентам, — пообещал я. — И жить на ренту, как настоящие буржуи. Но если без шуток, то деньги это лишь средство, Инструмент. Как молоток или гвозди, без них, например, картины не повесить. Кстати, не хотим завтра прогуляться по Кузнецкому? Или ты всё-таки собираешься переклеивать обои?

Это было продолжение уже надоевшего нам обоим спора. Наша прихожая всё ещё бережно хранила следы воскресного вторжения; цемент, чтобы замазать дырки от пуль в стенах, я купил — надо было лишь набрать пригоршню песка в ближайшей песочнице. Но все работы я отложил — дверь нам обещали заменить в воскресенье, и я был уверен, что и там надо будет что-то подмазать. Елизавета Петровна со мной согласилась.

Впрочем, смешать раствор и заляпать отверстия, которые расковыряли милицейские эксперты, было меньшей из забот. Потом надо будет что-то делать с обоями, причем не только в прихожей, но и в комнате Аллы. Я склонялся к симпатичным пейзажикам, которые можно было недорого купить на Кузнецком или у Новой Третьяковки — или как там сейчас называется то место у Парка Горького. [1]

Алла настаивала на полной переклейке, и я был готов согласиться, что так будет лучше. Но мы оба понимали, что эта работа откладывалась почти на месяц — подобный ремонт лучше всего было затевать после сессии, выкроив несколько дней перед поездкой на мою родину. Конечно, с этой проблемой нам тоже мог помочь кто-то из бабушкиных знакомых, но мне не хотелось выглядеть перед Елизаветой Петровной безруким лентяем и бездельником. Наоборот — мне хотелось произвести на неё хорошее впечатление. Но не прямо сейчас.

— Прогуляться можно, — с сомнением сказала Алла. — Но я не уверена, что нужно тратить наши деньги на какие-то картины. У меня есть знакомая, она неплохо рисует... пусть и учится всего на втором курсе на графике. Спрошу у неё сегодня.

На «наши деньги» я мысленно пожал плечами — наши так наши. Да и против знакомой ничего пока не имел. Пейзажики с Кузнецкого меня тоже не особо прельщали; творчество второкурсницы может оказаться гораздо хуже в эстетическом отношении, но наверняка обойдется дешевле.

Подругу звали Снежана, она училась на том же самом факультете, что и Боб — но познакомились они с Аллой много позже разрыва с этим одиозным товарищем и даже вроде бы много позже его отчисления, так что никаких порочащих связей у этой девушки не было. Я всё равно слегка напрягся — у меня из головы не шла история с Ирккой, до которой я пока не добрался, и в таких совпадениях я был склонен видеть некоторый подвох. Впрочем, я теперь эти подвохи везде видел, даже во снах иногда, так что и в этом не было ничего странного.

После получасового разговора по телефону, к которому я особо не прислушивался, поскольку решил освежить знания по органической химии, выяснилось, что к подруге и её творчеству есть неожиданное приложение.

Я был готов к тому, что нам придется тащиться к этой Снежане в гости, чтобы посмотреть и выбрать что-то из нарисованных ею каляк-маляк. Но этот импровизированный вернисаж сопровождался очень необычным для этого времени мероприятием, которое в глазах Аллы было много ценнее любых картинок.

— Представляешь, у неё видеомагнитофон есть, и она обещала показать фильм! — Алла мало что не выла от восторга.

— А какой?

— Ой, не знаю, — Алла часто-часто заморгала. — Она не сказала, а я не спросила. Могу ещё раз позвонить...

Она оглянулась в сторону коридора.

— Да не надо, какая разница, что показывают, главное, что по видео, — остановил я её.

Для меня разницы в нынешних фильмах действительно не было, и я лишь опасался снова попасть в ситуацию, которая и спустя несколько десятилетий воспринималась мною как что-то неловкое и постыдное. Дело было в нашем общагском видеосалоне, где мы смотрели всякое и, как думали, привыкли ко всему. Но однажды на поздний, «взрослый» сеанс нам решили показать некий фильм с завлекающим жанром «эротика», но под каким-то нейтральным названием — что-то типа «Негодников». Ничего не подозревая, поскольку подробных описаний добытых шедевров западных киномастеров тогда не практиковалось, студенческий народ раскошелился на очередной рубль и занял места, предвкушая что-то вроде «Греческой смоковницы» или «Эммануэль».

Про фильм ничего плохого сказать не могу — с высоты своего возраста я понимаю, что это была нормальная по тем временам порнуха с каким-то подобием сюжета и неуловимо похожими друг на друга усатыми актерами и накрашенными сверх меры актрисами, которые эпиляцию не практиковали ни в каком виде. Но смотреть это в присутствии других людей казалось дико неправильным; похожие чувства испытывали, наверное, все присутствующие. Казах мне потом рассказывал, что пару раз порывался уйти, но почему-то оставался на месте. У меня были примерно такие же позывы.

Прекратили этот праздник спровоцированной похоти члены студсовета, которых кто-то всё-таки сумел вызвать; деньги нам не вернули, но никто и не просил. Обсуждать увиденное мы рисковали лишь с самыми хорошими приятелями, хотя обсуждать там было особо и

нечего. Но с тех пор мы всё-таки старались узнать, что будут показывать, прежде чем покупать билет; впрочем, владельцы салона, хорошенько получив по шапке, и сами осторожничали.

Тут ещё по шапке никому не прилетало, хотя я смутно помнил написанные в будущем статьи про то, как нынешняя милиция вырубала свет во всём доме, чтобы поймать с поличным тех самых негодников, что посмели смотреть одноименные фильмы на запрещенных видеоманитофонах. Правда, я был уверен, что в тех статьях имелось определенное преувеличение — сознательное или нет, тут определенно сказать было тяжело. Впрочем, в этом времени было возможно всё.

— Так что, сходим? — спросила Алла с надеждой.

Я, наверное, мог встать в позу и заявить, что не хочу никуда ехать, но это было как минимум нечестно по отношению к девушке. Это я был хорошо знаком с зарубежным кинематографом. Ей это знакомство только предстояло.

— Но ты же уже согласилась? — я посмотрел на неё и улыбнулся. Она кивнула: — Вот, тогда чего спрашиваешь?

[1] В те годы на месте Новой Третьяковки располагались Центральный дом художника и Государственная картинная галерея СССР. В 1986 году галерею объединили с Третьяковкой, которая там проводила выставки на время реставрации здания в Лаврушинском переулке.

Глава 3. Черно-белый Конан

Подруга с редким именем Снежана обитала в одном из самых козырных мест номенклатурной Москвы. Через несколько лет я и сам научился вычислять нужные дома в разных районах города — эти «свечки» из светло-желтого кирпича строили при Брежнев, потом — при Андропове и Черненко, да и во времена Горбачева не отставили проект в сторону. Закончилась лафа для партийно-государственных чиновников только с развалом Союза, да и то не для всех. Кое-то спокойно получал свои квадратные метры улучшенной планировки даже в самые тяжелые для страны времена и абсолютно бесплатно.

Про «Царское село» в Новых Черёмушках я узнал от коллег-бомбил тоже где-то в девяностых, и так этот квартал прозвали не зря. Для обитателей этого “села” тот самый коммунизм, про который жужжали в уши простому народу на каждом собрании, а заодно из телевизора и со страниц печатной прессы, уже почти наступил. Да и потом, уже при капитализме, этот подарок от советской власти оказался очень кстати — мне рассказывали, что одна тетка, скромный референт из недр Верховного Совета, сумела обменять полученную от государства трёшку почти в сто квадратов на пару неплохих двухкомнатных квартир; кому-то удавались и более выгодные размены.

При этом я понимал, что попасть в число обитателей этого элитного жилья в этом времени мне не светит ни за какие деньги; это у себя в будущем я мог подкопить, взять кредит и занять у знакомых — и въехать в одну из квартирок с высокими потолками. Сейчас это происходило другим, социалистическим путем — надо было устроиться тем самым референтом, а потом с десятков лет отстоять в очереди. Правда, через десять лет никакого СССР уже не будет, так что и затеваться смысла нет.

Снежана — и её родители, конечно, — обитали как раз в трёшке, к которой прилагались большие холлы, консьержка на первом этаже, два лифта с зеркалами, а также пара туалетов на огромную квартиру и очень просторная кухня. Мне показалось, что Алла завистливо вздохнула, когда мы вошли, но сам на эту красоту особого внимания не обратил. В конце концов, моя двушка в Новой Москве тоже была просторной, светлой и удобной, да и квартира на Новоалексеевской меня вполне устраивала — разве что она не была моей, но с этим ничего поделать было нельзя.

Снежана встретила нас в коридоре, очень обрадовалась, увидев Аллу, и расцеловала подругу, а на меня посмотрела безо всякого интереса, хотя представилась очень вежливо, протянув ладошку. Я подумал, что Алле нужна именно такая подруга — пухленькая во всех измерениях, активная и шептунья. Они бы хорошо дополняли друг друга, провоцировали бы на различные подвиги, но при этом Алла не комплексовала из-за своей внешности. Рядом с Ирккой эти комплексы лезли из неё очень активно.

Я чуть задержал ладонь Снежаны в своей, и задал вопрос, который меня мучил всю дорогу до этого вертепа.

— Снежана, а что будем смотреть сегодня?

— Что? — она попыталась вырваться, но я держал крепко.

— Смотреть, говорю, что будем?

— А... это... «Конана», папе на неделю кассету дали, и он разрешил мне собрать друзей. Слышали?

Про «Конана» я, разумеется, слышал, но сами фильмы смотрел лишь по разу, ещё в общаге, и жанр меня не впечатлил. Впрочем, Железного Арни мы любили не только и не столько за эти фэнтезийные фильмы, сколько за боевики и комедии того периода, когда он наконец взялся за ум. Пока же он поражал зрителей лишь своими мышцами, по которым фанатели и в качалках девяностых. Любоваться ещё раз на громилу с большим мечом мне не хотелось, но в этом времени даже до первой части «Терминатора» дело ещё не дошло.

— Это тот, где огромный голый мужик с мечом бегает? — я всё-таки выпустил ладонь Снежаны, но она не обратила на это никакого внимания, зачарованная моим описанием «Конана-варвара».

— Эм... — наконец собралась она с мыслями. — Папа говорил, что это геройская фантастика... но да, он что-то упоминал про мечи. И как, хороший?

— Я ещё не смотрел, Ал, ты как? — я повернулся к своей девушке, которая смотрела на эту сцену с легким недоверием.

Я действительно «ещё не смотрел», поскольку проделал это в будущем, которое тут пока не наступило.

— Что? А, нет, я точно не смотрела, — она помотала головой.

— Вот, так что вместе причастимся, — радостно объявил я — и поймал на себе очень задумчивый взгляд Снежаны.

Наверное, про «причастие» упоминать не стоило, как и про молитву в присутствии Казаха. Вдруг тут обитает семья воинствующих атеистов, выгонят ещё, и Алла меня поездом съест, придется в темпе решать проблему собственного видеомаягнитофона и искать по Москве кассету с этим фильмом.

— Проходите, — Снежана не стала нас выгонять и указала рукой в нужном направлении. — Минут через пятнадцать начнем, Лена и Света чуть задержались, но уже отзвонились, что вышли, скоро будут.

Жила эта семья на широкую ногу. Квартира была неплохо обставлена, но, на мой вкус, выглядела слегка захлавленной — из-за обилия ковров и мебели, которая, скорее всего, вся была импортной-импортной. Родителям и дочери досталось по комнате, а большой зал они использовали в качестве чего-то вроде гостиной или столовой. Сейчас в ней было достаточно свободно, а перед большим телевизором «Рубин» стояло несколько стульев — получился импровизированный зрительный зал. О том, что на просмотре будем не только мы, Алла меня предупредила, но я особо не волновался — у меня только брюки вызвали сомнение, а в остальном я был одет очень прилично.

Нарисованные хозяйкой картинки — что-то абстрактное в духе, насколько я понял, товарища Малевича и прочих авангардистов — меня не слишком впечатлили, но она просила за них всего по два рубля за штуку, чисто за материалы, и они вполне годились, чтобы закрывать дыры в обоях. Так что мы стали на десятку беднее, зато обзавелись пятью небольшими холстами на подрамках, которые нам аккуратно завернули в оберточную бумагу и трогательно обвязали какой-то белой тесёмкой. Рамы предлагалось покупать самим; насколько я помнил, сделать это можно было чуть ли не в любом книжном.

Остальных зрителей нам никто не представлял, как и их нам, и за это я был благодарен хозяйке. Знакомство с людьми, которых я вижу первый и, скорее всего, последний раз в жизни — уж точно не то, чем я хотел сейчас заниматься. Мне было достаточно совершенно излишней информации о том, что рядом с нами будут сидеть какие-то Света и Лена.

Рядом с «Рубином» виднелся японский видеомэгаффон марки JVC с угловатыми кнопками. Уже к концу десятилетия японцы перейдут на закругленный дизайн, а потом и вовсе все кнопки вытеснят сенсоры, но пока до такого прогресса было далеко.

Мы заняли два стула средней комфортности в третьем, последнем ряду, и я склонился прямо к уху Аллы.

— Как думаешь, нам нальют хотя бы чай? — спросил я.

Она прыснула.

— Нет, конечно! Егор, о чем ты думаешь? Мы же только что поели!

По дороге мы посетили «Пельменную», которую обнаружили у метро, и хорошенько подкрепились. И, в принципе, Алла была права — о еде я пока думать не мог.

— Да, но порция пельменей для меня это мало, пусть даже со сметаной, — всё-таки пожаловался я. — Но вообще-то я про сервис. Стулья жесткие, чай не наливают, не говоря уже про пиво... надо было в магазин зайти...

— Егор! — я получил кулачком в бок и, удовлетворенный, откинулся на спинку.

Мне нравилось слегка выводить Аллу из себя, чтобы она начинала доносить до меня своё недовольство с помощью тумачков. Особого вреда от её тычков не было, но я понимал, что в какой-то момент с этим придется завязывать, иначе недалеко до беды. Пока что она была чем-то вроде вырвавшегося на волю подростка, которому такие методы общения казались приемлемыми. Главное, чтобы она не использовала свой коронный прием на окружающих, а то знаем мы этих Димочек.

В прихожей позади нас послышался шум — кто-то позвонил в дверь, Снежана убежала открывать и, наверное, целоваться с вновь пришедшими. Я пытался посмотреть через плечо, кого это принесло, но мне было не видно прихожую — нужно было садиться на другую сторону. Но пока я обдумывал эту мысль, в комнату вошли сразу четыре девушки — хозяйка и три новеньких. Двух из них я никогда не видел, а вот третья была мне хорошо знакома. В первой жизни она через год стала моей первой женой — правда, тогда я их ещё не нумеровал и даже не предполагал, что мне придется это делать.

Когда я только провалился в прошлое и ещё не полностью погрузился в водоворот различных событий, в результате которых я оказался в квартире на Новоалексеевской с Аллой в качестве почти бесплатного приложения, то обдумывал несколько вариантов устройства своей дальнейшей судьбы. И одним из наиболее реальных я тогда считал повторные отношения с первой женой. Как ни странно, даже по прошествии стольких лет я что-то чувствовал к этой девушке. При этом возможность наладить отношения со второй или третьей женой я даже не рассматривал, как и отношения с женщинами, с которыми у нас до официального брака не дошло. Кто-то из них сейчас был слишком юн, про кого-то я точно знал, что не смогу их очаровать ни при каких условиях — должно пройти время и должны случиться определенные события. А кого-то я ещё при расставании постарался забыть, как дурной сон, и надеялся, что они больше никогда не окажутся на моём пути. Наверное, поэты правы, и первая любовь никогда не забывается, что бы ни происходило после неё в жизни.

Не было ничего невозможного в том, чтобы заново замутить с этой девушкой. У нас и тогда имелось полное взаимопонимание, я знал её привычки и готов был мириться с её недостатками. Меня не пугало даже то, что через тридцать лет она обзаведется расплывшейся фигурой и благородной сединой, которую будет закрашивать какими-то старушечьими красками. В конце концов, для женщин под пятьдесят это, скорее, правило,

чем исключение — если они, конечно, не актрисы и не жены миллиардеров и политиков первого ранга, которые тратят на себя миллионы и изнуряют своё тело в спортзалах и хирургических палатах. Да я и сам в полтинник отнюдь не был Аполлоном.

А так мы какое-то время жили душа в душу, наслаждались друг другом, и у меня имелся шанс снова войти в ту самую реку, берега которой я так неосторожно попутал в первой жизни. Оставались её родители, с которыми я не смог поладить тогда, хотя это была и не проблема вовсе. Несколько уступок, сделанных в нужный момент, дали бы мне хорошие, доверительные отношения с тестем, который в состоянии обеспечить мужу своей дочери и отцу своего внука нормальную жизнь. Правда, тесть с тещей были теми ещё мудаками, которых только могила исправит, но за годы жизни я научился приспособливаться к обстоятельствам и терпеть явную несправедливость и не кидался в бой по первому зову, а сначала оценивал последствия. Помнится, шарашка тестя и при капитализме неплохо себя чувствовала, а если мои познания в заборостроении окажутся не востребуемыми и их коллективе, то персональные водители нужны и архитекторам, особенно высокопоставленным.

К тому же теперь я знал секрет счастливой жизни с первой женой, подкупающей своей простотой и элегантностью — нам с ней нужно было как можно быстрее съехать от её родителей. Правда, на первой неделе своего попаданства, когда я рассматривал новое знакомство со старой женой всерьёз, я ещё не думал о собственной квартире, а собирался спасти СССР методом изучения старых газет, но, скорее всего, когда-нибудь я дошел бы и до этого. Не такой уж я и тугодум.

Но затем старик Смиртюков сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться, я на какое-то время оказался в мире цветных фантазий, а вынырнул оттуда слишком сильно влюбленный в Аллу. Настолько сильно, что ни о каком возвращении к тому плану не могло быть и речи. К тому же я чувствовал какую-то ответственность за семейство своей новой девушки — совершенно иррациональное чувство, которое никак не хотело покидать мои мозги. Так что теперь бывшая первая жена в мою вторую жизнь не вписывалась. Как любовница она никуда не годилась и, кажется, два последующих брака, распавшихся из-за не меняющих своих привычек родителей, ничему её не научили — ни в каком смысле.

Все эти воспоминания пробежали у меня в голове в самый первый момент. Моя бывшая будущая жена пришла с одной из опоздавших девиц — я не знал, кто из них Лена, а кто — Света; их я никогда не видел. Я подозревал, что и в том варианте истории всё происходило именно так — она была сегодня в этой квартире, скромно сидела на краешке неудобной табуретки и буквально пожирала глазами экран, где бесновался черно-белый Конан. Ничего удивительного в этом не было — для неё подобное зрелище пока в диковинку. Насколько я помнил, её родители обзавелись собственным видаком сразу после нашего развода, когда эта штука стала неременной обыденностью в их кругу. Я представил, с каким видом они отпускали дочь на этот показ, и с трудом удержался от смешка.

Меня же похождения Шварценеггера, который половинил своих врагов огромным двуручным мечом, не интересовали нисколько, и почти весь сеанс я провел, борясь с собственными глазами, которые норовили соскочиться на знакомый профиль сидящей чуть сбоку от меня девушки. Правда, думал я совсем не о ней, а о том, стоит ли прямо сегодня поманить нашу хозяйку декодером и возможностью смотреть иностранное кино в цветном варианте или же отложить это предложение на то будущее, когда я всё же доберусь до

радиорынка и узнаю, что предлагают нынешние продавцы.

У меня были опасения, что с готовыми платами и набором деталей тут будут трудности — всё же мои воспоминания относились к более позднему времени. Я не исключал, что придется писать письмо в редакцию журнала «Радио» с просьбой опубликовать заветную схему, потому что воспроизвести её самостоятельно не надеялся. Я трезво оценивал свои силы. Но модель телевизора на всякий случай запомнил — это был очень распространенный «Рубин-714».

То, что Алла заметила, куда косили мои глаза, я понял, когда мы прощались со Снежаной. Уходили мы первыми, остальные гости бурно обсуждали увиденное и спорили о том, можно ли нарастить такие мышцы, как у Шварца, если всё детство и юность ходить по кругу, толкая мельничное колесо. Ответ у меня был — нельзя, разумеется, — но вступать в разговор я не хотел. А плохое настроение Аллы было написано у неё на лице, и ей явно было не до проблем культуристов.

— Что-то случилось? — спросил я её, когда мы оказались на улице.

Было видно, что ей очень хочется что-то сказать — много, с надрывом, чтобы я проникся её горем и пожалел, — но она сдержалась. Лишь помотала головой.

— Нет, ничего, — слишком резко для «ничего» ответила Алла. — Мне в институт надо.

— Зачем?

— Сегодня можно два зачета на халяву получить, если повезет. Хочу попробовать.

Я понимал, что эту причину она придумала только что, но решил подыграть. В конце концов, с некоторыми вещами люди должны справляться самостоятельно.

— Тебя проводить?

— Нет, зачем? — деланно удивилась она. — Я не знаю, на сколько там застряну. Сейчас доедем до Кольцевой, я там выйду. Вечером буду.

Когда-то я вычитал в интернете, что величайшей загадкой Вселенной являются не какие-то там чудеса физики, а женщины. У них своя логика, понять которую никто не в состоянии, они живут в своих мирах, а главное — они могут дарить новые жизни. Понятно, что автор этой сентенции серьезно преуменьшал значение законов мироздания, но в отношении женщин я был с ним целиком и полностью согласен. Это были непостижимые для мужчин существа, которых нужно любить, холить и лелеять — и не злить их слишком сильно. Я, кажется, переступил невидимую черту, даже не заметив её; наверное, мне стоило самому начать неприятный для нас обоих разговор. Но мне было лень. Я хотел, чтобы Алла справилась со своей злостью на меня и на неизвестную ей девушку сама. Возможно, это поможет нам в будущем, если мы, конечно, переживем этот кризис.

— Тут есть автобус, он до Парка Культуры идет, — предложил я. — Не хочешь прокатиться?

— Зачем? — огрызнулась Алла.

Затем, чтобы ты немного остыла, местные «скотовозы» хорошо прочищают мозги.

— Не знаю, интересно, — я пожал плечами. — Я же не из Москвы, в этом районе почти не был, хоть полюбуюсь на него из окна персонального автобуса.

Я был в этом районе много тысяч раз, но в другие времена. И в те времена — особенно до массового внедрения полос общественного транспорта — я бы ни за что не решился кататься по Юго-Западу на том же автобусе. Но сейчас даже полный маршрут занимал не слишком много времени; правда, надо было, чтобы повезло — автобус мог просто не

приехать в разумный срок.

— Ну... давай. Где тут остановка? — Алла, видимо, поняла мой коварный план, но не нашлась, что возразить.

— До Гарибальди надо дойти, вон туда, — я указал рукой.

— Хорошо, пойдем, — она кивнула. — Но ты со мной не езжай, на метро тут до дома по прямой, а так придется пересаживаться.

— Ничего страшного, — улыбнулся я. — У меня полно времени.

— Не надо! — очень твердо сказала Алла. — Я буду к зачетам готовиться, ты меня будешь отвлекать.

Можно было легко поймать её на лжи — никаких учебников или конспектов она с собой не брала, я это знал точно, потому что видел, как она собиралась к Снежане. Но я мысленно отвесил себе подзатыльник — нельзя быть таким толстокожим. Ежу понятно, что она просто хочет побыть одна. Ну и ладушки.

Мы добрались до нужной остановки очень быстро — и обменялись за это время буквально несколькими репликами. Один раз я придержал Аллу за локоть, и она едва не скинула мою руку, но сдержалась — не хотела настолько явно показывать, что злится на меня. А я сделал вид, что не заметил движения её плеча.

Ей повезло — автобус приехал минут через пять, желающих поехать на нём было не слишком много, так что я видел, как она заняла место у окошка. Алла даже махнула мне на прощанье, но я отметил, что мы при расставании не чмокнулись. В общем, обида в ней клокотала и бурлила и, возможно, требовала выхода. Я очень надеялся, что она не поедет к своей Ирке и не напьется там вусмерть, потому что все мужики козлы, а всего лишь прогуляется по городу и вернется домой, где сможет спокойно говорить о своих душевных травмах. Наверное, стоило всё-таки настоять и поехать с ней, чтобы она не наделала глупостей. Но я почему-то считал, что так будет неправильно.

Я курил на остановке, провожая выруливающий на маршрут желтый «ЛИАЗ» и чувствовал в душе легкую пустоту. А заодно думал — не стоит ли завернуть в какой-нибудь из фирменных магазинов социалистических стран? Джинсы сами себя не купят, а наша с Аллой поездка по значным местам откладывалась и откладывалась. Правда, все эти магазины — вернее, универмаги — находились у черта на куличках, и сейчас туда ездили либо на такси, либо на маршрутках. Даже до какого-нибудь «Ядрана», который располагался на Профсоюзной, надо было добираться поверху — станцию «Коньково» ещё не открыли, оранжевая ветка заканчивалась в «Беляево».

Покатав эту идею в голове, я сократил выбор до двух вариантов — «София» и «Ванда» находились рядом друг с другом на Большой Полянке, хотя серая ветка пока заканчивалась на «Серпуховской», но туда можно было относительно быстро попасть с той же «Октябрьской», а ЦУМ вообще был в самом центре. И туда, и туда нужно было подъехать на метро. Я выбросил окурок в урну, развернулся...

— Егор, привет!

Сложно было не узнать жизнерадостный голос Валентина. Он стоял прямо передо мной, очень довольный собой. Вернее, он, скорее всего, радовался произведенному на меня эффекту — я реально вздрогнул, когда увидел и услышал его, но сам я испытал лишь досаду. Судя по всему, мои планы опять шли псу под хвост.

— Добрый день, — вежливо сказал я. — Какими судьбами?

— За тобой, — он протянул мне руку, и я пожал её. — Михал Сергееч приглашает на

обед. Не занят?

Я был уверен, что он точно знает, что тут произошло несколько минут назад. Я даже не исключал, что это он организовал появление моей первой жены на том показе — хотя с большей вероятностью это был дьявол и его штуки. Валентин никак не мог узнать о том, на ком женюсь через год и в другой временной линии, будь он хоть десять раз подполковником КГБ.

— Нет, — я помотал головой. — До воскресенья я совершенно свободен.

Глава 4. Жидкое счастье

Валентин был на уже знакомой мне «догонялке», но за руль на этот раз он меня не пустил — впрочем, я и не напрашивался.

— Как вы меня нашли? Следили? — без особого интереса спросил я.

— Присматривали, — улыбнулся он и завел машину.

О том, что меня «пасут», я знал. Пешую часть «наружки» я так и не смог обнаружить, а вот такую же заряженную и черную — но на базе двадцать четвертой — «Волгу» заметил. Ребята на ней были людьми опытными, они меняли номера по несколько раз за день, навешивали различных болванчиков на зеркало заднего вида и какую-то оранжевую бахрому на стекла. Вот только небольшой скол на правом заднем крыле так и не додумались замаскировать хотя бы грязью.

Но они мне особенно не докучали — утром стояли у нашего дома на обочине, наблюдая, как мы с Аллой отправляемся по учебным делам, вечером я их видел у выхода из своего института, а потом снова рядом с домом, — поэтому резких движений я не делал. Отчасти чтобы не провоцировать этих суровых людей на всякие неожиданные вещи, а отчасти — чтобы им стало скучно. Это была моя маленькая месть. Пусть пишут ежедневно однотипные отчеты, которые начальство даже читать не станет. Я даже отклонил предложение Казаха выпить пива — не потому, конечно, что его могли счесть моим связным из забугорья, а просто — чтобы «топтуны» пораньше пошли домой.

И, оказывается, это была не слежка. Они за мной просто «приглядывали» — наверное, чтобы я глупостей каких не наделал.

— И как результаты?

— Для отчета сгодятся.

Меня подмывало спросить у Валентина, как он обосновал своему начальству необходимость полноценной слежки за ничем не примечательным студентом одного из московских вузов, но потом отказался от этой идеи. Я понял, что не хочу знать внутреннюю кухню советских спецслужб; обычно такое знание ни к чему хорошему не приводит. И подписка о неразглашении может быть самым травоядным вариантом — могут просто невыездным сделать навечно.

Валентин вёл «догонялку» резковато, но уверенно. Я бы, наверное, поехал бы другим маршрутом, но и выбранный им путь был нормальным. А благодаря тому, что мне не нужно было отвлекаться на дорогу, я обдумывал темы для разговора.

Спрашивать про Аллу мне тоже не хотелось. То, что Валентин появился сразу после того, как мы расстались, могло что-то значить, но могло не значить ничего. Возможно, мой визави не хотел, чтобы девушка знала про это приглашение, или же это было простое совпадение. Гадать можно было бесконечно; сам Валентин вряд ли скажет правду. А если скажет, то не факт, что она мне понравится.

Автомобили мне показались темой относительно безопасной.

— У вас машина есть? Своя, не эта, — предупредил я его вопрос. — Эта-то точно служебная.

— Есть, — после небольшой паузы ответил он. — «Победа», отцовская. Он её в пятьдесят пятом купил и водил до самой смерти. С тех пор так и стояла в гараже, он кооператив взял в своем институте, у меня прав не было... даже хотели исключить, раз не

пользуюсь.

— Как в фильме?

— Примерно, — усмехнулся он. — Пришлось чуть надавить на их правление, гараж на меня переоформили, сейчас думаю сыну его передать, лет пять там уже не появлялся... а он как раз собирается «жигуль-пятерку» взять.

— Пусть подождет немного, в конце года на ВАЗе должны «восьмерку» запустить, совершенно новая модель, с передним приводом, очень неплохая машина, только трехдверка. Но ждать «девятку» долго, года три, — посоветовал я.

— Отку... ах, да, — Валентин улыбнулся. — Передам, спасибо.

— А с «Победой» что?

— Понятия не имею... — рассеяно ответил он. — Я там последний раз года три назад появлялся, она по-прежнему не заводилась.

— По-прежнему?

— Её и раньше только отец мог завести... он умер семь лет назад, я тыкнулся к машине... нас тогда уже всех обучили и права выдали... для оперативных целей... и так и не смог с ней справиться. Потом дела всякие, забот полон рот, не до неё, в общем. Думаю, продам какому-нибудь любителю.

Я обдумал тот вариант истории, в котором таким любителем старых «Побед» оказывался некий попаданец. В моем времени «Победы» были лакомой добычей для разного рода поклонников автомобильных артефактов великой советской цивилизации, но они ценили экземпляры с родными деталями и запчастями. В принципе, «ГАЗ М-20» была относительно неплохой машинкой, не слишком скоростной, но достаточно надежной. Что могло испортиться в её двигателе, причем до такой степени, что она не заводилась, я не знал, а пытаться Валентина, видимо, было бессмысленно. Можно было грешить на всё, что угодно — от свечей, того же трамблера или севшего аккумулятора до полного отсутствия проржавевшего в труху мотора в подкапотном пространстве. Я не волновался только за кузов — предки всё делали по уму и на совесть, и если в том гараже не шли постоянные дожди, металл должен был прожить прошедшие тридцать лет без особых проблем.

— И почему?

Валентин бросил на меня быстрый взгляд.

— Думаешь взять себе?

— Можно, если не слишком дорого. Только своего машиноместа у меня нет, придется у мужиков в нашем кооперативе попрошайничать, если серьезный ремонт понадобится.

— Хм... знаешь, не готов тебе сейчас вот так сразу ответить. Давай закончим сегодняшнее дело, я потом помозгую и сообщу. Пойдет?

— Да без проблем, — настала моя очередь улыбаться. — Я тоже как-то не готов прямо сегодня становиться хозяином старой машины. У меня ещё мопед не отремонтирован.

— Какой мопед? — удивился Валентин.

— Да самый обычный...

Истории с мопедом как раз хватило до пункта назначения.

Обед у Михаила Сергеевича предполагался на «Соколе». Нас никто не встретил. Валентин открыл своим ключом калитку, потом — ворота и загнал «Волгу» на то самое место, где я когда-то, давным-давно, парковал фиолетовую «двушку». На все его манипуляции я смотрел со стороны, скромно перекуривая у обочины, а когда он начал

закрывать ворота, выбросил окурок и вошел на участок.

— Хозяина нет? — спросил я.

— Будет чуть позже, машина за ним уже пошла, — ответил Валентин.

Ну да, сегодня суббота, советские чиновники — даже высокопоставленные — КЗоТ чтут чуть ли не выше программы КПСС, по выходным стараются присутственное место не посещать, оставляя за себя безликих дежурных из неудачников-подчиненных. Конечно, обстоятельства складывались всякие, но чаще всего по субботам и воскресеньям их можно было найти только дома. Конечно, кто-то по примеру Брежнева ездил на охоту, но со смертью многолетнего владыки страны эта мода вроде поутихла. Так что и товарищ Смиртюков наверняка обретался в своих хоробах на улице Хользунова — в ожидании того момента, когда его верный Валентин отловит некоего Егора и доставит того в нужное место.

— Проходи, чего застыл? — позвал меня Валентин уже с крыльца. — Прислуги сегодня нет, всё сами.

Гостиная на первом этаже тоже была мне хорошо знакома, хотя отдельные детали слегка потускнели в памяти. Но сервиз, из которого мы со стариком пили чай, я разглядел — он стоял в вычурном буфете так, словно его никогда не касалась рука человека.

— Так... что у нас тут? — Валентин сунул нос в недра массивного монстра иностранной выделки, который маскировался под холодильник и под который в комнате было отведено солидное пространство. — Ага... ага...

Нарезка в этом доме, видимо, использовалась в качестве чего-то вроде фаст-фуда. Валентин поставил на стол несколько тарелок с ветчиной, сырокопченной колбасой и сыром, там же оказался солидный шмат перемазанного в чесноке и перце сала, который почему-то не был порезан на мелкие кусочки. И ещё он добыл пару бутылок.

— Неплохое столовое вино, — Валентин подхватил одну из бутылок и протянул мне. — Я не большой любитель, но сейчас не до водки. А для беседы хорошо подойдет.

Вино оказалось “Крымским” и, кажется, самопальным — если, конечно, судить по косо наклеенной этикетке, которая была очень простой и скромной.

— Да, наверное, неплохое, — протянул я и решил слегка обнаглеть. — А пиво есть?

— Понятия не имею, — Валентин безразлично пожал плечами и забрал у меня бутылку. — Посмотри в холодильнике, вроде что-то там стояло.

Он начал возиться со штопором, а я пошел в указанный мне угол. Открыл дверцу — и тут же увидел ЕГО. Три штуки вытянутых и зеленоватых бутылочек «Будвайзера».

Не веря своему счастью, я схватил одну из бутылок, посмотрел на этикетку — это был не американский, а чешский вариант, производства «Будеёвицкого Будвара», но это меня смущало меньше всего. Насколько я знал, чехи и штатовцы спорили только о названии, про качество не говорилось ни в одном иске. На бутылке имелись размашистая надпись красным на белом фоне, у неё была золотистая голова и большая сургучная печать под крышкой. В общем, это была правильный «Будвайзер», а по нынешним временам — безусловное сокровище.

Я повернулся к Валентину и продемонстрировал ему свою добычу.

— Можно?

Он оторвался от своего бокала, который наконец наполнил почти доверху.

— Эту мочу? — он скептически скривился.

— Моча это «Ячменный колос», — парировал я. — А этот напиток чешские пивовары

приготовили с любовью и заботой из отборных семян по старинным рецептам.

— Хе! — Валентин широко улыбнулся. — Когда-то за такие слова могли припечатать — и припечатывали — «низкопоклонство перед Западом», а потом загоняли туда, куда Макар своих телят не гонял.

— Это когда было, — я развел руками. — Сейчас Чехословакия это вполне себе Восток, Варшавский договор, СЭВ, социалистический лагерь. Так что я лишь по достоинству оцениваю продукцию пивоваров дружественной нам страны.

— Тоже верно, — он кивнул — то ли моим словам, то ли чему-то своему, — но этот напиток в наших магазинах большая редкость...

— Я бы даже сказал, что его там нет, — несколько невежливо перебил я. — Но хотя бы «Жигулевского» полно, что немного примиряет с окружающей меня действительностью. Так можно?

— Да бери, думаю, Михал Сергеич не будет против, — махнул свободной рукой Валентин и опрокинул в себя сразу половину стакана.

— Не буду, — раздался голос от двери.

Мы оба посмотрели в том направлении — там стоял Михаил Сергеевич собственной персоной и слегка улыбался.

— Добрый день, — сказал я и чуть увереннее сжал в руке бутылку «Будвайзера».

— Да, добрый, Егор, — старик кивнул. — Я не буду против. А вот Виталий, может, и станет возражать, поскольку это его собственность, притащил откуда-то. Но его сегодня с нами нет, так что возможные возражения мы отвергнем большинством голосов. Ведь так?

— Конечно, — улыбнулся в ответ, привычно поддел ключами крышку бутылки, сделал первый глоток...

И едва не потерял сознание от буйства почти забытого вкуса.

В моём будущем некоторые слои населения считали, что советское — значит, лучшее, в полном соответствии с лозунгом, который я не раз видел в этом времени на фасадах домов. Но любое обобщение суть ошибка, как было сказано в том учебнике философии, по которому обучали будущих заборостроителей. Что-то из советского действительно было неплохим — поэт не зря писал, что в области балета мы впереди всей планеты. В этом времени мне нравились хлеб и газированный «Дюшес», которому его потомок из будущего в подметки не годился; я также был в восторге от тех напитков, которые продавали почти в каждом продовольственном из высоких стеклянных конусов — было в них что-то натуральное и полузабытое.

Но произведенные в СССР машины, одежду, обувь и пиво к лучшему никак отнести было невозможно. Впрочем, я и им ставил три балла из пяти — просто за попытку.

Ситуация с пивом меня раздражала больше всего. В силу профессии я не был фанатом крепких напитков, но вот чем-нибудь слабоалкогольным, светлым или нефильтрованным свои вкусовые сосочки баловать любил. И после своего попадания в прошлое я по выработанной за годы привычке начал пить пиво, но из всего, что я попробовал за прошедший месяц, относительно хорошим оказалось только то самое «Жигулевское», которое мы с Аллой разделили на концерте «Кино». Всё остальное было просто плохим; иногда спасала хорошая компания — как было, когда мы сидели с ребятами в скверике и неспешно тянули дурацкий «Ячменный колос» из бочки, — или хороший разговор — как было пару раз у нас с Жасымом.

Вернее, оно не было плохим. Просто то, что продавалось в магазинах под названием «пиво» не было пивом. Скорее, это можно было назвать пивными напитками.

Как-то ради интереса я сварил пиво самостоятельно — у меня тогда в долгосрочной аренде оказался капитальный гараж в кооперативе, но машину я там только обслуживал, а потому решил использовать пустующее помещение для незаконного промысла. Прочитал про технологию, изучил возможные ошибки, которые совершают чайники вроде меня, учёл большинство нюансов — и получил в итоге вполне приличный напиток, которым щедро поделился с соседями, так как хранить долго его было нельзя.

Я был уверен, что на советских пивоваренных производствах работают люди, интеллект которых как минимум не ниже, чем у меня; к тому же у них наверняка имелось профильное образование и куча консервантов с усилителями вкуса. По идее, они были способны смешать сырьё в нужных пропорциях, выдержать необходимое время и разлить получившийся продукт по бутылкам или банкам. Но вот поди ж ты.

Касалось это, впрочем, не только пива. Всё, что не предназначалось для военного производства или не летело напрямую в космос, делалось с дикими отступлениями от технологий, абы как и с закрытыми глазами от ужаса происходящего сотрудниками отдела технического контроля. В наших южных провинциях, которые по недоразумению тоже считались социалистическими республиками, творился натуральный кошмар — помнится, мне рассказывали, что продукцию закавказских заводов снабженцы брали только от безысходности. Те же микросхемы там выпускали тупо без золота, которое прямо со складов шло налево; микросхемы после таких инноваций, разумеется, долго не работали, но где-нибудь в России, Белоруссии или на Украине их упрямо монтировали в телевизоры, которые счастливые покупатели через пару месяцев после приобретения начинали долго и нудно чинить. При этом, насколько я знал, все понимали, что гонят брак, но давали план любой ценой — видимо, страдания отдельно взятого телезрителя считали допустимыми издержками, а приоритетом было выполнение годовых показателей. В общем, план по валу, вал по плану, всё считаем в штуках, а как оно там работает — пофиг. [1]

— Егор, с тобой всё в порядке? — Валентин от беспокойства даже отставил в сторону стакан с вином и поднялся со своего стула.

Михаил Сергеевич тоже смотрел на меня встревожено.

— Да, всё хорошо, — ответил я и отхлебнул ещё глоток божественного нектара. — А что случилось?

— Ты на несколько мгновений словно выпал из реальности, — объяснил Валентин. — Михаил Сергеевич задал вопрос, а ты словно не слышишь. Точно всё в порядке?

— Точно, точнее не бывает, — подтвердил я. — Просто накатило... я почти забыл этот вкус. Жаль, что такого пива нет в каждом магазине страны, — я приподнял бутылку, чтобы они хорошо её рассмотрели. — «Жигулевское», конечно, тоже можно пить, но вот какой-нибудь «Ячменный колос» — его же нельзя давать людям, это натуральное вредительство, только что алкоголикам выдавать при похмелье, чтобы они прочувствовали весь вред пьянства...

Я почувствовал, что меня понесло, и волевым усилием оборвал себя на полуслове. И с удивлением обнаружил, что оба собеседника слушают меня очень внимательно.

— Советские пивные фабрики работают на пределе возможностей, — произнес старик, поняв, что я не собираюсь продолжать дозволенные речи.

— Значит, надо больше фабрик, — я пожал плечами. — Конечно, существует и пивной алкоголизм, но... сколько пива нужно выпить, чтобы опьянеть? Литры!

Мои собеседники переглянулись.

— Есть проблемы с тарой, с сырьем, — мягко сказал Валентин. — С технологиями тоже. Вот эти чехи, — он указал на мою бутылку, — или голландцы, или даже немцы — все они готовы поставлять нам готовую продукцию... за валюту, естественно. Но делиться технологиями — не готовы, даже за эти их доллары.

Знакомая ситуация. В будущем иностранцы тоже неохотно давали нам свои технологии, но оборудование для линий розлива поставляли — может, без удовольствия, но регулярно, и этот бизнес вполне процветал даже во время Второй санкционной. Правда, наши пивовары умудрялись и с ненашими технологиями варить дерьмо, но опыт многочисленных частных пивоварен говорил о том, что дело как раз в руках, а не каких-то секретах древних мастеров.

— Простите, а зачем нам их технологии? — деланно удивился я. — У нас перевелись инженеры-конструкторы или технологи-пищевики? Я точно знаю, что такие институты у нас есть. Если нынешние не справляются и требуют покупать бочки на Западе — выгоните их и наберите тех, кто готов сам спроектировать и изготовить нужное оборудование. Или они все как один докладывают, что ничего не можно, порядка нет и нужно обязательно звать варягов на княжение, иначе голод и разруха? Это же вредительство натуральное.

— Егор, извини, но ты рассуждаешь, как дилетант, — усмехнулся Валентин. — Невозможно в одночасье всех разогнать и набрать новых. А старых куда девать?

— Пусть рабочими идут, — в запале заявил я. — Если не хотят работать как инженеры, пусть учатся бочки кантовать. Также, кстати, искусство не из простых.

Старик с Валентином рассмеялись — весело, заразительно, словно я рассказал какой-то очень смешной анекдот. А мне стало обидно. Форумы в интернете я посещал регулярно и считал, что уже давно являюсь очень продвинутым дилетантом почти в любой области.

— Егор, — сказал старик, отсмеявшись, — тебе бы пораньше родиться, очень ценный кадр получился бы... для одного ведомства.

Ну да, для НКВД. Впрочем, в комитет, который стал преемником этой организации, и сейчас отбор вёлся строгий.

— Боюсь, я для этого ведомства слишком добрый, — ощетинился я.

— Там добрые и служили в основном, и ничего — задачи свои выполняли, — Михаил Сергеевич покачал головой. — Ты, Егор, слишком поспешен с выводами. Не разобравшись, рубишь с плеча — уволить, набрать новых, хорошо хоть не высшую меру предлагаешь применить. Но ведь у всего есть причина, иногда веская. Проблему пивоварения у нас не раз разбирали на высшем уровне, были приняты определенные решения, люди занимаются их выполнением, так что когда-нибудь и в нашей стране будут выпускать вот такое.

Он указал на мою бутылку, а я вспомнил Некрасова. «Только вот жить в эту пору прекрасную...» — бессмертные всё же строки.

Будут, конечно, уважаемый вы человек, куда они денутся. Только не в этой стране, а в другой, в которой вопрос пивоварения не рассматривается на уровне Политбюро как архиважный. Циркулярами и постановлениями пиво не сварить. Там вода подготовленная нужна, хмель нужного сорта, ячмень правильный. И руки, конечно, без рук там делать нечего.

Рассказывать всё это двум сидящим со мной за одним столом товарищам я не стал.

— Вы про будущее, а я про настоящее, — упрямо сказал я. — А в настоящем такого пива

у нас в стране нет, несмотря на все решения и постановления. Хотя я убежден, что эти решения были приняты не вчера, а как бы не несколько лет назад. Если я не прав — поправьте.

— Нет, отчего же, — кивнул старик. — Решения были приняты ещё в начале семидесятых. Просто всегда находились более важные дела, и под эти проекты не выделяли средства. Но в этом году обещают открыть финансирование.

— Не откроют.

— Почему это? — любопытно спросил старик.

— Больше десяти лет не выделяли, а теперь вдруг выделяют? Не верю, — я не Станиславский, но надеялся, что на это мне указывать не будут. — Все экономические обоснования наверняка устарели, потребуют новые, там другие материалы, другие заводы, наверное, появились, ещё что-то... не знаю... той же Америке надо на их «Звездные войны» отвечать, а это тоже деньги и немалые.

— Возможно, — Михаил Сергеевич вдруг потерял к теме пива интерес. — Егор, ты упомянул о будущем. Расскажи нам о нём.

[1] История про золото была в цикле Павла Дмитриева «Ещё не поздно», но она целиком совпадала с моей собственной информацией. В конце концов, кавказцы, что в начале 90-х промышляли «желтым» у Тушинского рынка, появились не из ниоткуда, у них были отработанные годами технологии извлечения ценных металлов из продукции электронной промышленности. «Желтое», кстати, в микросхемы тогда пихали от безысходности — без золота не могли обеспечить нужную чистоту контактов.

Глава 5. Мрачное будущее

— Ну... — я немного помялся, собираясь с мыслями. — Я правильно понимаю, что вы мне поверили?

Михаил Сергеевич медленно кивнул.

— Да, — сказал он.

— А почему? Или та информация, которую я... — я посмотрел на Валентина. — ...уже проверена?

Он легко выдержал мой взгляд.

— Про окончательные результаты говорить рано, — сказал он. — Но определенный прогресс есть.

У меня немного отлегло.

— Не только поэтому, — вмешался старик. — Валя, покажи ему.

— Вы уверены?

— Да, давай. Не помешает.

Тот всё же слегка поколебался, но залез во внутренний карман пиджака и достал сложенный вчетверо листок, расправил его, пригладил ладонью на свободном месте стола — и придвинул мне.

Я посмотрел.

Это был странный опросник, что-то вроде анкеты, и я никогда не видел ничего подобного, даже не предполагал, что такие документы существовали в реальности. Назывался он длинно, но понятно: «Признаки, присущие вражескому нелегалу в связи с его длительным проживанием в прошлом за границей».

В числе таких признаков указывалось знание иностранных языков, использование непривычных идиом и поговорок, незнание местных диалектов русского языка, путаница при произношении русских слов с иностранными корнями, хорошая осведомленность о жизни за границей и, одновременно, легкая путаница в советской действительности. Особенно меня поразили пункты про хорошее знание государственного устройства СССР и предупредительность в отношении женщин.

Наверху этого листка был небрежно написана моя фамилия с инициалами, а напротив большей части пунктов стояли зловещие плюсики, причем иногда — например, у хорошего знания государственного устройства — их было целых два.

Я ещё раз посмотрел на эту анкету и с трудом заставил себя улыбнуться, когда возвращал её Валентину.

— Сожгите и больше не позорьтесь, — твердо сказал я. — Через пару лет у вас тут таких будет легион, и все они окажутся просто дураками, по которым то самое низкопоклонство перед Западом плачет. Хотя настаивать не буду, в этой среде всяким ЦРУ проще всего вербовать своих клиентов. Но они, как правило, толком ничего не знают, только и могут выступать агентами влияния, чаще всего — на неосознанном уровне.

— Пока эта штука работает неплохо, — Валентин пожал плечами, свернул бумажку и убрал её в карман. — Помогает выявить подозрительных лиц.

— Пункты слишком мутные, — ответил я. — Этот опросник словно годах в пятидесятых был составлен и с тех пор не пересматривался.

Валентин и Михаил Сергеевич переглянулись.

— А зачем пересматривать то, что работает? — уточнил старик.

— Потому что надо идти в ногу со временем. А то в его конторе, — я мотнул головой в сторону Валентина, — похоже, рассуждают так же, как инженеры ВАЗа, который уже пятнадцать лет гонят одну и ту же модель, меняя только форму фар. Посмотрите, что за это время сделали инженеры и конструкторы на... пусть даже не на «Мерседесе», а, например, на французском «Рено». И эта анкета не объясняет, почему вы решили мне поверить.

Я допил пиво и с сожалением поставил бутылку на стол. Меня подмывало попросить ещё, но совсем наглотать я опасался.

— Если человек выглядит, как иностранный шпион, ведет себя, как иностранный шпион, но при этом с легкостью сдает других, хорошо законспирированных и, наверное, более полезных иностранных шпионов, это вызывает подозрения, — объяснил Валентин. — Особенно история с Шеймовым сюда не вписывается. Мы не знаем, что с ним, у американцев есть вся информация, которой он обладает... зачем им раскрывать карты? Проще согласиться с тем, что ты говоришь правду. К тому же в таком возрасте — и секретный агент? Так не бывает. А вот с путешественниками во времени мы ещё не сталкивались.

Я покрутил головой в поисках микрофонов, ничего, разумеется, не увидел, и посмотрел на Валентина.

— Здесь же безопасно говорить? Ваши не слушают?

— Мы же говорим — и ты тоже говори, — беспечно ответил он и с внезапной жесткостью напомнил: — Михал Сергеевич спрашивал про будущее.

— Будущее... — я на пару мгновений задумался. — Ну... в этом году, насколько я помню, ничего интересно не произойдет.

— А неинтересного? — уточнил Михаил Сергеевич.

Он посмотрел на меня с заметным ожиданием. Валентин успел достать небольшой черный блокнотик и ручку и приготовился записывать. Меня это немного напрягло, но я сделал вид, что всё нормально.

— Неинтересное происходит каждый день, — ответил я. — Вчера, сегодня, завтра. И послезавтра тоже наверняка что-то произойдет. Но я уже говорил Валентину, что в памяти остаются очень немногие события, да и те... я могу с путаться в хронологии. Например, я точно не помню, когда умер... умрёт Черненко — то ли март, то ли апрель следующего года. Скорее — март, но точная дата... уже не помню. Для меня это было сорок лет назад.

Валентин сделал какую-то пометку.

— Вообще-то смерть Генерального секретаря ЦК КПСС не та вещь, которую можно просто запомнить, — с напускным безразличием сказал он.

— Кому как, — пожал я плечами. — Год и примерный месяц помню — уже достижение, честно говоря. Они тут у вас часто умирают.

Это был удар ниже пояса, и Михаил Сергеевич заметно поморщился, а я в очередной раз проклял свой длинный язык.

— У нас? — вмешался Валентин. — Себя ты к нам не относишь?

— Хм... простите, — я постарался изобразить раскаяние. — Я ещё не до конца осознал, что я снова здесь. Говорю же — для меня прошла прорва времени, со мной случилась куча событий, на фоне которых смерть одного из Генеральных секретарей, пусть даже из самого ЦК КПСС, слегка померкла. Это как очень дальний родственник, на похороны которого вы

попали случайно... но не думайте, что я такой бесчувственный. Дату смерти Брежнева я помню.

— Почему такая избирательность? — спросил старик.

— Масштаб, думаю, несоразмерный, — я опять пожал плечами. — Всё же Брежнев был у власти... лет двадцать?

— Поменьше, но я тебя понял, — кивнул он. — Так что по этому году? Совсем событий нет? Так не бывает.

Ещё как бывает. И это обычно считается хорошим годом. Жаль, что в моей жизни таких хороших годов было не так уж и много.

— Бывает... — ответил я. — А можно ещё бутылочку? Горло смочить?

— Бери, — махнул рукой Михаил Сергеевич. — И давай побыстрее, время...

Он выразительно постучал пальцем по запястью левой руки, так что я в очень хорошем темпе достал из холодильника следующую порцию божественного напитка. Отпил глоток, собрался с мыслями...

— Эм... на Олимпиаду летнюю в Лос-Анджелес мы не поедem... и ещё какие-то соцстраны тоже, точный список не помню. В августе у нас будут свои игры, «Дружба-84»... ну и нейминг у нас, ещё бы «Веселыми стартами» назвали.

— Нейминг? — удивился Валентин, но почти сразу добавил: — А, понимаю. Да, наверное, смешно. А что, их не стоило проводить?

— Да нет, почему, — я отхлебнул ещё небольшой глоток «Будвайзера», растягивая удовольствие. — Чем бы, как говорится, дитя не тешилось... я про спортсменов, если что.

— Ну а ещё? — поторопил мои воспоминания Михаил Сергеевич.

Я понял, что спорт ему интересен постольку-поскольку.

— В Штатах переизберут Рейгана... но это, наверное, и так всем ясно. В Индии где-то в октябре убьют Индиру Ганди... охранники-сикхи, кажется, будут за что-то мстить. У нас в декабре под Красноярском разобьется Ту-154, больше сотни человек погибнет... номер рейса не спрашивайте, — я покосился на Валентина и добавил: — Чемпионом по футболу у нас станет «Зенит».

— Ленинградский?! — воскликнул Валентин, словно в высшей лиге было несколько «Зенитов».

— Да.

— Не может быть!

— Тем не менее... я думал даже найти подпольных букмекеров и поставить на это, чтобы по легкому денег срубить, но решил с законом не конфликтовать.

— Ну нахер, какой «Зенит»? — не унимался Валентин.

— Ленинградский, — ехидно уточнил я. [1]

— Валя, Егор, что вы как дети, — вмешался Михаил Сергеевич. — Егор, про Ганди и самолет информация точная?

— Насколько это возможно, — осторожно сказал я. — Так-то я даже насчет года не уверен с этими мелочами.

— Но это не мелочи, — сказал старик.

— Мелочи, — твердо повторил я. — Я и помню про Ганди и самолет лишь потому, что не так давно что-то читал про это. Но читал одним глазом, почти не включая мозг. В будущем слишком много информации, вернее, «белого шума», который забивает всё действительно полезное. Приходится как Шерлоку Холмсу — фильтровать, причем не имея

его способностей к дедукции. Получается вот так... наверное, со стороны это выглядит забавно, — я повернулся к старику. — Валентина я вроде убедил, что память человеческая может подводить даже в самых очевидных вещах. Могу и с вами попробовать.

— Не стоит, — отрезал Михаил Сергеевич. — Думаю, мы справимся и без этого. Продолжим. Рассказывай, что помнишь про смерть Константина Устиновича.

Следующие два часа я выдавливал из себя всё, что имелось в моих мозгах про то, что происходило в восьмидесятые. К тому же Михаил Сергеевич и Валентин оказались хорошими слушателями. Они не торопили, давали время подумать, иногда задавали уточняющие вопросы и относились с пониманием, если я всего лишь разводил руками и не мог ничего добавить к сухим фактам и расплывчатым датам.

Их почти не удивило то, что Генсеком после Черненко стал Горбачев — видимо, этот вопрос в определенных кругах уже прорабатывался, и мои собеседники были в курсе переговоров между различными группами влияния. Я вспомнил одну короткую заметку, автор которой писал, что Горбачев мог возглавить партию сразу после смерти Андропова, но кому-то в Политбюро показалось, что этот ставропольский выскочка ещё слишком молод и жизни толком не знает — и ему дали возможность ещё немного побыть в тени соратника самого Брежнева.

Не удивила их и затеянная Горбачевым перестройка вместе со всей гласностью и ускорением. Наверное, и в этом для лиц с определенным допуском не было ничего неожиданного. Впрочем, от результатов этих новшеств они заметно морщились, причем оба, хотя и в разных местах.

Но и мои размышления — вернее пересказ популярной в будущем конспирологии — о том, что Горбачев был агентом иностранных разведок особых волнений не вызвал. Валентин так вообще ехидно ухмыльнулся, показывая, что эту информацию он даже проверять не будет ввиду её очевидной бредовости. Я его не осуждал — в конце концов, я и сам пришел к похожему выводу. СССР развалили мы сами, своими руками. Горбачеву просто не повезло стать лицом этого неприглядного процесса, хотя и он был виноват во многом — слишком легко и бесплатно сдал всё, что кровью и потом завоевали его предшественники. Глупость, конечно, не наказуема, но не на высшем посту огромного государства. Королям многое дается, но и спрашивают с них строже.

Чернобыль вызвал средний интерес, хотя я как мог нагонял жути про страшную Зону, которая захватила огромные территории трех союзных республик и нескольких областей. Пытался протолкнуть идею про сталкеров, которые ищут там всякие ништяки, но Валентин читал Стругацких и фильм Тарковского тоже смотрел. Хотя то, что я не знаю точной причины аварии, их явно огорчило, но тут я ничем не мог помочь, хотя и вспомнил про «эксперимент» и «выбег реактора», а заодно фамилию Легасова, который по счастливой случайности был главным героем неплохого американского сериала. Но пришлось уточнять, что к аварии этот академик отношения не имел, хотя потом очень хорошо поборолся с её последствиями; заодно я озвучил — а Валентин записал — мысль о том, что он может и предотвратить то, что должно было случиться, если ему дать определенные полномочия.

Ещё мне понравилось, что мои собеседники не забегали вперед. Мы препарировали мою память последовательно, год за годом, и успели дойти лишь до девяностого, когда Михаил Сергеевич объявил, что на сегодня вечер воспоминаний следует завершить. Впрочем, услышали они явно больше того, что я им рассказывал.

— Егор, последний вопрос, — сказал старик. — Когда вы... мы отошли от социалистического пути? Когда решили не строить коммунизм, а вернуться к капитализму?

Я выматерился про себя, но вслух лишь вздохнул.

— Не знаю, Михаил Сергеевич, — признался я. — Формально и официально — в 1991-м, а неформально... наверное, в 1987-м, когда разрешили кооперативы. После этого уже обратно было не вернуться, — я немного помолчал. — Хотя китайцы как-то справились... они и там, в будущем, коммунистами остались. Правда, не уверен, что они именно коммунизм строят, но называют себя именно так. И компартия у них... У нас, конечно, тоже есть, но над ней больше смеются. А вот над китайцами не посмеешься.

— Значит, семь лет. Или даже три года в самом плохом случае, — старик задумался. — Быстро... мало что успеть можно.

— Зависит от целей, — осторожно сказал я. — Если цель — сесть на деньги, забрать под себя какую-нибудь доходную отрасль, то, думаю, времени достаточно. Если предотвратить, то да, можно и не успеть. Но можно отсрочить, чтобы получить больше времени.

— И как же?

— Убрать Горбачева... — я посмотрел на их лица и быстро поправился: — Не физически устранить, не смотрите на меня так. Просто убрать из Политбюро, чтобы он Генсеком не смог бы стать.

В принципе, я был уверен, что Горбачев заслуживает четвертования на Болотной площади.

— Хех... физически, как ты выразился, устранить несравненно легче, — Валентин поморщился. — В Политбюро сейчас четырнадцать человек, и большинство из них должны проголосовать за то, чтобы вывести кого-то из состава. А потом вынести на Пленум ЦК. Прецеденты были, но это не тот случай. Ты себе вообще представляешь этот процесс?

Я смутно помнил историю с Ельциным, который вылетел не только из Политбюро, но и из кресла первого секретаря московского горкома, но решил в этом не признаваться. Про Ельцина мы пока говорили только вскользь, и мне не хотелось углубляться в первого российского президента.

— Не представляю, — честно признался я. — Где я и где Политбюро, мы на разных планетах обитаем.

— Не на разных, но мы тебя поняли, — кивнул старик. — Значит, ты считаешь, что это единственный путь... И кто же, по твоему мнению, должен занять должность Генерального секретаря?

Он посмотрел на меня так, что только законченный дебил не понял бы, что это ловушка.

— Понятия не имею. Я знаю только один вариант истории, другой мне посмотреть не дали. Возможно, вы покажете.

— Что, ваши историки не изучали, кто мог бы сохранить прежний курс?

— Могли и наверняка изучали, только я эти их работы не читал, — я не дал сбить себя с толку, но потом подумал — и решил быть чуточку более откровенным: — Я тут недавно в библиотеке изучал состав этого Политбюро. И, мне кажется, никто оттуда ничего не сможет сделать.

— Почему это? — кажется, мне удалось удивить старика.

— Большинство слишком старые, им уже ничего не интересно, жила бы страна родная... — продекламировал я.

— Возможно. А остальные?

— А остальные слишком нетерпеливые и некомпетентные.

— Это... хм... серьезное обвинение. Поясни, — потребовал Михаил Сергеевич.

— Да это не обвинение, — отмахнулся я. — Вот на примере того же Горбачева.

Военное детство, потом учеба в школе, летом подрабатывал. Поступил в МГУ, на юрфак, кстати, — старик кивнул — видимо, знал эту деталь биографии будущего Генсека. — По специальности не работал, сразу пошел по комсомольской, а потом и по партийной линии. Занимался, если я не ошибаюсь, пропагандой и агитацией. Не знаю, много или мало он напропагандировал и наагитировал, но эти шутки — вещи в себе, учету и контролю не поддаются. Вернее, поддаются, но в неких абстрактных, оторванных от реальной жизни единицах. То есть решительно нельзя понять, хорошо или плохо работал товарищ Горбачев на своих должностях. В моё время ходили слухи, что его тянул кто-то из Москвы — мол, и в МГУ без экзаменов пристроили, и потом чуть ли не в КГБ пытались затащить, да Семичастный рогом уперся. Ну а про потом вы, наверное, лучше меня всё знаете. Много Горбачев наработал, когда руководил Ставропольским краем или был секретарем ЦК по сельскому хозяйству? Есть у него достижения?

Повисло недолгое молчание.

— Он внедрил новый метод уборки урожая... — Валентин потер лоб и пояснил, заметив наши взгляды: — Я в «Правде» читал. Продовольственная программа

— Отменили уже тот метод, — отрезал Михаил Сергеевич. — Как разовый эксперимент он был хорош, но постоянно его применять оказалось нельзя. Программа... Да, есть такая — и всё. Ты хорошие вопросы ставишь, Егор. Я посмотрю документы, подумаю. А кто в Москве его тянул? Об этом у вас не говорили?

— Однозначно — нет, думаю, даже если и было что-то подобное, то всё наглухо засекречено. Чаще всего Андропова называли... ещё, кажется, Сулова и Громыко.

Мои собеседники переглянулись.

— Андрей Андреевич жив... — пробормотал Валентин.

Мне показалось, что он не смог заставить себя произнести слово «пока» — но и не исключал, что мне просто померещилось.

— Жив, чего бы ему не жить, — кивнул старик. — Он мне ровесник.

Они оба посмотрели на меня, словно надеясь, что я им немедленно сообщу, когда умрет Громыко. Но я этого просто не помнил. До генсекства Горбачева тот точно дожил, это я знал безо всякой википедии, а вот что было с многолетним министром иностранных дел и «Мистером Нет» дальше — вылетело из памяти.

Я покачал головой.

— Не помню. Несколько лет точно.

— Что ж... — Михаил Сергеевич встал. — Тогда на сегодня всё. В следующий раз встретимся... пока не будем загадывать, тебе Валентин позвонит и пригласит. Егор, ты самостоятельно доберешься? Нам нужно посекретничать.

— Доберусь, конечно, — ответил я.

Чай, не маленький. Я изначально не рассчитывал, что меня ещё и обратно отвезут, как высокопоставленного чиновника. Или как секретаря райкома — кажется, это им по должности уже полагался «ГАЗ-3102», пусть и не в специальном исполнении.

Провожать меня вышел Валентин, но он остановился прямо на крыльце, достал своё

«Мальборо» и закурил, жестом предложив мне сделать то же самое. Я повиновался, хотя мои «Ту-134» выглядели слишком плебейски по сравнению с продукцией западной табачной промышленности. Но тратить на сигареты больше определенной суммы я не хотел, да и никакого «мальборо» в свободной продаже тут не имелось, это была роскошь, доступная только избранным. Я подозревал, что такой демонстрацией своих возможностей Валентин чего-то добивается, но его цели были скрыты от меня туманом войны. Всё же я знал его не слишком хорошо.

— И как там, в будущем? — спросил он.

Такой вопрос мне уже сегодня задавали, но Валентин имел в виду совсем иное.

— По-разному, — я пожал плечами. — В чем-то лучше, в чем-то хуже. Но точно беспокойнее.

— Почему? — он смотрел в сторону своей машины, но, кажется, не на неё, а на кусок неба, который виднелся между высоких тополей.

— Есть такая китайская поговорка... даже проклятие — чтоб тебе жить в интересные времена. Вот те времена, в которые мне выдалось жить, точно были интересными. Но не спокойными.

— Покой нам и так только снится, — напомнил Валентин расхожую фразу. — Знаешь, откуда это выражение? — я помотал головой: — Блок написал. Про другое время, про другие войны, про других людей, но нам она тоже подходит.

— Вам по должности нужно беспокоиться, — ответил я. — А обычным людям нужна обычная жизнь. Без потрясений, переворотов, войн и, желательно, с полным холодильником. Ещё можно кино какое-нибудь, концерт любимого музыканта, книжку хорошую, с приключениями и любовью. Чтобы детей было во что одеть и чем накормить, чтобы были детские сады и школы. Всё остальное опционально... необязательно. А мы... я из своих шестидесяти половину... даже больше... прожил в интересные времена, и могу однозначно сказать, что мне они не нравятся. Думаю, многие мои соотечественники променяют свою интересную жизнь даже на ваш застой.

— Застой? Что за «наш застой»? — насторожился он.

— Так время, когда Брежнев правил, назвали... ну, вернее, не только это время, но и андроповское. Да и сейчас этот застой тоже продолжается.

— Но почему?! — не выдержал Валентин. — С чего так назвали-то? Какой сейчас застой?

Я покатал в уме возможные ответы.

— Да неважно, — отмахнулся я. — Это чуть позже, я же рассказывал про перестройку, ускорение и гласность. Вот по сравнению с ними это время — застой. В принципе, логично — если хочешь что-то начать перестраивать, назови старый вариант как-нибудь неприятно, чтобы людям было легче смириться с переменами. Сталинский террор, хрущевская оттепель, брежневский застой...

— Блять! — он всё-таки выругался. — Вы там, в будущем, совсем с глузду съехали?

— Не «вы», а мы, — отрезал я. — Это всё будет через год-два, так что у нас есть хороший шанс поучаствовать. Как Горбачева сделают Генсеком, так всё и начнется. Валентин...

— Да? — он ещё не отошел и ответил слегка резковато.

— Вы с Михаилом Сергеевичем сможете всё исправить?

Этот вопрос дался мне нелегко, но я понял, что действительно хочу знать ответ. Если

уровень Политбюро для этих двоих недостижим, то мне надо начинать активно готовиться к рыночным отношениям. Пока что я был слишком далеко от них, барахтался в текучке и занимался всякой ерундой. Мне же хотелось провести наши девяностые с большим комфортом, чем в первый раз.

Валентин ответил не сразу. Он снова долго смотрел сквозь деревья на синее небо, курил и как-то задумчиво выдыхал дым.

— Это сложная задача, — наконец сказал он. — Я не могу дать гарантии, что всё получится, но могу дать слово, что мы сделаем всё возможное. Сейчас главное — понять, что нужно делать. Времени действительно слишком мало, конечно...

Я мысленно перекрестился и пообещал себе, что отправлюсь на радиорынок сразу же, как только разделаюсь с зачетами. Готовиться к временам свободной торговли, находясь в армии, было бы неудобно. Хотя я знал ребят, которым армейская форма ничуть не мешала.

— Понял, не дурак... — пробормотал я, но Валентин меня, кажется, не услышал.

— Егор, я должен задать этот вопрос, — сказал он, понизив голос почти до предела. — Про себя не спрашиваю... понимаю, что ты вряд ли знаешь. Но... сколько лет отмерено Михал Сергеичу?

Я подумал, что это хороший повод рассказать про нехорошую судьбу двух управделами ЦК.

— Не знаю, честно, — для убедительности я помотал головой. — До знакомства с ним я ни разу его фамилию не встречал... или встречал, но напрочь забыл. Для меня в будущем он был бы одним из многих советских чиновников. Так-то я даже год смерти Горбачева путаю — то ли двадцать первый, то ли двадцать второй. Скорее всего, двадцать второй, они тогда кучно пошли.

— Они?

— Ну те, кто Союз разваливал. Бурбулис, Шушкевич, Кравчук. Ну и Горбачев тоже.

— Бурбулис от России подписывал? — как бы между прочим уточнил Валентин.

— Нет, он был советником Ельцина, тот подписывал, но он раньше помер, ещё в нулевые. Ельцин сейчас первый секретарь в Свердловске, вот и Бурбулис тоже где-то там обитает, но вроде бы обычным профессором в каком-то институте. [2] Но их таких... как там у вас в ведомстве говорится? Всех не перевешаете? — я слегка кривовато усмехнулся.

— Понятненько... — Валентин достал новую сигарету, но прикуривать не торопился.

— Сомневаюсь, что вам понятно, — зачем-то сказал я. — Следующие несколько лет у нас были... будут? Не знаю, как правильно, но бог с ним. В общем, времена будут не просто интересными, а очень интересными. Грубо говоря, сейчас тот же Ельцин — преданный коммунист, который изо всех сил работает на благо партии и народа во вверенной ему области. А через пять-десять лет это уже видный деятель капиталистического труда. И ведь не скажешь, что он кого-то предал. Просто времена изменились, и он изменился вместе с ними. Были же после Гражданской всякие военспецы, которые царю присягали, а потом большевикам служили не за страх, а за совесть?

— Да, пожалуй, бывает и не такое, — согласился Валентин. — Ладно, подумаем. Уж поверь, определенные возможности у нас есть. Может, что и сможем. Ну а нет...

— На нет и суда нет, — откликнулся я. — Простите, но я пойду. Мне ещё с Аллой мириться. Она на меня обиделась.

Валентин посмотрел на меня с некоторым недоумением, но кивнул — и махнул рукой в сторону калитки.

— Иди. Потом ещё поговорим.

В этом я нисколько не сомневался.

[1] Чемпионство ленинградского «Зенита» в 1984 году действительно было неожиданным — тогда в фаворитах ходили Динамо (Киев) (чемпион 1980, 1981), Спартак (Москва) и «Днепр» (чемпион 1983), — хотя и относительно закономерным для специалистов. Ко времени действия этой главы (начало июня 1984 года) «Зенит» был в тройке лидеров чемпионата. До конца июня у команды был спад, зато потом они выдали серьезную победную серию — и в ноябре стали чемпионами. Ходили упорные слухи, что всё это случилось благодаря товарищу Романову, который очень хотел собственных чемпионов и не жалел для этого денег, но я уверен, что это вранье.

[2] Геннадий Бурбулис до перестройки был завкафедрой некой конторы неясного назначения под названием Всесоюзный институт повышения квалификации специалистов Министерства цветной металлургии СССР в Свердловске. Впрочем, для видных деятелей перестройки и независимой России это, скорее, правило. Чубайс тогда был доцентом Ленинградского инженерно-экономического института, а Егор Гайдар работал в шарашке под названием «Всесоюзный НИИ системных исследований» — вместе с Петром Авеном Олегом Ананьиным и Станиславом Шаталиным. В общем, те ещё специалисты.

Глава 6. Романтиком больше

До станции метро я добрался быстро, но там притормозил на перекур и осмысление своих дальнейших действий. Дома меня ждала злая Алла — вернее, я очень надеялся, что она ждала и что делала это дома, а не у Ирки, — и мне как-то надо было налаживать с ней отношения. Тем более что я сам был виноват в том, что у неё испортилось настроение.

«Сокол» сейчас был центром районной или даже городской торговли — различные магазины, магазинчики и гастрономы оккупировали первые этажи сталинских домов и привлекали толпы народу, хотя был уже вечер, и скоро все эти заведения начнут закрываться одно за другим. Эта Москва по ночам спокойно спала, не зная другой жизни и, пожалуй, не особо её желая.

Мой взгляд упал на вывеску «Звукозаписи»; она была очень скромной по сравнению с висящей рядом «Рыбой», но в эту контору был отдельный вход с дверью со стеклянным окном. Я подошел поближе, убедился, что внутри никого из клиентов нет — и вошел в небольшое помещение, в котором было окошко в другое помещение, побольше. За окошком скучал молодой мужчина в джинсовой «вареной» курточке и с начесанными волосами, по которому какой-то мастер аккуратно прошелся перекистью. Он явно читал — что-то, спрятанное под прилавком, вне поля зрения потенциальных покупателей.

— Привет, — сказал я, чтобы привлечь его внимание.

— Привет, — недовольно буркнул он и поднял на меня взгляд. — Чего желаете?

— А что можете предложить?

— Можно музыкальное поздравление сделать, на гибкой пластинке. Есть большой выбор музыки на магнитофонных кассетах и бобинах, — заученно пробубнил он. — Прейскурант — вон там.

— А что-то по моему выбору записать? — я чуть понизил голос.

Он быстро оглянулся по сторонам.

— А что интересует?

— Западный рок. «Слейд», «Ти-Рекс»... такого типа.

— Глэм-рок, — определил парень. — Сейчас, подожди.

Он нырнул куда-то под прилавок, пошумел там и вынырнул с большой общей тетрадкой. Полистал её, нашёл нужную страницу и положил тетрадь на прилавок.

Это был написанный аккуратным крупным почерком список групп и названия их альбомов; среди них были и те команды, что я назвал. Я не был большим любителем именно «Слейда», у «Ти-Рекса» меня вдохновляли вообще две песни, но спрашивать про них было безопасно — одни, кажется, ещё трепыхались, а другие давно закончились по причине смерти солиста. Про остальных западных музыкантов я такой уверенности не испытывал, хотя большинство рок-классики к этому году уже было спето и даже забыто.

Я перелистнул пару страниц. В принципе, выбор был не слишком богатый, но это было легко объяснимо. Пластинки в Союз попадали странными и не всегда прямыми путями; насколько я помнил, имелись какие-то налаженные каналы распространения записей с них — у одного я стоял прямо сейчас, — но всё зависело от вкусов и предпочтений конкретного дилера, как назвали бы этого паренька в моем будущем. Например, этот паренёк вроде бы ценил битлов — в списке были все альбомы великих британцев, но упор был на хард-рок. Я подумал, что тут можно будет выгодно сдать доставшуюся мне в качестве трофея пластинку

«Back in Black» металлической группы AC/DC. Вряд ли Лёха вернется за своим добром.. хотя и этого исключать нельзя.

— И сколько будет стоить записать пару кассет? — спросил я.

— По червонцу, если на фирменную. Но есть «свема», за неё восемь. На бобину если — пятерка.

Я снова уставился в список и задумался.

В моей памяти причудливо смешались смутные воспоминания про магазинчики звукозаписи из разных лет застоя, перестройки и начала девяностых. В бытность студентом я никогда ими не интересовался, поскольку не имел магнитофона. Много позже, когда у меня дома появился музыкальный комбайн от «Панасоника», а в машине — относительно современная магнитола, кассеты продавались буквально везде и относительно недорого, причем и с записями, и без. Иногда я брал у приятелей и знакомых новомодные компакт-диски и переписывал себе то, что понравилось, но чаще пользовался готовой продукцией, считая их чем-то вроде расходного материала. Затирались они при интенсивном использовании быстро, возни с ними была прорва, но вождение под музыку компенсировало эти неудобства. Да и клиенты той поры были не так разборчивы, хотя кто-то и просил включить радио — правда, моя магнитола была не настолько продвинутой, принимала только УКВ, а вот новомодное FM ловить отказывалось.

Эти воспоминания навели меня на мысль про ещё одну возможность заработать, которая сейчас была просто неактуальной. Появление радиостанций в FM-диапазоне в Москве случилось лишь в девяностые, в этом году там царила пустота и запустение, и дешевые радиоприемники на небольшой, сантиметров пять в поперечнике, плате, которые можно было подключить, например, к магнитофону, были бы никому не нужны. Собирать УКВ было бессмысленно — этого добра в магазинах была прорва, причем в заводском исполнении. Правда, я не понимал, что народ там сейчас слушаешь — радио «Маяк»? В общем, идею с радиоприемниками я отложил в долгий ящик до лучших времен и сосредоточился на делах насущных.

А дела эти обстояли так — в обычной «Звукозаписи», в насквозь советском 1984-м, можно было просто попросить и получил кассеты с кучей альбомов отечественных и западных исполнителей. Разумеется, за деньги — бесплатно никто ничего записывать не будет. Деньги, кстати, не самые маленькие, учитывая то, что на червонец наш брат студент обычно жил неделю, ни в чем себе не отказывая. Но у меня имелось некоторое количество бабла, с которым я готов был расстаться, и я начал всерьез обдумывать, стоит ли оно того или ну его нахер. Кроме того, я не представлял, что из представленного репертуара способно меня заинтересовать.

Осенило меня, как это обычно бывает, внезапно — мне нужно было выбирать не на свой вкус, а на вкус Аллы. Это был бы идеальный подарок для этого времени и для этих обстоятельств, который способен загладить любую вину. Проблема была в том, что я смутно представлял, что нравилось моей девушке. То, что она ходила на разные сейшены и слушала советский рок, не значило ничего — особого выбора не было. Не исключено, что с таким же энтузиазмом она будет отплясывать на концертах... я напрягся, чтобы вспомнить, кто из западных музыкантов приезжал в СССР в конце восьмидесятых. У нас точно побывали Билли Джоэл и Андриано Челентано, были ещё какие-то итальянцы из Сан-Ремо, в каком-то году студенты ломились на вполне хардовый Uriah Heep, а чуть позже — и на заслуженных

монстров из Pink Floyd. И любой из этих музыкантов мог понравиться Алле.

Я полистал тетрадку. Челентано в списке имелся, причем с пометкой «лучшее». Но потом мой взгляд упал на Vee Gees, и я понял, что нужно брать, пока дают. Мне лично творчество этой группы не особенно заходило, и даже культовая вроде вещь «Stayin' Alive» вызывала оскмину — настолько она была заезжена и затерта до дыр. Но здесь и сейчас да ещё и для молодой девушки диско вполне подходило. Я ещё полистал тетрадку — АВВА тут тоже имелась, как и Boney M.

— Би Джис, Аббу и Бони М, сборники, — сказал я продавцу, возвращая ему тетрадку. — А из «Кино» что-то есть?

— «45», — не задумываясь ответил он. — Но... не советую.

— Почему?

— По сравнению с тем, что ты выбрал, наши будут звучать не слишком удачно. Лучше на их концерт попасть, если подходы есть, — последнюю фразу он сказал с таким намеком, что ежу было понятно — подход у него имеется.

Но и мы были не лыком шиты — у нас имелся Дима Врубель. Пусть не у меня, а у Аллы но это тонкости, которые никого не интересуют.

— Учту, — улыбнулся я. — Тогда «Кино» не надо.

— Фирму или «Свему»?

Слово «фирму» он произносил с ударением на «у», и получалось забавно. Я снова задумался.

— А тут поблизости кассетник есть где купить сейчас? — уточнил я, посмотрев на часы.

Полшестого, время ещё есть.

— За углом, большой магазин электроники. Им вчера «Романтиков» привезли, в обед ещё не распродали. Сейчас не знаю.

— Что ж... — я почесал затылок. — Понадеемся на удачу. Давай на «фирме».

Удача была на моей стороне. Магазин за углом ещё работал, а «Романтики» марки «М-306» имелись в наличии. Усталая продавщица достаточно быстро оформила мне покупку, причем она заметно оживилась, когда я не стал просить рассрочку. Стоило это чудо советской техники 180 рублей — почти всё, что у меня оставалось после того, как большую часть своих денег я вложил в бабушкину шкатулку, — но, насколько я помнил, агрегат был достаточно надежным — при соответствующем уходе, разумеется. Но ухаживать за подобными штуками я когда-то умел хорошо и надеялся, что сумею оживить нужные навыки.

Так что на Новоалексеевскую я приехал с покупками. Меня подмывало опробовать своё приобретение ещё в метро, поставив попутчикам хоть и «Stayin' Alive», но я не стал искушать судьбу. Сейчас — да и в мои времена тоже — подобный поступок был слишком явным вызовом обществу, который бдительные милиционеры наверняка постарались бы прекратить. Снова разбираться с местными правоохранительными органами мне не хотелось.

Алла была дома, и настроение у неё было очень отрицательным. Елизавета Петровна, с которой я столкнулся в коридоре, заговорщицки прошептала, что её внучка разбила две тарелки, пока пыталась пообедать, и это очень нехороший знак. Но на её вопрос, не знаю ли я, что случилось, я соврал, что понятия не имею. Хотя точно знал, что произошло.

Аллу я нашел в комнате. Она стояла у стола и раскладывала стопку учебников и тетрадей по отдельным кучкам. Судя по всему, её мысли были далеки от этого процесса, потому что уже при мне она на секунду остановилась, снова сгребла всё в одну стопку и опять начала разбирать.

— Алла, смотри, что я купил! — я был сама жизнерадостность.

Она повернулась ко мне, но даже не улыбнулась. Я был уверен, что она слышала, как я вошел в квартиру и шептался с бабушкой. Но, похоже, четыре часа наедине с собой взрастили её обиду до космических высот.

Алла посмотрела на коробку в моих руках.

— Что это? — спросила она тусклым голосом.

— Магнитофон, кассетный, на батарейках, — тоном жизнерадостного дебила объявил я. — Я и кассеты купил, тебе понравится.

— Да?

— Точно!

Я подошел к столу, решительно отодвинул в сторону её учебники, открыл коробку и достал «Романтик». Воткнул шнур в разъем, а вилку — в свободную розетку на стене, вставил кассету с Vee Gees и нажал кнопку воспроизведения. Комнату заполнил хорошо знакомый мне классический медляк «How Deep Is Your Love» — почему-то сборник начинался именно с неё. Головка у магнитофона была новенькой и незаезженной, кассета — золотой «Maxell XLII», и запись была нормальной. Так что звук был приятный и чистый. Жаль, что у «Романтиков» это ненадолго.

Я повернулся к Алле и протянул ей руку.

— Позвольте пригласить вас на танец? — я посмотрел ей прямо в глаза.

Она хотела что-то сказать, но я просто шагнул вперед, обнял её за талию и медленно закружил. В комнате было светло, никакого интима не предполагалось, но мы топтались вплотную друг к другу, я уткнулся носом в макушку Аллы и чувствовал приятный запах её волос. Правда, мне было щекотно.

— Рассказывай, чем я тебя обидел, — тихо сказал я, склонившись к её уху.

— Ничем, — буркнула она.

— Не обманывай меня, девочка, — прошептал я. — Я же не слепой. И ты обещала, что будешь всегда говорить со мной честно.

Ничего подобного Алла не обещала, но вряд ли она сейчас способна вспомнить это.

Я почувствовал, как она засопела мне в плечо.

— Ты на неё смотрел! — наконец выдала она.

— На кого? — уточнил я.

Я прекрасно знал, что она имеет в виду, но мне нужно было, чтобы она выговорилась.

— На ту девушку, которая пришла с подругами позже всех. Ты на экран почти не обращал внимания...

— Вообще-то обращал. Смотрел не отрываясь, — перебил я её, чтобы увести разговор в нужную сторону.

— Ты даже не сможешь пересказать, о чем фильм...

— Сирота, которого в детстве взяли в рабство, вырос в могучего Шварценеггера, научился обращаться с мечом и отправился мстить темному волшебнику, который убил его родителей. С помощью случайных друзей он нашел своего врага и снёс ему голову так, как тот когда-то убил его мать. Я ничего не пропустил?

В своем далеком будущем я читал какую-то глубокомысленную статью, в которой сравнивались культовые хиты, которые покоряли зрителей в конце XX века. Автор этого исследования продвигал нехитрую мысль, что главный герой должен быть сиротой, пережить в детстве издевательства, а потом обзавестись друзьями и победить всех врагов — это обязательные составляющие, необходимые для того, чтобы добиться того успеха, о котором мечтает любой писатель или режиссер. В качестве примера приводились «Звездные войны», «Гарри Поттер», «Властелин колец» — этот с оговорками — и да, «Конан». Поэтому я просто пересказал Алле условный и упрощенный донельзя типовой сюжет сказки, в котором действительно можно было опознать фабулу приключений Люка Скайуокера или Гарри Поттера. Ну и киммерийца Конана, разумеется.

— Н-нет, — голос Аллы немного дрогнул. Она резко подняла голову: — Но я видела, что ты смотрел не на экран! Как ты мог всё увидеть? Может, ты ещё и имя главного злодея запомнил?

— Тоже мне, бином Ньютона, — я улыбнулся. — Тулса Дум. Его, кстати, играет тот актер, который Дарт Вейдера в «Звездных войнах» озвучивал. А сценарий...

Я запнулся, поскольку совершенно не помнил, известен в этом времени Оливер Стоун или же он ещё не снял свои лучшие фильмы и поэтому всего лишь пишет сценарии к второсортным фэнтези-боевикам. Но мне опять помогли Vee Gees. Медленная песня закончилась, началось что-то мне незнакомое и бодрое, я выключил магнитофон и увел Аллу на диван. Мы сели, я обнял её одной рукой за плечи и продолжил:

— Сценарий, говорю, основан на очень популярной книге... ну, у них там популярной. У нас её не переводили, я не читал... собственно, там сотня книг или около того, им лет пятьдесят...

Меня потянуло что-то сказать про вторую часть, но и тут я мог попасть пальцем в небо — «Конан-разрушитель», кажется, ещё не вышел даже на Западе, не говоря уже про наших доморощенных пиратов. [1]

Алла растерянно посмотрела на меня, и я хорошо понимал её состояние. Она уже убедила себя, что мне понравилась другая девушка, она сложила в голове некую логичную картину того, что видела в импровизированном кинозале у Снежаны — а я парой предложений взял и всё разрушил. Обвинять меня вроде бы теперь не в чем, фильм я пересказал, злодея поименовал, да ещё и пару подробностей выдал, о которых она точно не знала.

— Но...

— Никаких «но», Ал. В принципе, ты права... я поглядывал на ту девушку, но по причине, которая мне самому кажется слишком детской.

Ага. Она была моей первой женой, и с месяц назад я всерьез рассчитывал снова повторить этот брак, потому что у её родителей есть квартира в хорошем районе, и они прилично зарабатывают. Конечно, я не собирался признаваться в том, что являюсь настоящей меркантильной свиньей.

— Почему детской?

— Хм... — я сделал вид, что смущен. — Просто она очень похожа на тебя. Вот я и думал, что у меня глюки... и пытался убедиться, что всё взаправду.

Это было почти честно. Алла действительно была похожа на ту девушку, которая когда-то стала моей женой — причёской, типажом, выражением глаз, и меня удивляло, что я не сразу разглядел это сходство. Но одновременно они были совершенно разными, это я могу

утверждать наверняка, поскольку хорошо знали обоих — вернее, Аллу я пока узнал не до конца, но далеко продвинулся в этом направлении. Впрочем, обычно так и бывает. Вторая и третья мои жены, скорее всего, тоже были из этого же типа женщин, но их я как раз помнил плохо, хотя и не понимал, почему; просто их лица буквально стерлись из памяти, и я не смог бы их описать даже под угрозой смерти. Но в целом человек слишком предсказуемое животное, склонное к привыканию и не меняющее свои привычки на протяжении всей жизни, особенно если эти привычки не связаны с чем-то опасным.

Но на Аллу мои слова произвели нужный эффект — она оттаяла, а потом уткнулась мне в плечо и еле слышно прошептала «прости».

— За что? — с недоумением спросил я. — Ерунда это всё... твой препод прав, надо честно всё проговаривать — и проблем будет меньше, а согласия — больше. Но вообще тебе не стоит волноваться, что я решу мучить кого-то другого. Я уже выбрал тебя, так что не отвертись.

Она шмыгнула носом и — я не видел, но почувствовал — улыбнулась.

— И никогда не ревнуй, — добавил я. — Ревность чувство иррациональное и небезопасное. Твой Боб тому живое доказательство.

— Он не мой... — пробормотала она.

— Вот и хорошо, — одобрительно кивнул я.

Пожалуй, мне действительно не стоило так беззастенчиво смотреть на ту девушку. Сейчас она мне никто и звать её никак; я не собирался лезть к ней и знакомиться, а представить нас Снежана забыла. Я, конечно, знал её имя, знал и адрес, где она обитает, знал, где она учится и какие у неё оценки. С её подружками у меня как-то не сложилось — я их тупо не знал или хорошо забыл.

С точки зрения вечности наш брак продлился мгновение, не больше, и большую часть времени мы были заняты ребенком, ссорами с родителями, а потом — и между собой. Тут уже не до подружек; со своими приятелями я её тоже не познакомил. Кажется, Жасым её и не видел ни разу — гостями на свадьбе занимались её родители, а им бы и в голову не пришло звать каких-то казахов.

На той свадьбе была куча каких-то незнакомых мне личностей, которые считались родственниками невесты; мне они запомнились чинным пьянством и вежливыми криками «горько», которые издавали по команде тёщи. В целом это было так себе торжество и так себе семейная жизнь. И пусть я теперь знал, что нужно делать, а чего делать ни в коем случае нельзя, я не хотел подниматься на эту Голгофу второй раз. К тому же я и в самом деле уже выбрал Аллу — и не хотел менять своё решение. Тем более — по такому незначительному поводу.

Но вообще-то Аллу надо было воспитывать, воспитывать и ещё раз воспитывать. Не в домостроевском смысле, а в более спокойном отношении к различным жизненным коллизиям. Мало ли на кого я посмотрю за свою новую жизнь? Мне не хотелось бы провести часть её, придумывая для своей жены некую параллельную реальность, сотканную из лжи и недоговорок. Между мной и Аллой и так имеется стена, которую воплощает моя глобальная ложь. Но рассказывать ей про своё попаданство я собирался только в самом крайнем случае.

[1] «Конан-разрушитель» вышел в прокат США 29 июня 1984 года. Сценарист «Конан-варвара» Оливер Стоун прославился после «Взвода», который он снял в 1986-м.

Глава 7. Необязательная молитва

— Достаточно, Серов, — оборвала меня Рыбка. — Давайте вашу зачетку.

Я протянул ей вытянутую синюю книжицу, самую большую ценность любого студента, и с удивлением наблюдал, как она выводит в нужной строке название своего предмета, пишет волшебное слово «зачет» — и ставит свою витиеватую подпись.

Меня всё это так заворожило, что я не сразу опомнился, и Рыбка какое-то время провела с зачеткой в протянутой ко мне руке, словно я отвергал её милость и буквально напрашивался на ещё одно посещение этого кабинета.

— Серов, возьмите, — вернула она меня в реальный мир. — Я вижу, что вы хорошо позанимались дома, чтобы показать мне свои знания. Надеюсь, что вы меня не разочаруете и на экзамене.

— Не разочарую, — собрался я с мыслями и улыбнулся. — Буду стараться изо всех сил. Мне нравится математика.

— В прошлом семестре вы этого не продемонстрировали, — напомнила она. — И в этом тоже... поначалу.

— Я не всё понимал, — признался я. — Но потом подучил то, что мы проходили, и стало понятнее. А когда понимаешь, любой предмет лёгкий.

— В этом вы правы, — она внезапно тоже улыбнулась. — До встречи на экзамене. И позовите следующего.

— Спасибо, Сара Яковлевна... — пробормотал я, поднялся, подхватил сумку и, стараясь не спешить, пошел к двери.

На самом деле мне хотелось прыгать, поднимая руки вверх, и кричать «ура» на всех известных мне языках. Диффуры были последним из зачетов, которые мне нужно было получить для допуска к сессии — и, пожалуй, самым сложным из них. В первой жизни я справился с двух заходов и считал, что мне повезло. Тогда для пересдачи я прибежал в институт в понедельник ранним утром, каким-то чудом отловил Рыбку на кафедре, сумел доказать ей необходимость прислушаться к моему лепету, а потом успел в деканат — и был допущен к экзамену, который проходил в тот же день. Сейчас я был избавлен от этих треволений и мог спокойно готовиться к истории, которую, впрочем, уже вспомнил на достаточно неплохом уровне.

Все зачетные недели, через которые я прошел в институте за свою первую жизнь, напрочь стерлись из моей памяти. Я мог иногда вспомнить моменты со сдачи каких-либо экзаменов — далеко не всех, разумеется, но части из них. Но я совершенно забыл, как сдавал зачеты, и эта область мозга оставалась заблокированной. Сама зачетная неделя нисколько не помогла возвращению воспоминаний. Я входил в знакомые аудитории, общался с преподавателями, которых успел по-новому узнать за прошедшие два месяца, но сам процесс сдачи проходил для меня словно в первый раз. Но ничего сложного в этом не оказалось.

Насколько я понял, преподаватели в основном проверяли нашу посещаемость, просматривали результаты контрольных работ и домашних заданий, потом задавали несколько вопросов по тем темам, которые студенты могли не знать по каким-то причинам — и проставляли свою подпись в нужной графе. Я, правда, помнил, как мы сдавали тогда библиографию, но оказалось, что на деле всё было гораздо проще — нас разбили на группы,

нашу троицу прикрепили к паре девчонок, которые неплохо разбирались в библиотечных карточках; они и помогли нам без каких-либо споров.

На философии я вообще только посветил лицом; экзамена у нас по ней в этом году не было. На зачете-семинаре замученная жизнью философичка спрашивала тех, в ком она точно была уверена; я в число передовиков философской мысли не попал, чему был несказанно рад. Определенные сложности возникли только на физике и химии, где нужно было решить по паре задач, но я справился.

В общем, эта неделя была, пожалуй, самой простой в моей новой жизни. Я сбросил груз будущего на двух людей, которые, я надеялся, были старше и умнее меня. В прошлое воскресенье Елизавета Петровна, удовлетворенная новой дверью и сделанным мною мелким ремонтом стен, отбыла на дачу.

В один из вечеров мы с Аллой прогулялись до гаража, где она внимательно слушала на «Романтике» купленные мною кассеты, а я раскидывал «Верховину» на мелкие запчасти, начав с покореженной передней вилки. Разрушения там оказались не слишком фатальными, хотя сам узел надо было менять целиком, как и переднее колесо. Но всякие тросики уцелели, что меня немного порадовало — я сомневался, что они будут ждать меня даже у самых лучших перекупов Сокольников. Заодно я разобрал двигатель, и вот там поводов для радости было немного — в идеале надо было подбирать новый поршень под цилиндр, если, конечно, у «жучков» найдутся детали с нужным допуском, менять свечу зажигания и регулировать сцепление — желательно, с заменой дисков. Предыдущий владелец всё-таки ездил очень неаккуратно, хотя «морж» Николай и уверял в обратном. Впрочем, он мог его купить уже с рук, что объясняло серьезный износ почти всего, а я мог забить на эту проблему, хотя было несложно поискать на толкучке в дополнение к колесу ещё пару деталюшек.

Параллельно я готовился к походу в Покровское-Стрешнево — но пока только умозрительно. Хотя и приобрел номер журнала «Радио» в киоске «Союзпечати» — не в надежде найти там нужные мне схемы, а чтобы освежить в памяти полученные когда-то знания.

А ещё Алла в четверг притащила мне джинсы — отечественное убожество, пошитое в городе Калинин. Она наткнулась на распродажу этого дефицита в универмаге у института и каким-то чудом угадала с размером — штаны сидели на мне очень неплохо.

Я втолкнул в кабинет нервного Дёмыча, закрыл за ним дверь и повернулся к грустному Жасым. Он был у Рыбки до меня, срезался на каком-то вопросе и был отправлен подумать над своим поведением. Он знал математику похуже меня, в первой жизни ходил сдавать зачет раза три, но экзамен тоже вытянул на «четверку», хотя и со второго раза. Дёмыча, насколько я помнил, ждали то ли три, то ли четыре свидания с Рыбкой, но в итоге он взял её измором в конце августа. В следующем семестре измор уже не сработал.

— Ну как? — спросил Жасым.

— Нормально, сдал, — я показал раскрытую зачетку.

— Уй... ненавижу тебя, — он улыбнулся.

— В понедельник вставай пораньше и дуй на кафедру, — посоветовал я. — Она будет принимать должников и будет в хорошем настроении. Если успеешь в первых рядах, то сдашь сто процентов и на экзамен успеешь.

В прошлой жизни Жасым решил не просыпаться слишком рано, потому что надо было ехать на удачу, с низкими шансами застать Рыбку на месте. Мне тогда удача улыбнулась, и я

надеялся, что Казах прислушается к моему ценному совету. Ну а на нет — суда действительно нет. Если ему нравятся свидания с Рыбкой — кто я такой, чтобы стоять на пути его счастья?

Он же на мои пророчества лишь поморщился.

— Попробую, — сказал Казах с легким сомнением в голосе. — Слушай, Егор, я вот что подумал...

— Чего?

— Ну... просто я думал над твоим предложением... ну, про паяние и те штуки на платах...

— Декодеры? — уточнил я.

— Да, они. Там действительно большие деньги крутятся?

— Там пока ничего не крутится, — честно признался я. — Этот рынок придется создавать прямо с нуля. Объяснять людям, зачем им эти декодеры, в чем их выгода, почему они должны нам поверить и так далее. В общем, возни будет много, и денег поначалу мало, одни расходы. Но эти расходы я возьму на себя, у меня скопилось немного.

— Эм... а я-то тебе зачем тогда? — недоуменно спросил Казах.

— Одному сложно, — сказал я. — Человек не сможет успеть везде и всюду. С напарником всегда проще... особенно если есть доверие. От тебя надо умение паять нормальное... месяца за два обучишься, если филонить не будешь. Заодно будет, чем заняться на каникулах. Ну а в сентябре, помолясь, начнем — тогда и деньги пойдут.

— Как у тебя всё... просчитано. Обучишься... — протянул Жасым. — Меня отец запряжет так, что лишний раз вздохнуть будет некогда. Он как раз отпуск берет и ещё месяц за свой счет, будем мотаться по всей области... в общем, вот такие дела, брат.

Да уж, сурово у этих казахов с воспитанием подрастающего поколения. Жасым не сказал, по какой надобности его отец будет два месяца таскать сына по актюбинским степям, но в этом Казахстане ещё с царских времен сохранилась байская система, от которой тамошние кланы отказываться не торопились. Нацепили партийные значки, переименовали свои мажилисы в советы, окружают пришлых русских варягов заботой и теплом, а сами под коврами обделывают те же самые дела, что и в старые добрые времена. Я припомнил, что как раз в Казахстане произошел один из самых первых национальных бунтов в советских республиках — причем случится он, кажется, совсем скоро, через год или два. [1]

Жасым, конечно, на роль байского сынка совсем не походил, но я ничего не знал про его отца-казаха и уж тем более ничего не знал про его тайные дела с тамошней элитой. Может, он там подрабатывает кем-то вроде спецуполномоченного по сбору дани — тоже сезонная работа, которая, как известно, год кормит. Что-то вроде студенческого стройотряда, только на другом уровне доходов и расходов.

— Ну не знаю, — я пожал плечами, словно мне было безразлично, чем таким интересными занимает мой сосед по комнате на каникулах. — Попробуй найти время сейчас... понимаю, сессия и всё такое, но если этим заниматься, то надо заниматься. Я и сам пока в паянии так себе, мне тоже придется попрактиковаться от души.

Вернее, вспомнить давние навыки, поскольку паять я когда-то раз умел и, по отзывам, делал это неплохо. Во взрослой жизни это умение мне совершенно не пригодилось, но я надеялся, что сработает некий эффект велосипеда, как только у меня в руках окажется нужный инструмент.

— Я понял... — покивал Жасым. — А ты когда на тот рынок поедешь?

Я секунду поразмыслил.

— Завтра или в воскресенье, по будням там делать нечего. От Аллы зависит.

Откровенно говорят, от Аллы мало что зависело, разве что она могла поехать со мной — или не ездить. Но она вроде бы собиралась усиленно готовиться к экзаменам, а на моё внимание претендовать только вечерами. Впрочем, мне ещё надо было в Сокольники, а вот радиорынок как раз мог и подождать. В конце концов, без Горбачева — вдруг у моего Михаила Сергеевича и его верного Валентина всё получится — затеваться с декодерами смысла не было. Хотя как знать — крыша от госбезопасности во все времена считалась самой надежной, а Валентин вроде бы умел устраиваться.

— А, хорошо, — кивнул Казах. — Я тебе тогда вечером наберу и скажу, что надумал. Наверное, с тобой прогуляюсь, если ты не против.

— С чего бы мне быть против? — удивился я.

— Мало ли, — он вдруг посерьезнел: — Слушай, а молиться обязательно?

Я хотел хлопнуть себя ладонью по лицу, но сдержался. Вместо этого я улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— По желанию, Казах. Исключительно по желанию.

После первого разговора про паяльники и декодеры мы с Казахом продолжали общаться почти как прежде. Здоровались-прощались, что-то обсуждали, о чем-то разговаривали на переменах. Всё портило как раз вот это «почти», которое я не ощущал, а вот Жасым, кажется, чувствовал очень хорошо и поэтому переживал. Во всяком случае, Жасым вёл себя со мной чуть более суетно, чем раньше, зато почти перестал употреблять своих «братьев» к месту и не к месту, что компенсировало всё остальное. В моей первой жизни, кстати, он тоже в какой-то момент избавился от этой дурацкой привычки, но много позже, примерно через год, когда я уже был прочно женат и ждал первого ребенка. Наверное, эта смена лексикона для природного казаха что-то означала, но я и тогда этого не выяснил, и сейчас спрашивать не стал — у меня было слишком много забот и помимо этого незначительного по всем меркам события.

Возвращение Жасыма к теме декодеров меня немного порадовало. Я действительно был уверен, что вдвоем это дело проворачивать много лучше, чем одному; правда, надо будет ему втолковать, что говорить в случае проблем с ментами. Дело в том, что уголовный кодекс очень не любил незаконные деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, а вот талантливых одиночек мог на первый раз и простить, особенно если те сумеют добыть по месту учёбы хорошие характеристики, в которых указаны их многочисленные положительные стороны. Надо было подстраховаться от всех засад, которые могут встретиться на пути юных предпринимателей в эпоху развитого социалистического строительства.

Можно было, конечно, прямо завтра поговорить с Валентином и убедить его возглавить нашу неформальную контору. Но этот шаг я считал преждевременным — сначала нам нужно было научиться ползать, и лишь потом переходить на бег. На практике это означало добычу схем самих декодеров и их подключения к телевизорам разных марок, ознакомление с доступной элементной базой и подсчет общей себестоимости готовой продукции. И лишь после этого я готов был выходить на Валентина с предложением, от которого, как я надеялся, он не откажется. Конечно, если этот подполковник упрется рогом, то был и запасной вариант опять же с его участием — организация чего-то государственного и

хозрасчетного. Я знал из прессы и из телевизионных «Новостей», что эти предки будущих кооперативов сейчас активно внедряются в разных отраслях советской промышленности. Подводных камней там, правда, было до жопы, но я надеялся их обойти с помощью Валентина и своего послезнания — должно же оно хоть для чего-то пригодиться?

Я не смог бы объяснить кому-либо, почему я застрял у аудитории, где Рыбка мучила студентов нашей группы. Итоги мне были неинтересны — про Жасыма я уже знал, Дёмыч не интересовал меня совсем, я уже махнул на него рукой, а остальные согруппники так и оставались для меня неясными тенями из прошлого. Я даже не знал, как зовут некоторых из них — мы и в прошлой жизни общались мало, а в этой совсем прекратили это дурацкое занятие, причем по моей инициативе. Впрочем, они об этом, думаю, не подозревали.

В общем, время шло, мы с Жасымом вели некое подобие светской беседы, только не про погоду, а про пиво — я делился опытом употребления «Будвайзера»; в рассказанной мной версии меня угостили знакомые Аллы. В принципе, так оно и было — во всяком случае, Михаил Сергеевич Аллу знал точно. Казах же восхищался моим везением и отчаянно завидовал. Впрочем, сейчас было такое время, когда столь малые радости вызывали у советских людей приступы зависти непонятного цвета — и не белой, и не черной, а какой-то серой. Меня забавляло, что одни жители страны могли завидовать другим из-за финской стенки, а обладатели продукции дружественной Югославии завидовали первым из-за, допустим, машины. Полный комплект различных благ был тут достоянием очень небольшой прослойки, которой на зависть остальных граждан было глубоко плевать. В целом этот вид зависти хорошо описывался фразой героя Никулина из известного фильма — «На его месте должен был быть я!».

И вот когда Казах почти дошел до той кондиции, которая способствует произнесению сакральных слов, из-за поворота появилась наша Натаха. Она побывала у Рыбки, кажется, самой первой, получила заслуженный зачет и убежала по делам. Мне и на неё было пофиг, но её состояние мне очень не нравилось. После нашего с ней разговора с раздачей советов она пару дней ходила надутая и с заплаканными глазами, а потом на её лице словно застыла маска злости. Уж не знаю, на кого она злилась — на комсорга Сашу, у которого внезапно обнаружилась девушка, на меня, посмеявшегося сказать правду, на себя, такую бестолковую и непутевую в личной жизни, — но такое состояние должно было закончиться взрывом. И мне не хотелось оказаться рядом с Натахой, когда её наконец разорвет.

Сейчас она со всё тем же выражением злобы на весь мир направлялась прямо ко мне. Вернее, к нам с Жасымом, отчего тот оборвал фразу на середине, съежился и стал бочком, по стеночке отходить в сторону. Натаху наш Казах слегка опасался — особенно если она показывала, сколько стали имеется в её непрестом, но и не очень сложном характере. Я же остался стоять на месте и даже почти не косил глазом в её сторону. Идёт и идёт, наверное, надо чего.

— Серов...

— Да, Наташа? — я повернулся к ней всем телом, словно только что заметил её.

— Тебя к комсоргу вызывают, — выплонула она. — Иди быстрее.

— Зачем? — я на самом деле удивился, поскольку считал, что мои отношения с комсомолом завершены и возобновлению не подлежат.

— Откуда мне знать? — почти крикнула она.

Стоявшие рядом студенты начали поворачиваться в нашу сторону, предчувствуя

развлечение, которое поможет скинуть напряжение перед неизбежной встречей с Рыбкой.

Я же не стал реагировать на её крик и просто наклонил голову, глядя прямо в её глаза. Они были зеленовато-болотистого оттенка и сидели слишком близко к носу; смотреть на них было очень неудобно, но я надеялся, что это долго не продлится. Так оно и вышло.

— Серов, ты чего на меня уставился? — прошипела она.

И снова сделала она это достаточно громко. Со стороны одноклассников раздались смешки, а какой-то весельчак пошутил про любовь, которая нечаянно нагрянет.

Но если они собирались меня серьезно задеть, то выбрали не ту тему. Шутки сверстников моего нынешнего тела про любовь были мне безразличны.

— Натали, — сказал я, подвинувшись к ней поближе и понизив голос. — Какого хрена ты на меня рычишь? Я у тебя что, булочку отнял? Зачем меня наш вождь зовет?

— Какую булочку? — удивилась она.

— Вкусную, с изюмом, сегодня в кафе продавали, по восемь копеек. Наташа, вождь, — напомнил я.

Она отвела взгляд и потупилась.

— Не знаю я, — пробормотала она. — Он не сказал, я не спрашивала. Он сейчас в комитете сидит, так что иди скорее, а то уйдет...

— А кто кому нужен? — усмехнулся я. — Свалит — потом сам меня будет искать. Мне он без надобности, все свои дела с ним я решил.

Вернее, он решил — ну или в райкоме комсомола за нас обоих решили, — но это мне было без разницы.

— Так уж и все? — она попыталась сказать это с ядом, но получилось с какой-то малопонятной мне надеждой.

— Все, — кивнул я. — И это совершенно точно. Так что кончай кукситься на меня. Тогда я тебя прощу и буду не любить не очень сильно.

— Серов! Что ты такое говоришь?!

Окружающие послушно заржали.

— Что, Савельева, обломал он тебя? — спросил кто-то.

— Эй! — я повернулся к этим неудачникам. — Не лезьте в чужие дела. Никто никого не обламывал. Всё в порядке. Это мы про любовь к родине.

Ответом мне был громкий смех. Да, над любовью к родине тут уже вовсю смеялись.

И это мне почему-то очень не понравилось.

[1] Так называемое Декабрьское восстание 1986 года, связанное с отставкой Динмухамеда Кунаева; в организации бунта подозревали Нурсултана Назарбаева — тогдашнего предсовмина КазССР, — но следствие затянулось до тех пор, пока расследовать это стало некому.

Глава 8. Там у них гнездо

Наверное, лучшим для меня выходом было не ходить ни в какой комитет комсомола. Натаху я не обманул — все свои дела с Сашей я считал законченными. Мои идеи были зарублены на корню, как и моя вовлеченность в жизнь комсомольской организации института. К тому же Саша наверняка поинтересуется, почему я не был на собрании, и вряд ли ему понравится мой ответ, потому что он был простым, но грубым.

Тем не менее я скомкано попрощался с Жасымом, посмотрел на дверь в кабинет Рыбки — Дёма там чего-то задержался сверх меры, что для его знаний по алгебре было необычно. Впрочем, не исключено, что уважаемая госпожа Фишерман просто развлекалась, мучая несчастного студента, который, в принципе, был забавным, если не обращать внимания на отдельные выходки. Но уже в следующее мгновение я выбросил Дёмыча из головы и отправился к парадному входу.

Перед самой дверью в кабинет я снова засомневался в правильности происходящего, но потом напомнил себе, что будущее вновь может стать неопределенным, а подстилка соломки в разных местах повышает вероятность спасения в сложных обстоятельствах. Без перестройки и разрешения кооперативов здешний комсомол мог влачить безбедное и сытное существование бесконечное количество времени.

Молодое поколение регулярно исторгало из своих рядов достаточно активных индивидуумов, которые буквально горели общественной нагрузкой, так что никакого кадрового голода ни ВЛКСМ, ни КПСС не испытывали. Наоборот — они всячески ограничивали будущих карьеристов, создавали искусственные трудности на пути к властным вершинам, которые предполагалось героически преодолевать. К тому же тут очень ценилась ленинская фраза про кухарку и управление государством, которую партийные функционеры понимали достаточно буквально, а потому поручить давали буквально всем — на случай, если человек вдруг скрывает свои управленческие таланты. Конечно, подавляющее большинство не могло управлять не то что государством, но и собственной жизнью, а потому быстро оказывались вне партийной вертикали, но, видимо, несколько найденных самородков стоили подобных издевательств над школьниками и студентами.

Я не сомневался, что Саша нацелился как раз на попадание в систему — через комсомол, а потом и партию. Такой вид карьеры не предполагал специфических знаний, например, по заборостроительству, хватало нескольких инструкций и небольшой толики здравого смысла. Для этой карьеры нужно было не бояться толпы, уметь общаться с людьми, а также много и складно говорить, хотя бы и по бумажке; все эти качества у Саши имелись. К тому же он был отличником, что тоже очень ценили в комсомольцах старшие товарищи из партии. В общем, это был готовый кандидат на одну из непыльных должностей в райкоме комсомола, где его окончательно обработают в нужном направлении — и пнут в сторону райкома или сразу горкома КПСС.

Саша, видимо, всё это и сам понимал, потому что дураком не был. Понимал он и то, что для нормальной жизни в различных райкомах или горкомах нужна команда своих людей. Наверное, какие-то зачатки этой команды он имел — сформировал за несколько лет руководства институтским комсомолом. Я не исключал, что он заодно присмотрел и перспективного покровителя, чтобы войти уже в его команду. В конце концов, это было нормально для любой иерархической структуры.

Я вдруг подумал, что Черненко на посту Генсека слегка ломал эту нормальность — судя по кадровым решениям, которые я успел изучить, своей команды у него не было, он пользовался теми, кого набрал его многолетний шеф Брежнев. Горбачеву же вообще придется искать «своих» буквально на ходу, сейчас у него никого не было. И две подряд ненормальности привели к тому, что налаженный движок советского государства серьезно засбоил, а потом и сломался. Впрочем, это могли быть мои домыслы, которые ничего общего с реальностью не имели.

Я вздохнул и потянул на себя дверь комитета.

В первый момент я подумал, что снова оказался в прошлом. Был вечер, была большая просторная комната, в которой комсомол мирно уживался с профсоюзом, а Саша сидел за своим столом и опять трудился над неким монументальным трудом. Даже стопка была такой же большой, если я, конечно, правильно помнил то, что видел мельком в нашу с ним первую встречу.

— Привет, — поздоровался я.

Он кивнул, дописал несколько слов, поставил точку — и посмотрел на меня.

— А, Егор, — он оторвал задницу от стула и протянул мне руку. — Привет-привет! Как дела?

— Идут потихоньку, — осторожно ответил я. — Зачеты вот закрыл.

— О, это ты молодец. И спасибо, что заглянул, — он бросил рассеянный взгляд на листок, но потом переложил его в стопку к остальным и снова посмотрел на меня. — Тебя хотят видеть в райкоме.

Мне это не понравилось, хотя приглашение в райком для рядового комсомольца наверняка не означало ничего плохого — если рассматривать ситуацию с точки зрения обычного карьериста. Напротив, это могло приоткрыть для этого комсомольца дверь в мир различных свершений на партийном поприще. Я сомневался, что тамошние работники желали увидеть меня, чтобы сделать строгий выговор, например, за новые джинсы. К тому же Саша тоже был в джинсах — причем явно фирменных, тёмно-синих и достаточно новеньких. В эти времена ношение одежды вероятного противника не наказывалось, хотя и не поощрялось; глупо наказывать людей за то, что пытается продать наша советская промышленность. А вот фарцовка тут каралась строго, что есть, то есть.

Я покатал в уме возможные варианты ответа, ничего не придумал и просто молча уставился на него, ожидая продолжения.

— Да не жмись! — воскликнул Саша. — Ребята просто хотят познакомиться... и девушки тоже. Ты их заинтересовал.

Слышать такое было неожиданно приятно.

— Зоопарк на Баррикадной находится, — всё-таки буркнул я, чтобы он не слишком обольщался на мой счет.

— Ха! — Саша стало весело. — Нет, они посмотрят тоже, но в основном хотят пообщаться.

— Зачем? — меня эта затея всё равно смущала, хотя толком объяснить причины этого я бы не смог.

— Хотят знать, как живут комсомольцы института, — Сашу, кажется, мотивы его старших товарищей из райкома не интересовали нисколько. — Мои рассказы это мои рассказы, но личное общение с членами первички ничего не заменит. Кстати, ты же не был

на собрании?

Я внутренне ошестинился и помотал головой. Если он сейчас спросит, почему я пропустил такое важное мероприятие, я могу и не сдерживать эмоций.

Но он не стал ничего уточнять.

— Жаль, — по его лицу было видно, что он на самом деле сильно огорчен этим обстоятельством. — Но ладно. Тогда, думаю, тебе будет интересно узнать, что нам дали ставку освобожденного секретаря нашего комитета.

— Вот как? — с легким любопытством спросил я. — И кого же выбрали на эту почетную должность?

— Меня! — гордо заметил он. — Правда, я всё равно буду совмещать, про аспирантуру я всё уже обговорил. Но там стипендия такая... сам должен понимать.

Стипендия у аспирантов была повыше студенческой, но всё равно не дотягивала до средней зарплаты по стране, причем с большим запасом. Скорее, это была некая пенсия, которой не всякому старику или старушке хватало на нормальную жизнь, не то что молодому человеку с различными потребностями в новых джинсах. А если тот же Саша задумает жениться, то двоих — или троих, если у них в планах скорый ребенок — эта стипендия точно не вынесет. Я понятия не имел, сколько платили освобожденному секретарю институтского комсомола, но подозревал — не слишком много, чтобы он не шикавал, а пытался вылезти на следующий уровень. [1]

— Ну так что, сходим? — напомнил о своем предложении Саша.

— В райком? — уточнил я.

— Да.

— А когда?

— Сейчас, чего тянуть? — ответ Саши меня слегка огорошил.

Сейчас мне хотелось пива и не хотелось напрягаться. Неделя и так выдалась не самая простая. С другой стороны, раньше сядешь — раньше выйдешь. Меня не особо нервировал интерес ко мне со стороны райкомовских сотрудников, но если я упомяну про этот интерес в беседе с Валентином или Михаилом Сергеевичем, те наверняка попросят подробностей. Показывать им свою лень и отсутствие у меня любознательности мне всё ещё не хотелось. Пока что они относились ко мне почти как к равному, и я собирался поддерживать это отношение так долго, как смогу. И если ради этого надо тащиться в райком, то так тому и быть.

— Вообще-то я морально не готов, у меня шнурки не глажены и галстук забыл, — я похлопал по горлу, но Саша посмотрел на меня с почти ленинским прищуром. — Ладно, ладно, это я так шучу. Пойдем, посветим мордой моего лица, только пусть не обижаются и принимают меня любим, хоть горбатым, хоть рябым.

Идти до райкома было с полчаса, но идею подъехать на метро Саша категорически отверг. Шёл он легко, широким шагом, я с трудом поспевал за ним, и сил на какие-то разговоры у меня не оставалось, хотя у меня появилось несколько вопросов, ответы на которые наш главный комсомолец наверняка знал. Впрочем, я и сам, наверное, их знал, но мне было лень напрягаться.

Районный комсомольский комитет сидел в старом двухэтажном здании в небольшом переулке неподалеку от бассейна «Москва». В новой жизни меня в этот район ещё не заносило, и я некоторое время пытался привыкнуть к виду на Кремль без Храма Христа

Спасителя и огромного бронзового Петра. Пока что на стрелке острова было нагромождение промышленных зданий фабрики «Красный Октябрь», которая во всю мощь своих высоких труб пыталась удовлетворить потребности советских граждан в шоколаде.

Что находилось в здании райкома в моём будущем, я не знал; ни одного заказа сюда или отсюда у меня не случилось. Зато переулочек я знал хорошо, да он почти и не изменился за прошедшие сорок лет. В будущем именно на этой улице сидели послы Люксембурга, а на углу находилась районная управа — сейчас на этом желтом здании висела кондовая вывеска райисполкома; рядом с этим оплотом советской власти стояли, нарушая запрет парковки, две черных «Волги».

Само место было весьма козырным с точки зрения расположения. Скорее всего, после ликвидации комсомола этот особнячок захватили какие-нибудь структуры мэрии; впрочем, его могли и тупо продать какому-нибудь новому русскому миллиардеру — например, под будущую застройку очередной высоткой, которая была зарублена на корню из-за протестов люксембургских дипломатов. Это был один из рабочих способов справиться с жадностью московских девелоперов.

Сейчас времена были другие, про драгоценные квадратные метры думали лишь обитатели коммуналок и барачков, а девелоперы назывались маклерами или даже «жучками», ничего не сносили и не строили, а лишь перепродавали уже существующее. Выход на одного из таких «жучков» был одной из моих целей — самостоятельно лезть на столичный рынок недвижимости мне до ужаса не хотелось.

Сашу в райком пропустили беспрепятственно — ну и меня тоже, даже документов не потребовали. Но тут ещё царил расслабленность, а безопасность воспринималась как нечто, что существует всегда и везде. Думаю, я легко смог бы натаскать сюда кучу ящиков с самодельной взрывчаткой и устроить нечто вроде Порохового заговора. Вот только я понимал утопичность этой идеи — нужного количества магна я на вертолетных кладбищах никогда не добуду. Ну или добуду, но «шкрябать» их напильником буду до глубокой старости. Хотя можно снова привлечь к делу Стаса — вряд ли он откажется, увидев возможность устроить большой бах. Его, наверное, даже очень вероятные человеческие жертвы не остановят.

Комсомольское гнездо было устроено в типовом стиле советского бюрократизма — уродские панели на стенах, разошедшийся и скрипучий паркет на полу и побеленный потолок. Тут было много стендов с разными документами, которые, наверное, были очень важны с точки зрения победы мирового коммунизма, но выглядели очень непритязательно. С другой стороны, я понимал, что на пишущих машинках, которые сейчас были основным инструментом делопроизводства, большего добиться не выйдет. Но через пару лет кто-то из сидящих в этих стенах комсомольцев начнет возить с Запада настоящие компьютеры — в том числе и с издательскими программами, — но приспособить их для коммунистического дела так и не догадается.

Таких райкомов в Москве было много. В одном из них через пару лет недолго будет трудиться и господин Ходорковский — в каком-то невзрачном статусе. Потом его вызовут в райком партии, дадут мешок с деньгами и вежливо попросят что-то с ними сделать. Он подчинится партийной дисциплине — и окончательно уйдет в бизнес. Я вспомнил свои мечты о встрече с этим деятелем в темном переулке — как раз после получения им мешка. В принципе, ничего невозможного в этом плане не было — если я к тому времени научусь убивать.

Мы с Сашей поднялись на второй этаж и зашли в кабинет под номером десять. Там сидели две женщино-девушки, которые, кажется, уже вышли из комсомольского возраста, но почему-то продолжали трудиться на благо этой организации. Одеты и причесаны они были по моде семидесятых — наверное, пытались таким нехитрым образом сохранить молодость, — но выглядело это, скорее смешно, как любительская инсценировка «Служебного романа». Впрочем, я помнил депутатш моего времени — они тоже прошли через комсомол, сохранив похожий стиль и в глубокой старости. Я подумал, что Натаха хорошо впишется в этот коллектив.

— Анна, Нина, приветы! — жизнерадостно поздоровался Саша.

Я тоже буркнул что-то, приличествующее случаю. Мне очень не хотелось, чтобы мою судьбу определяли вот эти люди, но, похоже, других опций тут не предлагали.

— Это Егор, он написал тот доклад, — представил меня наш вождь.

— А, Егор! — воскликнула одна из женщин — я не понял, кто из них кто, а переспрашивать не стал. — Проходите, ребятки, садитесь вот сюда, Вадика сейчас нет, так что можете смело занимать его место. Но только сегодня!

Она хихикнула, радуясь своей шутке, вторая женщина и Саша её поддержали, и мне тоже пришлось растянуть губы в подобии улыбки.

— Егор, Анна и Нина работают в отделе учащейся молодежи, они наши кураторы, — объяснил Саша. — Нина ещё и совмещает — она секретарь комитета по нашему направлению. Прошу любить и жаловать.

Он наконец указал рукой на одну из женщин Так, Анна — справа, Нина — слева.

— Очень приятно, — сказал я. — Рад с вами познакомиться. А что с докладом? Насколько я понял, решили не растягивать собрание и его убрали. Смысл его сейчас обсуждать?

Анна и Нина синхронно посмотрели на Саша, а тот лишь виновато улыбнулся. Вообще тут он не выглядел уверенным в себе, каким был в институте. Сейчас он был похож на просителя, а не на хозяина.

— Саша тебе ничего не сказал? — уточнила Анна.

— Нет, — я помотал головой. — А что он мне должен был сказать?

Мой вопрос, кажется, поставил их в тупик. Я грешным делом подумал, что они привыкли говорить иносказательно и не любили прямоту. Возможно, этому их специально обучают на каких-нибудь курсах, которые, впрочем, и мне не помешали бы — после них сдавать философию было бы легко и ненапряжно.

Но Анна быстро взяла себя в руки.

— Ах, вот в чем дело, — она улыбнулась — и скинула лет примерно десять. — Тогда понятно, чего ты сидишь с таким лицом, словно сдаешь экзамен по философии и полностью забыл три источника и три составные части марксизма.

Я хотел вставить хохму про дураков, у которых сходятся мысли, но тогда пришлось бы пересказывать то, о чем я думал, а это было неправильно.

— В каком смысле? — вопрос прозвучал глупо, но меня это не заботило.

Мне хотелось как можно быстрее узнать причину перемены настроения этих женщин.

— В простом, — Анна продолжала улыбаться. — Дело в том, что Саша рекомендовал тебя в институтский комитет ВЛКСМ. Выбирать, конечно, будут члены вашей организации, — спохватилась она, — но нам нужно посмотреть, чтобы кандидатуры,

которые вынесут на голосование, были людьми ответственными и не подвели Сашу.

Я подавил порыв схватить этого Сашу, чтоб ему икалось и на этом, и на том свете, вытащить его в коридор и кастрировать, невзирая на разницу в весовых категориях..

— Нет, он мне ничего про это не говорил, — твердо сказал я. — И мне непонятно, с чего он решил меня выдвинуть. Я первак, авторитета в институте у меня нет, меня просто никто не знает. Таких в космонавты — то бишь в комитет — не берут.

— Вообще-то как раз таких и берут, — раздался от двери совершенно незнакомый мне голос.

Я повернулся.

Там стоял очень импозантный мужчина, одетый по последний моде этого времени. Широковатые внизу джинсы, цветастая рубаша с большим воротником, кожаная куртка, длинные волосы и небрежно поднятые на лоб противосолнечные очки, на левой линзе которых я разглядел этикетку — сейчас их старались беречь до последнего.

Мужчина быстро подошел ко мне.

— Я Вадим, — представился он и протянул мне руку.

Если бы я знал самбо или что-нибудь типа дзюдо, я бы обязательно воспользовался доверчивостью Вадима. Схватил бы его за протянутую руку, сделал бы с ней что-то очень болезненное, перевел бы схватку в партер с удушающим приемом и начал бы задавать неприятные вопросы. Такая моя реакция объяснялась просто — этот человек явно был тем самым Вадиком, который расспрашивал нашего комсорга про мою персону, и мне было очень интересно, зачем он это делал. Версия про вмешательство старика была уже опровергнута, а моё любопытство требовало удовлетворения.

К счастью для Вадика я пока не успел выполнить данное Валентину обещание, так как решил отложить занятия боевыми искусствами хотя бы до поездки на родину. Там у отца был знакомый тренер в ДЮСШ, к которому он меня пытался запихнуть ещё в школе; тогда я отбил, но теперь готов был напроситься к тому мастеру сам, чтобы получить хотя бы начальное представление о том, что мне предстоит. И, возможно, поиметь у него какие-нибудь контакты в столице. Совсем недавно советское государство неплохо прижало всяких каратистов, загнав неплохих в целом мужиков в подполье. И хотя несколько лет назад на всех экранах страны махал ногами артист Еременко, на легализацию вражеских единоборств тот фильм про пиратов никак не повлиял. Сейчас в доступных секциях изучали не самое боевое самбо и такое же выхолощенное дзюдо. Мне же нужно было что-то, что сразу нацелено на самозащиту. Ещё я думал заняться бегом, но потом отказался от этой идеи. В некоторых случаях бегать нельзя — умрешь запыхавшимся.

Кроме того, в этой же комнате находились две тётки, которые наверняка подняли бы крик, если бы я напал на их коллегу — к Вадику они обе явно дышали очень неровно. И ещё тут же присутствовал Саша, который легко мог скрутить меня, если бы заметил, что я начал чудить.

В общем, я просто пожал руку Вадима и слегка потряс её.

— А я Егор, Егор Серов. Очень приятно, — сказал я. — А почему в комитет беру именно таких, как я?

— Ты выглядишь достаточно рассудительным, — вмешалась Анна. — Мы постоянно ищем активных ребят и девушек, которые не боятся трудностей, которые готовы хоть на край света ради великих целей... на Целину, на БАМ.

Меня поразило, что Анна была предельно серьезной и говорила, кажется, искренне. Ну или твердо верила в сказанное. В моём будущем таких девушек называли фанатичками. Я где-то читал, что они так компенсируют различные детские психотравмы и недостаток внимания со стороны мужского пола. Впрочем, это была лишь одна из теорий, которая, кажется, ни разу не была подтверждена практикой.

— Я тоже попал в комитет комсомола на первом курсе, — добавил Саша. — Правда, я уже отработал комсоргом группы, что-то делал и по комитетским делам. А в середине года один из парней вынужден был перевестись в вуз в своем родном городе, появилось свободное место... Сейчас у нас целых три свободных места, одно из них предлагаем тебе. Комитет комсомола — это не только ответственность, это и возможности разные... стройотряд, агитбригады факультетские, если талант есть... в общем, всегда можно сделать что-то для студентов своего факультета... да и для других тоже.

Я вспомнил про Стаса, который как раз был студентом «другого факультета» и очень обрадовался бы банке концентрированной азотной кислоты. Мне стало весело, и я поспешно сказал:

— В принципе, я согласен, конечно. Только я без понятия, что там делать надо, буду признателен, если подскажете.

— Конечно, подскажем! — воскликнул Вадим. — И поможем на первых порах. Без поддержки не оставим, не сомневайся.

[1] зарплата освобожденного секретаря первички в 80-е составляла около 150 рублей, а всякие комсомольские функционеры районного звена получали около 170 рублей. У завотделом ЦК ВЛКСМ оклад был 360 рублей, у первого секретаря большого города — 310. Всем работникам, правда, полагались различные добавки — например, плюс оклад к отпуску и до двух окладов в год в качестве премии. В общем, жить можно, и даже неплохо. Напомню, что средняя зарплата по стране было 175 (столько, кстати, официально получал водитель какого-нибудь грузовика или таксист), а инженер на производстве мог иметь 400–500 рэ и больше.

Глава 9. Хуже татарина

Домой я вернулся на автопилоте и в состоянии глубокой задумчивости, даже Аллу поцеловал как-то смазано, что она отметила и не преминула тут же озвучить. Пришлось рассказывать про визит в райком и про предложение, от которого я отказываться не стал. Она внимательно выслушала мою историю и — что меня безмерно удивило — даже одобрила моё согласие на работу в институтском комитете. Я почему-то считал Аллу нонконформистом — ходит на подпольные концерты, одевается у лучших спекулянтов Москвы, знакомства водит соответствующие. Но нет — оказывается, для неё комсомол был вполне живой организацией, ещё не заваленной перестроечным дерьмом по самую макушку.

В этот момент я осознал, что новые времена, наступившие с приходом Горбачева, лучше всего приняли именно те, кто активничал и при предыдущих Генсеках. Ну а те, кто тихо плыл по воле волн и весело жил от сессии до сессии, потом стали яркими сторонниками всего советского. Я не знал, к кому я отношусь; активистом в институте я не был, но и в фаната СССР не превратился, понимая, что моя ностальгия имеет вполне конкретное объяснение — молодость, которая по большей части прошла при застое. Но вот после попадания я снова стал молодым, и снова начал вести себя, как и прежде. И если бы не настырные комсомольцы, которые по какой-то причине решили затащить меня в свой клуб, я бы и дальше жил тихо и стараясь не отсвечивать.

К тому же комсомольскую карьеру я уже рассмотрел со всех сторон и признал её негодной. Если история снова покатится по прежним рельсам, комсомольцы, конечно, побегут впереди паровоза строить капитализм и переодеваться в малиновые пиджаки, и быть в их рядах будет даже выгодно, хотя одновременно — хлопотно и опасно. А вот если мои слова, сказанные неделю назад двум обитателям советского властного Олимпа, упадут на благодатную почву, то комсомол превратится в пожирающую время и силы общественную нагрузку, за которую никто платить не будет. Саша четыре с лишним года тянул этот воз, но он инвестировал в своё будущее, и его вложения оправдались — должность освобожденного секретаря была первой ступенькой в его несомненно длинной карьерной лестнице. Года через два-три его обязательно заберут в горком комсомола, там быстренько примут в партию и переведут его усилия в нужное КПСС русло. В общем, у него всё будет хорошо — если, конечно, Михаил Сергеевич сумеет как-то справиться со своим тёзкой.

У меня был неплохой шанс тоже отправиться по этому пути. Правда, с учетом моих контактов с двумя высокопоставленными советскими чиновниками и нашей общей тайны тактика скрытности была, пожалуй, лучшим решением. Но в этом я уверен не был.

Моя сессия начиналась с достаточно легкого экзамена — «Историю КПСС» я, в принципе, вспомнил, а заодно заставил себя забыть наиболее одиозные перестроечные разоблачения недавнего прошлого. Конечно, я мог бы спутать решения 23-го, 24-го или 25-го съездов, которые были пустой говорильней, но насчет 20-го и 22-го был уверен в своих силах. Вопросы, которые нам раздали, никаких подводных камней не содержали.

Но я на всякий случай взял учебник и улегся на диван, надеясь прочитать главу-другую перед сном. Алла ушла на кухню и там ожесточенно гремела посудой, пытаясь приготовить ужин. Я понимал, что где-то через час мне придется идти вслед за ней, чтобы самому жарить

картошку и разогревать вчерашние котлеты, но пока этого не требовалась. Недавно она призналась, что хочет научиться готовить сама; пока бабушка не уехала на дачу, Алла училась под её бдительным присмотром, но сейчас эта опция исчезла. Я лишь надеялся, что она не спалит в своем рвении весь дом.

Я успел прочитать почти половину объемной главы про целину, когда меня оторвал от этого увлекательного занятия дверной звонок. Впрочем, особого беспокойства тот звук у меня не вызвал. К нам могли прийти какие-нибудь бабушкины приятельницы или просто соседи заглянуть за солью, а с ними Алла была в состоянии справиться и сама.

Но когда девушка появилась в дверях отцовской комнаты, я понял, что это что-то другое.

— Егор, это к тебе, — Алла выглядела озадаченной — и явно не из-за ужина.

— Кто?

Я быстро перебрал в уме список кандидатов на визит к моей персоне. Он был не слишком большим — кто-то из гаражей или Стас. Больше я никому новый адрес не говорил, да и Стас знал только дом. Валентина или Михаила Сергеевича Алла знала и вряд ли растерялась бы, увидев их. Теоретически это могли быть оставшиеся на свободе приятели Боба, которые вдруг захотели продолжить наше знакомство, но я надеялся, что их припугнули достаточно сильно, чтобы они обходили нас с Аллой десятой дорогой.

В принципе, Валентин производил впечатление человека слова — раз он пообещал провести соответствующие беседы, он их проведет, даже если Земля налетит на небесную ось. Его надежность — ну и дружба с Михаилом Сергеевичем — и была основной причиной, по которой я слил ему информацию о том, кто я такой на самом деле. То есть Михаил и Лёха должны уже быть в курсе того, что может случиться, если они решат дожать меня. Родион же сидел за решеткой и вряд ли появится на свободе в ближайшие несколько лет — в этом я тоже был уверен. Стрельба в жилом доме тут пока ещё не была рядовым явлением. Да и вообще стрельба. Ему ещё повезло, что обошлось без человеческих жертв.

— Не знаю, — Алла помотала головой. — Женщина... я её первый раз вижу.

Я вздохнул, встал с дивана и отправился в прихожую. О вторжении двухнедельной давности там напоминали только заботливо развешанные по стенам картинки.

В самой прихожей никого не было, но Алла кивнула на дверь. Похоже, после того воскресенья она нескоро сможет пригласить незнакомого человека войти в квартиру. Я кивнул и открыл.

Там стояла женщина лет пятидесяти, коротко стриженная и с крашеными волосами. Она была не слишком высокой, слегка полноватой, одетой в очень неплохое пальто и какую-то странную шапку из фиолетового — в цвет волос — фетра с нелепой розочкой на боку. В руках она держала тяжелую на вид сумку из натуральной кожи — скорее, даже портфель, если судить по массивной золотистой пряжке на боку и одинокой ручке сверху.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вы что-то хотели?

— Здравствуйте, — сказала она каким-то напряженным голосом. — Вы же Егор Серов?

Я знал этот голос, хотя и в его более расслабленной и веселой версии. Именно с его обладательницей я говорил, когда звонил в квартиру Родиона. И это был последний человек, которого я ожидал увидеть на пороге нашей квартиры.

Про мать Родиона я совершенно забыл, да и вообще не учитывал её в своих расчетах. Мне казалось, что без мужа она — ноль, пустое место, и ей сейчас следует обивать пороги казенного учреждения на Лубянке в попытке передать какую-нибудь посылку арестованному

мужу. Ну и сыну тоже помогать, если она его хоть капельку любит.

Вместо этого она пришла к нам на порог с неясной целью. Я оглядел её — оружия заметно не было, но в портфеле можно было спрятать хоть полковую гаубицу... я преувеличивал, конечно, но ещё один наградной пистолет её мужа туда точно поместится. А у меня закончилось всё вооружение, которым я мог бы отбиваться от незваных гостей, а выходить с ломиком на огнестрел я не хотел.

Впрочем, женщина стояла спокойно, глядела прямо на меня и ожидала ответа. Или сигнала к началу стрельбы. Я быстро оглянулся — Алла находилась как раз за мной, и любой промах по моей тушке означал попадание в неё.

— Ал... ты можешь... тебе не надо... иди на кухню... — умоляюще сказал я. — Я выясню, в чем дело, и приду к тебе.

Она внимательно посмотрела на меня, на женщину, снова на меня.

— Да, конечно.

Когда она скрылась в коридоре, я испытал нечто, похожее на облегчение. Я снова повернулся к женщине и сказал:

— Да, это я. Чего вы хотели?

И встал так, чтобы она не могла пройти в квартиру, не опрокинув меня.

— Вы не пригласите меня войти? — грустно спросила женщина.

— Нет... мы тут недавно пережили вторжение, с тех пор очень нервно относимся к незнакомцам, — я ответил, наверное, слишком грубо, но сложно быть вежливым, если в любой момент ожидаешь, что в тебя начнут стрелять.

— Понимаю... я как раз по этому поводу. Я мать Родиона, это он в вас...

— Я уже понял, — перебил я её. — Скажите, зачем вы пришли?

— Я хотела бы извиниться за сына.

— Вот как... — я немного расслабился. — Что ж... к вам у меня претензий нет... разве что по поводу его воспитания. Вы знаете, что он у вас ругается матом? Но это многие делают, я и сам грешен. А вот его стремление бить по лицам других людей заслуживает всяческого порицания. Недосмотрели вы за ним в детстве... но я принимаю ваши извинения. В конце концов, иногда обстоятельства...

— Вы не поняли, — по лицу женщины пробежала легкая тень. — Мне нужны не просто извинения, мне нужно, чтобы вы пошли в милицию и написали отказ от претензий в отношении Родиона...

— Вот как? — повторился я. — Прошу прощения, но к нему претензии у меня как раз есть, и, боюсь, простыми извинениями он не отделается. Он как бы стрелял в меня и в мою девушку. А до этого методично ломал этой девушке жизнь — не один, но он явно был в их компании главным, когда его Боб ушёл в армию. Вы же знаете Боба?

— Да, конечно... мальчики были так дружны.

— Дружба это хорошо, если она не против кого-то. А тут четыре здоровых лба ополчились на одну маленькую девчушку... вы видели её, это она открыла вам дверь, и это её я отослал, чтобы она не слышала того, что вы можете сказать. Видите? Уже две претензии, и за обе извиняться бессмысленно. Алле испортили два года, у меня эти «друзья», — я изобразил кавычки, — буквально спёрли неделю жизни, хорошо, что не целиком. И это не считая того, что как раз Родион грозился переломать мне ноги, а потом вообще собирался меня пристрелить. Я, знаете ли, дорожу своим телом, оно мне ещё

понадобиться, и не стремлюсь учиться ходить на костылях. Честно говоря, я даже не знаю, что может сделать ваш Родион, чтобы я пошел в милицию и что-то там написал. Боюсь, это невозможно...

— А деньги? — с внезапным порывом прохрипела женщина. — У нас забрали почти всё, но кое-что осталось... золото, драгоценности... и деньги тоже есть, вот тут! — он приподняла свой саквояж и потрясла им.

Внутри что-то глухо звякнуло.

«Господи, зачем соблазняешь одного из малых сих?»

Искушение было сильным. Я даже заподозрил очередное вмешательство в мою жизнь — например, со стороны всемогущего КГБ или не менее всемогущего ЦРУ и издрессированных экстрасенсов, которые прямо сейчас сидят за стеной нашего дома и читают мои мысли в режиме реального времени. Мол, сунуть этому прохвосту в зубы энную сумму — сколько ему там не хватает на машину, квартиру и видеоманитофон — и можно дальше обдывать свои дела без опасения необдуманных действий всяких там попаданцев из будущего. Но я отогнал эту мысль. КГБ вроде пока играло на моей стороне, с ЦРУ я, кажется, не пересекался — во всяком случае, по этому делу. Ну а решать вопросы с помощью пачек денег в новенькой банковской упаковке ушлые людишки умели всегда; семья Родиона явно была из таких. Вот и его мама с приятным голосом и не слишком приятным при ближайшем рассмотрении лицом в непривычных обстоятельствах решила прибегнуть к привычному средству — то есть к подкупу.

— Вы знаете, я откажусь, — я покачал головой, и её лицо поникло. — Не потому, что гордый или что-то там ещё. Просто для вас это бессмысленные траты. Даже если я сто раз схожу в милицию и напишу миллион заявлений, на судьбу вашего Родиона это повлияет примерно никак. Если бы он пришел ко мне с кулаками и нанес, как говорят следователи, побои средней тяжести или что ещё подобное — тогда да, примирение сторон было бы возможно. Но он зачем-то взял с собой пистолет, а потом принялся стрелять в белый свет как в копеечку, и это уже не хулиганство, тут заявления пострадавших не нужны. Поэтому мой вам совет — сохраните эти драгоценности и деньги, — я с сожалением посмотрел на портфель, который она так и держала на весу. — Они вам ещё пригодятся.

— Вы... вы не поможете мне? — из уголка её правого глаза вытекла одинокая слеза.

— Не могу. Дура лекс суд лекс. Закон суров, но закон. От меня там ничего не зависит. Я мог бы взять деньги, что-то пообещать, но на самом деле это было бы простым воровством. Я не хочу в этом участвовать. До свидания.

Я хотел закрыть дверь, но она сделал шаг вперед, заступив одной ногой в квартиру.

— Пойдите! — воскликнула она. — Но мне ясно дали понять, что если вы...

— Вас обманули. Это не тот случай, — жестко сказал я. — Прощайте.

Она отступила, и я смог закрыть дверь. Повернул замок — и замер в ступоре.

Я не обманывал Валентина. Я действительно был добрым. Может быть, именно поэтому те, кто нападал на меня или Аллу, были ещё живы, а эта женщина, хорошая мама нехорошего мальчика, могла предлагать мне деньги в зыбкой надежде отмазать своего половозрелого дебила от гарантированной тюрьмы, а не готовила его похороны. Интересно, кто мог её надоумить прийти ко мне с кучей ценностей, собранных в одну кучку?

У меня похолодело в груди.

Я схватил телефонную трубку, чертыхнулся, положил трубку на место, побежал в нашу комнату, достал из сумки небольшую записную книжку, вернулся в прихожую...

— Егор, кто это был? — Алла вышла из кухни и смотрела на меня с беспокойством. — Я слышала, как она предлагала тебе деньги... и вы говорили про Родиона...

— Это была его мать, — коротко бросил я, набирая нужный номер и проклиная техническую отсталость этого времени. — Хотела сына вытащить.

— Но ты...

Я жестом попросил я замолчать и с нетерпением начал считать длинные гудки, которые пришли с той стороны.

Тут в дверь настойчиво постучали. Алла попыталась пройти мимо меня, чтобы открыть, но я остановил её.

— Не надо, это чужие... — тут телефон наконец соединился с абонентом, знакомый голос произнес короткое «алло», и я торопливо проговорил: — Валентин, это Егор, ко мне пришла мать Родиона, который у нас стрелял, принесла деньги и ценности, чтобы я написал заявление, что не имею претензий к её сыну. Я ей отказал, в квартиру не пускал, ничего у неё не брал. Но к нам сейчас стучат в дверь — именно стучат... думаю, либо ваше ведомство, либо смежники. Мне открывать?

Я не знаю, каким чудом Валентин сразу врубился в ситуацию. Но он не стал ничего переспрашивать, а лишь сказал «да» и посоветовал тянуть время, после чего отключился. Я вспомнил, что понятия не имею, где он живет и сколько ему до нас добираться. Но решил сделать так, как он сказал. И повернул замок.

На лестничной площадке стояла внушительная толпа — двое мужчин в штатском, у которых только что на лбу не было написано «оперативный состав», а один держал в руках тот самый кожаный портфель. Были ещё три милиционера в форме — старший был старшиной. А за их спинами неловко перетаптывались мужчина и женщина в домашней одежде; им, видимо, предстояло быть свидетелями, и одним из них был наш сосед Алексей, который мне даже махнул рукой. Я тоже его поприветствовал, но быстро перевел взгляд на одного из оперативников, который показался мне чуть менее опасным.

— Добрый день. Что вам нужно?

— У нас постановление на обыск в этой квартире. Ты тут живешь?

Я покатал в уме варианты ответа.

— Да, живу. Покажите постановление, пожалуйста. И удостоверение тоже... по телевизору говорили, что у сотрудников милиции обязательно надо спрашивать удостоверения.

В моём будущем я бы не успел договорить это предложение. Скорее всего, меня бы положили на пол где-то на первом упоминании «удостоверения». Но сейчас время было другое, а этих ребят сдерживало присутствие понятых, которые могли и не согласиться просто наблюдать явное нарушение закона в его бытовом понимании.

Поэтому тот оперативник, к которому я обращался, просто улыбнулся.

— Мы не из милиции, — сказал он и мазнул передо мной чем-то очень похожим на удостоверение; во всяком случае, золотые буквы на обложке точно присутствовали. — Майор Лозовский, КГБ СССР. Постановление здесь, — он постучал по папке, которую держал в руках. — Все подписи и печати в наличии, не сомневайся.

— Хотелось бы посмотреть, — осторожно сказал я. — Мы ничего не нарушали.

— Все вы так говорите, — негромко пробурчал его напарник. — У нас есть обратная информация.

— Другая, — автоматически поправил я. — Другая информация.

— Умничаем? — недовольно поморщился первый. — Постановление, значит, хотим?

Вот, смотри.

Мне под нос сунули раскрытую папку, где действительно находился желтоватый лист очень официального вида с крупной надписью «Постановление» на самом верху и несколькими подписями и фиолетовыми гербовыми печатями внизу.

Но больше ничего я прочитать не мог — то ли у майора дрожали руки, то ли это был специальный прием для обезвреживания слишком дотошных «клиентов». Формально он ничего не нарушал и показывал документ, а то, что мелкие и плохо пропечатанные машинописные буквы размывались в глазах, ещё надо было доказать.

— Вы позволите? — я протянул руку. — У вас всё дрожит, читать невозможно.

— Не положено! — рявкнул второй. — Из его рук читай!

— Я просто придержу, чтобы... — начал я.

— Не положено!

Милиционерам позади, кажется, было весело — наверное, они не каждый день видят, как их коллеги из более грозного ведомства попадают впросак. Правда, я не считал, что эти комитетчики куда-то попали — напротив, это я был в очень интересном положении, которое могло привести к чему угодно. Мать Родиона — а я не сомневался, что эти два визита связаны между собой — не имела возможности чего-нибудь подбросить нам в квартиру. Но вот эта сладкая парочка могла сделать что угодно — квартира у нас большая, что и где там находится, не знает, наверное, и Алла, так что было делом техники засунуть пачку меченых денег в одну из книг на полках в коридоре, а потом найти их.

В том, что эти ребята не уйдут просто так, я тоже не сомневался. Но я точно знал, что рано или поздно они войдут. И, скорее, сделают это, невзирая на любые мои уловки. Но мне нужно было тянуть время. И поэтому я упрямо сказал:

— Положено! В процессуальном кодексе обговаривается, что постановление об обыске должно быть предъявлено гражданину и, в случае необходимости, разъяснено ему, — я не знал, есть в этом кодексе такая статья, но надеялся на лучшее. — Кроме того, там есть пункт про то, что перед обыском гражданину дозволяется пригласить адвоката. У меня будет такая возможность?

Я понятия не имел, где я буду искать адвоката вечером в пятницу, но рассчитывал на то, что мне дадут позвонить, и я смогу набрать номер Михаила Сергеевича. Он тоже сейчас не помешает.

Глава 10. В темнице сырой

— Сюда смотреть! Глаза не закрывать и не отводить! Руки на столе держать!

Голос был громкий и противный и настолько властный, что не выполнить эти требования было невозможно. Но если положить скованные тяжелыми ржавыми кандалами руки на стол было легко, то вот смотреть на бьющий прямо в лицо морской прожектор, который по какому-то недоразумению назывался настольной лампой, и не закрывать при этом глаза или хотя бы не пытаться отвести взгляд, было решительно невозможно.

Я попытался объяснить это обладателю голоса и не преуспел. Рот не желал открываться, язык не ворочался, и я смог выдавить из себя всего лишь некое невнятное мычание. В ответ неведомая сила уронила меня на пол, который я так и не смог рассмотреть — слишком резким был переход со света в темноту, — а потом вздернула обратно и я снова оказался перед источником света.

— Смотреть!.. Не закрывать!.. Не отводить!!!.. Держать!..

Я с усилием положил руки на стол и опять посмотрел вниз, туда, где должны были быть мои ноги. И снова оказался на полу, а потом опять взлетел вверх, к лампе.

— Смотреть!.. Не отводить!!!.. Держать!..

На этот раз я даже не смог выполнить несложное вроде упражнение с руками, которые тоже куда-то делись — или же перестали мне принадлежать, как перестала мне принадлежать возможность говорить. И снова последовали недолгое падение вниз и быстрый взлет обратно к свету.

— Смотреть!.. Держать!..

Я пытался выдавить хотя бы то самое мычание, но теперь у меня не выходило и оно. Я окончательно лишился всего, что делало меня человеком — за исключением слуха и глаз. Но глаза видели только свет лампы и темноту у пола, а слух различал всё меньше слов, которые произносились, кажется, в прежнем объеме.

Меня снова уронили и снова подняли.

— Смо!.. Держа!..

И я сдался. Я посмотрел прямо в самое яркое место и почувствовал, как этот мощный свет окончательно выжигает нервные окончания моих глаз и выпаривает жидкость из глазного яблока, которое съезживается и проваливается вглубь черепа. Свободного места там было много.

И когда я почувствовал боль от прикосновения изюма глазного яблока к голым нервам среднего уха, я проснулся.

Часы у меня забрали, но я чувствовал, что проснулся очень рано. Вместе с часами забрали и ремень; наверное, отняли бы и шнурки, но я удачно купил в магазине какие-то удобные мокасины, видимо, созданные советской обувной промышленностью совершенно случайно, а у них никаких шнурков не предполагалось. Нам позволили взять с собой смену белья и умывпринадлежности, а также по одной книге на брата и сестру — я выбрал «Историю КПСС» с тайной надеждой в понедельник всё-таки оказаться на экзамене.

Я лежал на железной кровати с панцирной сеткой, рядом с ней стояла железная тумбочка, на которой лежала пресловутая «История», а в углу у двери имело ведро, от которого немилосердно воняло моим же говном, несмотря на закрытую крышку. А, может, и

благодаря ей. Дверь была массивной, обитой металлом, с небольшим окошком, которое сейчас было закрыто заслонкой, а кровать и тумбочка привинчены к полу.

Называлось это помещение камерой, и оно находилось где-то в подвалах страшной и ужасной Лубянки. Читать тут было было сложновато в любое время дня и ночи — тусклая лампочка под потолком почти не давала света, а расположенное под самым потолком зарешеченное окно предназначалось для чего угодно, только не для освещения этой конуры размером три на четыре метра. Впрочем, ночью читать запрещалось — а днем запрещалось на кровати лежать. Я мог только сидеть.

Валентин к нам не приехал; не явились и его подчиненные, которые, по идее, должны были за мной «приглядывать». Надежда на помощь умирала во мне на протяжении всего обыска, который продолжался часа два, но кавалерия из-за холмов так и не появилась. Нам с Аллой на собственных шкурках пришлось испытать всё то, через что проходят настоящие преступники.

Как я и предполагал, в одной из книг — я толком не запомнил, какой именно — пришедшие к нам ребята нашли внушительную сумму денег, тысяч двадцать или больше; все они были помечены специальной краской и ярко светились в свете фонарика, которым управлял один из оперативников. Деньги из бабушкиной шкатулки и из наших с Аллой карманов они тоже изъяли, но положили их в отдельный конверт; я был уверен, что больше их не увижу. Впрочем, в какой-то момент я вообще начал сомневаться, что когда-либо выйду на свободу — особенно после того, как в комнате Аллы старшина-милиционер «нашел» приличный пакет с драгоценностями.

Я и Алла могли только смотреть на всё это. Нас поставили посреди папиной комнаты и велели не двигаться; один из милиционеров нас охранял и следил, чтобы мы выполняли указания старших по званию. Понятые смотрели на нас с сочувствием, но молча, хотя по виду Алексея было понятно, что он-то как раз всё понимает, но идти против представителей власти по каким-то своим причинам не хочет. В принципе, я и не ждал от него подвигов — наши гости играли в такой весовой категории, что тут нужен вагон таких Алексеев, да и не факт, что они помогут.

Я молчал потому, что понимал это очень хорошо. Кто-то вышел против нас на тропу войны, и подготовился более чем серьезно — тут тебе и постановление с необходимыми подписями и печатями, и милиция рядом, и даже понятые. Всё вроде бы по закону, если бы не подброшенные деньги и драгоценности — они портили всю картину, и я не очень понимал, каким образом эти богатства можно вменить нам в вину. Кроме того, всё, что мог, я проговорил ещё на пороге, когда тянул время.

Алла же поначалу пыталась что-то сказать, но ей грубо посоветовали заткнуться, а я придержал за локоть, давая понять, что сейчас молчание — золото. Причем не то, что находилось в портфеле, а самое настоящее, которое во все времена ценилось больше денег. Самим наговаривать себе на срок — например, за препятствование сотруднику милиции при исполнении им его обязанностей — не следовало.

Поэтому мы дождались окончания этого цирка, а потом написали в протоколах, что не согласны с обвинением, а найденные предметы видим в первый раз — Алла сделала также по моему совету. Майор поморщился, видя такое надругательство над официальной бумагой, но мы были в своем праве, и он не стал ничего делать при свидетелях. Я подозревал, что этот протокол я ещё увижу — и тогда мне будет гораздо сложнее настоять на своём.

Ну а потом нас привезли в то самое здание на площади Дзержинского и развели по разным камерам, а я дал себе зарок больше никогда не шутить про подвалы Лубянки.

Впрочем, всё, от чего я страдал всю субботу — невыразимая скука, которую никакая история никакой КПСС развеять не могла. Я ждал, что меня вызовут на какой-нибудь допрос, но медленное течение времени разбавлялось только четырьмя визитами охраны — три раза они приносили мне что-то отдаленно похожее на еду, а один раз я смог прогуляться в каком-то накрытом решеткой бетонном колодце. Охранники со мной не разговаривали и на мои вопросы не отвечали. Что происходит с Аллой, я не знал.

И после такого насыщенного дня мой мозг решил развлечь меня показом кошмара с допросом и выжженными глазами.

К завтраку я решил, что никаких экзаменов у меня завтра не будет, но упрямо читал про внутрипартийную жизнь в условиях постепенного перехода к коммунизму. Почему-то мне казалось, что в прошлой жизни мне достались вопросы по этой главе толстого учебника, и я надеялся, что хоть в этом моя жизнь повторится. Но тогда я тему завалил, потому что откровенно плавал в недавней истории партии и государства, а «четверку» преподаватель поставил мне из жалости — всё-таки я ходил на все лекции и семинары и даже готовил какие-то стрёмные доклады.

Насчет своего ареста — я был готов называть вещи их настоящими именами — я никаких сомнений не испытывал. Он явно был связан с делом отца Родиона, вот только для меня оставалось загадкой, каким именно боком. Впрочем, насколько я помнил, чекисты всегда любили нестандартные ходы и асимметричные ответы на всякие вызовы. И, например, они хотели через меня надавить на Валентина, чтобы тот не слишком активничал — правда, я сильно сомневался, что это сработает. Но для этого мои тюремщики должны были хорошо знать суть моих отношений с подполковником госбезопасности, а в этих отношениях я и сам не очень разбирался. К тому же я не собирался им помогать и рассказывать о своей истинной природе. Впрочем, пока что меня не спрашивали не только про это, и про любое другое, что могло иметь отношение к моему делу. Ещё я не понимал, зачем забрали Аллу, которая тут вообще ни при чём — но они могли её использовать уже для давления на меня, что мне активно не нравилось.

Поэтому во время чтения я вспоминал всё, что знал когда-то про взрывчатые вещества повышенного могущества. Достать тротил или какой-нибудь гексоген, конечно, было непросто, но и ничего невозможного для целеустремленного человека в этом не было. У Стаса вроде бы имелись наводки на черных копателей, и если получится завоевать их доверие, то уже к осени я буду вооружен до зубов и очень опасен. Впрочем, вооружиться можно было и более простым путем — на родине у отца имелось некоторое количество полезных связей, и если я сумею придумать внятное обоснование своего интереса к огнестрелу, то обратно в Москву смогу отправиться уже со стволом и запасом патронов. Меня, правда, смущала моя кровожадность, но такое качество обычно свойственно человеку, которого просто так заперли в самую настоящую тюрьму. К тому же я всё ещё не был уверен, что смогу выстрелить в живого человека. Но если меня промурьжат тут ещё неделю, я, пожалуй, пересмотрю свои взгляды.

Заслонка лязгнула и в окошке появилось два глаза с косматыми бровями. Это был охранник-старшина; по именам я их не знал, но различал по званиям и по комплекции. Этот,

например, принимал меня и показывал мне обстановку своего отеля; был ещё невысокий сержант, который кормил меня в первой половине субботы, а третий — старший сержант — давал ужин и обеспечивал безопасность во время прогулки. Был, кажется, ещё и четвертый, но он дежурил ночью, когда мои контакты с внешним миром были ограничены.

— Заключенный Серов! Встать! Руки на стену!

Лексикон этих низших чинов разнообразием не отличался — у них была инструкция, как обращаться с такими, как я, и они её неукоснительно придерживались. Отвечать было необязательно, а вот выполнять команды — необходимо. В первый вечер я пытался изобразить из себя недоумка, но старшина показал мне короткую резиновую палку, а потом ткнул меня в то место, куда он мог её засунуть. Я признал данную методику обучения тюремным порядкам эффективной и больше не выпендривался.

Я встал, сделал два шага вперед и оперся руками о стену.

Дверь ржаво закрипела, подбитые металлическими подковами сапоги старшины отчеканили два строевых шага.

— Фу, ну вонюч ты! — прокряхтел он. — От стены отошел. Отошел, кому сказал!

Я послушно вернулся к кровати. Старшина не выглядел злым или бессердечным; скорее, он просто не задумывался о том, кто я такой и почему здесь оказался. В его системе координат я не был таким же человеком, как он — я был объектом из инструкций, к которому её положения применимы в полной мере.

Старшина оглядел меня.

— Бери зубную щетку и полотенце и ведро своё прихвати. Пойдем.

Я подчинился.

Вчера утром меня также вывели в помещение, которое напоминало туалет, только без унитаза, которые заменяли забетонированные дырки в полу. В эти дырки предполагалось сливать содержимое параш, а сами ведра можно было помыть под высокими латунными кранами с холодной водой. Всё это я проделывал вчера, сделаю сегодня — и, видимо, буду делать до тех пор, пока моё состояние в здешней системе координат не изменится в какую-нибудь сторону.

— О тебе спрашивали, — неожиданно сказал старшина, когда я закончил с дерьмом и приступил к водным процедурам.

Я повернул голову и посмотрел на него, ожидая продолжения. Спрашивать я опасался. К тому же говорил он очень бесцветным голосом, словно сообщал что-то не слишком значительное и даже бесполезное.

— Просили передать, что всё нормально, — тем же тоном продолжил старшина.

И замолчал.

Я пару мгновений обдумывал, что в моем положении может считаться нормой, но ничего в голову так и не пришло.

— Спасибо, офицер, — на всякий случай сказал я, стараясь не скатиться в сарказм.

Тот не ответил.

Больше никаких изменений не было — за исключением того, что к жидкому чаю и стандартной серой массе, в которую тут превращали перловку, неожиданно добавилось яблоко. Самое обычное, даже не красное, желтоватое, очень твердое и кислое. Принимая алюминиевый поднос, я пытался поймать взгляд старшины — и не смог. Он очень старательно отводил глаза. Но я снова сказал «спасибо» — от меня не убудет, а ему, надеюсь, будет приятно.

А с обедом на подносе мне передали записку — клочок бумаги со словом «Держись» и подписью «В.»

Всё это, наверное, что-то означало, понять бы ещё — что именно. Но я на всякий случай начал учить историю партии чуть активнее.

Записку я порвал — опять же на всякий случай — и утопил её останки в параше.

Конечно, настроение у меня чуть улучшилось, но до вечера в моей жизни никаких перемен к лучшему не наблюдалось. Смена старшины закончилась, старший сержант был по-прежнему молчалив и лишь отдавал команды, когда выводил меня на прогулку. Разговаривать с ним я не рискнул, после возвращения в камеру снова сел на холодный панцирь кровати и начал читать главу про развитый социализм — предпоследнюю в этом издании учебника. Раздел про 25-й съезд КПСС я оставил на сладкое, рассчитывая заняться им после ужина и успеть до отбоя.

Но ужин прошел совсем не так, как я ожидал.

Следить за временем я не мог; по моим ощущениям, мне уже должны были передать очередной поднос с отвратительной едой. Но заслонка оставалась на месте, в камеру никто не заглядывал, а дотянуться до окна, чтобы увидеть, где находится солнце, я не мог. К тому же я предполагал, что занятия астрономией тут не поощрялись. Конечно, тут ещё не дошли до реалии-шоу из жизни заключенных, и я мог проскочить между обходами охранников. Но мог и не проскочить, а проверять, что будет в этом случае, не хотел.

В итоге я решил добить главу про социализм, а потом постучать в дверь и вежливо поинтересоваться, какого хрена происходит.

И в момент этого решения я услышал за дверью громкие голоса, поднял в любопытстве голову и приготовился выполнить привычную команду надзирателя. Но никаких команд не последовало. Дверь просто распахнулась, а за ней обнаружился Валентин собственной персоной и очень чем-то довольный. А вот старший сержант был явно огорчен нарушением заведенного порядка и что-то бурчал себе под нос, но что именно — мне было не слышно.

Я не сказал ни слова — просто не знал, как нужно реагировать на это явление Христа народу и лишь поднялся с кровати. Валентин тоже стоял на пороге, смотрел на меня и молчал, лишь на его лице блуждало некое подобие улыбки. Потом он не выдержал, шагнул вперед, обнял меня — почему-то трижды, взлохматил прическу и сказал чуть смущенно:

— Извини, — он отступил на шаг назад. — Я теперь в долгу перед тобой. Неоплатном.

Он даже потупил взор — наверное, искренне переживал, как я приму его извинения. Но меня сейчас беспокоили не его переживания, а совсем другое.

— Как там Алла? — хрипло спросил я. — С ней ничего...

— В порядке всё с ней, в полном порядке. Пошли!

У меня гора свалилась с плеч. В отдельные моменты промеж казенных абзацев змеей вползали черные мысли о том, что девушку уже запытали эти чертовы наследники Дзержинского и Бери. Тогда на меня накатывало дикое чувство вины за то, что по моей вине она оказалась в этой ситуации. От угрызений совести не спасало ничто — ни воспоминания об обстоятельствах нашего с ней знакомства, ни напоминание самому себе, что Родион появился в нашей жизни как раз из-за Аллы, а я к нему касательства раньше не имел никакого. В общем, моя душа была изгрызена за эти дни так, что я не был уверен, когда она окончательно заживет. Возможно, никогда.

Я подхватил свои пожитки, сунул подмышку книгу и двинулся на выход, но дверь

перекрывал охранник. Валентину пришлось вмешаться — он взял меня за локоть и аккуратно просунул в коридор в небольшую щелку. Проходя мимо старшего сержанта, я разобрал его бормотание — он был уверен, что происходит нечто неположенное, на что необходимы какие-то документы, которых у Валентина явно нет.

Я с сомнением оглянулся.

— Завтра, завтра всё будет, — раздраженно отреагировал мой спаситель. — Где я тебе сейчас начальника управления искать буду? Это же не американский шпион, ради него никто выходной прерывать не будет. Не волнуйся, никто тебя ругать не будет, сержант.

Тот на такое понижение в звание лишь сильнее надулся.

Я подумал — и вмешался.

— Он не обманет, старшой, — поправил я Валентина. — Настоящий человек слова, сказал — сделал.

Это, конечно, был укол, и я надеялся, что Валентин всё поймет правильно. Впрочем, ему предстояло очень многое мне объяснить.

Глава 11. Willst du mich heiraten?

— Михал Сергеич хотел бы тебя увидеть, — сказал Валентин, когда мы добыли Аллу и вышли на площадь.

Я тоже хотел увидеть старика, даже, наверное, больше, чем он меня, но именно сегодня такая встреча была очень некстати.

Аллу содержали получше, чем меня. В её распоряжении оказалась небольшая комнатка с нормальным, хоть и зарешеченным окном; это окно, правда, выходило во двор, но в него можно было смотреть, чтобы не сойти с ума от скуки заточения. В комнате имели две деревянные кровати-полуторки, у каждой стояла тумбочка, а между ними даже имелся стол с простым стулом. Один угол комнаты занимала выгородка с дверью — там я увидел душ и нормальный белый унитаз. Судя по всему, это было что-то типа комнаты отдыха личного состава — или же общежитие для понаехавших в командировки. А, может, и то, и другое — и ещё какое-нибудь третье, о котором я предпочел голову не ломать.

Но тюрьма всё равно была тюрьмой, и проведенные в ней два дня — двумя днями тюремного заключения. Для девочки-отличницы из благополучной семьи заключение за решетку означало сильный стресс, который мне нужно было снимать какими-то радикальными средствами. Иначе Алла будет долго шарахаться от каждого милиционера в форме, а заодно беречься и от мужчин в штатском, поскольку невозможно угадать, что за удостоверение тот держит во внутреннем кармане серого пиджака.

Зато нам вернули все вещи и деньги, которые забрали при обыске. Деньги так и оставались в конверте, а вещи добрые гэбешники свалили в большой холщовый мешок.

Я покатал в уме возможные варианты развития события и с сожалением сказал:

— Извините, Валентин, но не сегодня, — я коротко мотнул головой в сторону девушки. — У нас с Аллой завтра экзамены, а после вашего гостеприимства мы можем быть не в состоянии хоть что-то вспомнить.

Валентин открыл было рот, но тут же захлопнул его — скорее всего, он понял, что будет неправильно уточнять сейчас, что приглашен был только я. Соображал он быстро.

— А что за экзамены? — в его голосе можно было различить неподдельный интерес.

— У меня история КПСС, а у Аллы... — я беспомощно посмотрел на неё.

Я так и не сподобился выучить названия предметов, которые она изучала в своем институте,

— Практика устной и письменной речи, по немецкому, — ответила она, немного подумала и добавила: — Если надо встретиться, то я не против, экзамен не сложный, я всё выучила.

— Wann hatten Sie Zeit, Ihre Lektionen zu lernen? — неожиданно сказал Валентин.

— Ich habe dieses Fach das ganze Semester über studiert, — как-то легко ответила Алла.

Я вспомнил анекдот про немецкий язык и желание захватить Польшу, но благообразно решил его не озвучивать. Вряд ли чекисты успели посадить в мою камеру другого человека.

— Die wenigsten wollen Deutsch lernen. Jeder interessiert sich für Englisch.

— Das ist richtig. Aber meine Tante lernte Deutsch und ich trat in ihre Fußstapfen.

После этой фразы Валентин сбился, и я, глядя на его растерянное лицо, хотел засмеяться, но вспомнил, где мы находимся. [1]

— Fußstapfen? Что это — переспросил он.

— По стопам, по следу, по примеру... — Алла пожалала плечами. — Я сдала экзамен?

— Пока нет, — улыбнулся Валентин. — Экзамен у тебя завтра, и принимать его буду не я. Но любопытно встретить студента, который решил бы выбрать такую специализацию. Сегодня действительно все рвутся учить английский.

— Да, — кивнула Алла, — группа у нас одна и небольшая. Англичан много больше.

— Понятненько... — пробормотал он. — А насчет того, надо или не надо... думаю, Егор прав, сегодня вам стоит отдохнуть, прийти в себя и не загружать мозги лишними хлопотами. Про этот эксцесс... — он указал подбородком на здание своего ведомства, — про этот эксцесс не беспокойтесь. Никаких последствий не будет, это была инициатива отдельных наших товарищей, которые с сегодняшнего дня нам совсем не товарищи, скорее, наоборот. Вас подвезти?

Я посмотрел на возвращенные мне часы — половина восьмого.

— Нет, не надо, — я не стал советоваться с Аллой, вряд ли она будет возмущаться. — Только... можно вас на пару слов?

Презервативы у Валентина были, и своими запасами он поделился.

— Я думала, что это будет по-другому...

Алла сидела на одном из кухонных стульев, завернувшись в одеяло с головой, и наблюдала, как я готовлю не слишком хитрый — зато домашний — ужин. Тюремную перловку я ел через силу, лишь потому, что понимал необходимость хоть какой-нибудь пищи. Я попробовал салат, сыпнул ещё немного соли и продолжил смешивать ингредиенты.

Только что у нас с Аллой случился первый секс. Презервативы от Валентина были импортные, но из какого-то социалистического государства — вроде бы венгерские, но этот язык был одним из трех на упаковке, а двумя другими — болгарский и, кажется, румынский. Характерной фразы про «мейд ин» на них не имелось.

Я понимал чувства девушки. Наверное, я слишком сильно осторожничал, опасаясь причинить ей боль, и слишком сильно растянул прелюдию. В итоге почти всю свою кипучую энергию Алла израсходовала до того, как я сумел проникнуть в нужное отверстие, и лишь пыталась понять, что же изменилось в её организме — кроме, разумеется, того, что теперь у неё не было девственной плевы. И, кажется, особых изменений она не обнаружила.

Впрочем, чуть позже я собирался повторить этот опыт — Валентин был щедр, как и полагается подполковнику КГБ, и выделил нам на эксперименты целых три средства предохранения. Зачем он таскал их с собой, я не знал и не собирался спрашивать. Но, например, в хороших презервативах удобно хранить пистолеты, чтобы сберечь их от влаги. А ещё их можно использовать для встреч с агентами.

— Это потому что у нас был первый раз, — ответил я. — Сейчас поедим и попробуем снова. Но вообще я тебе уже говорил, что секс слишком широкое понятие, а разные виды оргазма потому и разные, что достигаются разными способами.

Объяснение получилось слишком казенным, и Алла пару минут обдумывала то, что я сказал.

— Наверное, ты прав... просто девчонки постоянно говорили, что если парню не давать... ну... ты понял, — я кивнул, — ...то они уйдут к другим. И я этого боюсь... честно — очень боюсь.

— Я знаю, — ну ещё бы, она уже демонстрировала свои способности к нелогичной ревности. — И не буду снова говорить, что твоя тревожность не имеет никаких оснований.

Да и вообще, наша с тобой жизнь только началась, хотя и проходит как-то бурно. Я всё-таки надеюсь, что дальше будет поспокойнее.

— Я тоже... Егор, а тебе не говорили, почему нас... того... арестовали?

— Нет, — я покачал головой. — Со мной там вообще никто не общался... разве что на общечеловеческие темы. Встать, к стене... это у тебя курорт был...

— Ну да! Скажешь тоже — курорт!

— Я вот этими самыми глазами видел, что у тебя там даже унитаз имелся, — я посмотрел на неё и улыбнулся. — Я же делал свои дела в самую настоящую парашу, прямо такую, как Солженицын описывал.

— О, я тоже его вспоминала. Мне Дима давал машинописную копию его «Архипелага», но я целиком не прочитала, скучно. Но там такие ужасы описаны! Я ничего такого не видела...

— Я тоже читал что-то, но далеко не всё. И дело там не в скуке, хотя и это есть, а в том, что Солженицын слишком многое выдумал ради большего эффекта, — объяснил я и, приоткрыв крышку сковородки, поворошил картошку — больше ради паузы, чем по необходимости. — В общем, по его терминологии, у нас был гулаг-лайт. А причины... в принципе, они и так понятны. Та женщина, что тогда пришла — это мать Родиона...

— Да, ты говорил, — вспомнила Алла.

— Ну да... она хотела купить меня, чтобы я написал заявление в милицию — мол так и так, сын этой суки ни в чем не виноват...

— Егор!

— Что?

— Ну зачем ты так про неё?

— Ты про суку?

— Ну да, она же женщина, нельзя так про женщин говорить...

— Про женщин нельзя, — согласился я. — Но она щенка родила, ещё и нас с тобой согласилась подставить, а, значит, и есть самая настоящая сука. Вернее, думаю, целились только в меня, а тебя случайно задело, но результат... один хрен, оба в заднице оказались. Надеюсь, что Валентин не соврал про то, что последствий не будет. Те ребята всё оформляли слишком официально...

Про себя я подумал, что эти оформления, скорее всего, не стоят даже бумаги, на которой они были написаны — несмотря на присутствие милиции и понятых. Если бы они действительно были уверены, что суд примет их версию событий с драгоценностями и деньгами, то нас не на Лубянку потащили, а сунули бы в какую-нибудь Бутырку. Я вспомнил видео из будущего про то, как правильно входить в хату, и одобрительно хмыкнул. Впрочем, ни один из этих роликов я так и не посмотрел, несмотря на заманчивую рекламу.

— А ты неплохо шпрехаешь на своём дойче, — неуклюже сменил я тему. — Неужели у вас за три года до такого уровня учат?

— Я отличница, — напомнила Алла, но было заметно, что ей моя похвала приятна. — У нас есть девчонки, которые до сих пор только «Их шпрехен нихт» уверенно произносят. Но они все уже замужем, а кто-то и с детьми, им не до учебы, сессию сдают на тройки, им бы только домой быстрее убежать...

Сказано это было с понятным мне сожалением. Алла была лишена нормальных отношений на протяжении пары лет, и, скорее всего, через какое-то не очень

продолжительное время пошла бы по стопам своей Ирки. Занялась бы массовым сексом без обязательств, который очень выгоден мужскому сообществу, спилась, если не хуже, начала бы делать аборты... в общем, никакой обычной семейной жизни ей не грозило. В моём мире она до такого развития события просто не дожила; здесь я не дал ей продолжить падение. Хотя кто эту Аллу знает? У меня не было ответа на вопрос, заложено блядство в её генах или же это нечто приобретенное? Пока что всё моё нутро голосовало за второй вариант, причем так активно, что я мысленно уже готовился к близкой свадьбе — по моему мнению, круг общения в её случае определял почти всё. Правда, с детьми я хотел погодить хотя бы до того времени, пока Алла не пойдет на диплом, но ждать оставалось не так долго — полтора года максимум.

Но опять же — мы с ней пока не обсуждали ни свадьбу, ни будущего ребенка. Алла лишь согласилась съездить со мной к моим родителям — вернее, я говорил про это, как о чем-то неизбежном, а она не возражала. Да и идея посмотреть на древние руины на дне горного озера, кажется, ей понравилась.

— С ребенком действительно сложно учиться... — сказал я. — Особенно девушкам. Я читал, что у вас после родов какие-то гормоны начинают работать, вы начинаете заикливаться на детях, а всё остальное считаете неважным.

— Где ты мог это прочитать? — с подозрением спросила Алла.

Где-где, в интернете, конечно, там какой только чуши не было.

— Не помню, в «Науке и жизни», кажется.

Этот журнал мои родители выписывали уже лет десять, так что версия была относительно безопасной. Правда, я там интересовался только лишь немногими рубриками — например, очень любил разгадывать кроссворд с фрагментами.

— Ал, а ты что думаешь про свадьбу? — я снова сменил тему, которая могла стать потенциально опасной — на ту, которая была опасной безо всяких «потенциалов».

Она задумалась, а я занялся сервировкой стола. Эти действия напоминали мне о доме, хотя всё в этой квартире было мне пока что не слишком привычным — например, тарелки, которые я считал крайне неудобными. У нас в общаге мы каким-то образом набрали набор разномастной, но очень вместительной посуды; здесь же они обходились чем-то плоским, с чего еда постоянно сваливалась при малейшей невнимательности.

Я поставил тарелки на стол, посмотрел на девушку и всё-таки решил настоять на ответе.

— Ну так что? Что думаешь? — спросил я, отправил в рот огромный кусок жареной колбасы и принялся тщательно, как советовали лучшие врачи, пережевывать его.

Я смотрел на Аллу, а её взгляд метался между мной и её тарелкой. Чтобы происходящее окончательно не превратилось в издевательство над несчастной девушкой, я проглотил свою еду и сказал:

— Ты ешь, чего остановилась, остынет всё. Поешь и договорим.

И сам показал пример. Некоторое время мы сидели в тишине — Алла всегда ела очень тихо, как кошка, а её сходство с этими домашними питомцами усиливалось тем, что она очень низко склонилась над тарелкой.

Я закончил первым, успел поставить чайник, и лишь за чаем она решилась.

— Знаешь, Егор, ты меня прямо в тупик поставил, — проговорила она, внимательно глядя мне прямо в глаза. — Не знаю я, что думаю о свадьбе. Ну то есть я что-то о ней думала, конечно, но дальше белого пышного платья с фатой мои мысли не заходили. С Ирккой мы

если и обсуждали, то там тоже ничего такого не было — мы сразу же к семье переходили, мол, замуж выскочим, и всё будет тип-топ. А свадьбу... что её обсуждать? Она — раз и случается.

Я мысленно отвесил себе подзатыльник.

— Прости, Ал, это я дурак, — повинился я. — Сама свадьба меня тоже не слишком заботит, в конце концов можно просто сходить в ЗАГС в любой день и расписаться, даже без гостей и свидетелей. Все эти церемонии, свадебные застолья, честно говоря, слегка утомительны, да и не гарантируют они ничего. Один мой знакомый денег назанимал, чтобы типа лицом в грязь не ударить, мотоцикл продал, ресторан снял на два дня, своих и невесты знакомых и родственников позвал, человек двести у него гуляли... А на второй день он поцапался с похмельным тестем, за того его супруга вступилась, ну и дочка за родителей сильно обиделась. В общем, в субботу расписались, а уже во вторник пошли заявление на развод писать, и подарки свадебные ещё с месяц делили. Первая брачная ночь у него, конечно, была, но получилось, честно говоря, дороговато.

Алла прыснула.

— Нет, такого мне точно не надо, — сказала она. — А если не про свадьбу, то про что ты спрашивал?

— Про замужество. Типа, готова ли ты к такому ответственному шагу, быть в горе и радости и пока смерть не разлучит и всё такое... — мне показалось, что я сформулировал свою мысль слишком расплывчато, и поспешил снова уточнить: — Короче, если я предложу тебе стать моей женой, ты согласишься или нет?

— О... — Алла чуть приоткрыла рот. — Ну... да. Да, соглашусь.

— А почему?

— Глупый, ну кто ж такие вопросы задает? На них и ответов-то нет нормальных. Потому что! Вот! — уверенно сказала она. — Но вообще сейчас моя очередь спрашивать. А ты мне предложишь это замужество? Или только спрашиваешь?

Я очень надеялся, что она не заметила моего колебания — тем более что оно длилось какое-то неуловимое мгновение.

В своей первой жизни я никогда не делал предложений девушкам, и все эти руки с сердцами прошли мимо меня. С первой женой всё вообще получилось как-то само собой — мы, конечно, говорили друг другу что-то про любовь, но после того, как нас застали врасплох её родители, взяли под козырек и начали готовиться к свадьбе. С остальными женами всё вообще происходило как-то буднично — мы съезжались, некоторое время жили вместе, а в какой-то момент решали зайти в ЗАГС. В третий раз мы забежали в это богоугодное заведение просто по дороге с работы — разумеется, подав предварительно заявление, у них там бюрократия развита не в меру.

Наверное, что-то подобное могло произойти и у нас с Аллой — например, нас бы сосватали мои родители во время летних каникул. Или в какой-то момент вернулся бы её отец, и мы опять же начали думать в сторону того, чтобы узаконить наши отношения, дабы не шокировать взрослых. Правда, мне эти штампы в паспортах были до одного места — я точно знал, что не они определяют, насколько крепкими бывают отношения мужчины и женщины. И дети тоже на это никак не влияют. Собственно, только сама пара и может решить — готовы они и дальше жить вместе или же пора разбежаться. Измены тоже из этой области, особенно если они становятся достоянием второй половинки — просто в этом

случае решение о будущем приняли не оба партнера, а лишь один из них. Вторым мог бы и проглотить обиду, но этого как раз делать в подавляющем большинстве случаев не стоило — обычно измена была следствием чего-то, она лишь помогала диагностировать проблему.

Но раз у нас с Аллой дело дошло до таких вот объяснялок, то кто я такой, чтобы не сделать того, чего девушка явно ждет?

— Конечно, — я пожал плечами. — Ты привлекательна, я — чертовски привлекателен, так чего время тянуть? Алла, ты выйдешь за меня замуж?

Я на всякий случай напрягся и поставил чай на стол, но вопреки моим ожиданиям, Алла не стала прыгать на меня с места. Она лишь посмотрела на меня над своей кружкой и тихо сказала «да». А потом снова опустила глаза.

Это меня удивило, пожалуй, больше всего. И я решил немного разбавить пафос момента.

— Здорово, у нас теперь всё, как у взрослых, — довольно произнес я. — Спасибо, что согласилась. Ал, а как мой вопрос будет на немецком?

— О... — она недоуменно посмотрела на меня. — А зачем тебе?

Конечно, для того, чтобы завоевать Польшу.

— Просто так, любопытно. Я на немецком только «гибен зи мир битте» знаю и «хенде хох», — я знал ещё пару выражений из фильмов про войну — и не только про войну, — но решил пока их не озвучивать. — Ну ещё — «ди эрстэ копоннэ марширт, ди цвайтэ копоннэ марширт»...

Алла засмеялась.

— Да ты почти полиглот! Я и забыла про эту фразу, надо будет её на экзамене вернуть. [2] А твоя фраза... — она задумалась, — ...твоя фраза будет звучать так — Willst du mich heiraten?

Она произнесла это с вопросительной интонацией, на что я очень надеялся. И вот теперь фраза из фильмов не про войну была очень к месту.

— Я-я, натюрлих, май фрау. Дас ист фантастиш! — сказал я.

И с удовлетворением наблюдал круглые глаза своей теперь уже официальной невесты.

[1] «Когда ты успела всё выучить?»

Я учила этот предмет весь семестр.

Очень немногие хотят изучать немецкий язык. Всех интересует английский язык.

Это верно. Но моя тетя учила немецкий язык, и я пошла по её стопам».

Немецкий я знаю очень условно, поэтому переводил гугл-переводчиком. Возможно, напереводил с ошибками, но спишем их на то, что по-немецки говорят два русских человека, которые язык учили по советским учебникам.

У анекдота много вариаций, но вот вам такой: «Когда слышу немецкую речь (песню на немецком, немецкий марш), хочется захватить Польшу».

[2] Это из «Войны и мира» — Die erste Kolonne marschier, die zweite Kolonne marschier (Первая колонна марширует, вторая колонна марширует). «Фантастиш», думаю, в переводе не нуждается.-

Глава 12. Шашлык высшего сорта

Если бы старик и Валентин спросили меня, что нужно делать для ускоренного технического прогресса, я бы им сказал — вкладываться в массовую мобильную связь. Желательно одновременно ещё и развивать интернет — с фильмами, книгами и музыкой на любой вкус, — но тут я сомневался, что они сумеют переступить через распространённую в этом времени концепцию «запрещено всё, что не разрешено». Конечно, по факту и в моём будущем было примерно так, но полностью перекрыть вражеские голоса при наличии интернета не удалось даже китайцам, хотя они и очень старались.

Это, конечно, было опасно — в плане влияния на умы подрастающего поколения, — но удобство могло перевесить любые минусы. В 1984-м мне дико не хватало доставки продуктов за пару часов, не хватало возможности в два клика вызвать то же такси или найти нужную запчасть. Или просто оперативно связаться с человеком и обсудить какие-то вопросы, пусть не голосом, а в любом из мессенджеров.

Когда мы с Аллой расставались утром на пересадочной станции метро — она на несколько часов выпадала из моей жизни, и я понятия не имел, где она и что с ней. В будущем таких проблем практически не возникало — ты не общался с человеком, потому что не хотел, а не потому, что не имел такой возможности. Правда, в прошлом приходилось очень четко выполнять обещания — то есть приходиться ровно тогда, когда сказал, не позже и не раньше, и именно туда, где вы собирались встретиться. С одной стороны, это было дико неудобно при появлении различных форс-мажоров, с другой — сейчас, у людей восьмидесятых, форс-мажоров почти и не возникало. Их жизнь протекала достаточно спокойно и предсказуемо — в отличие от жизни каких-то попаданцев и близких к ним людей. Но я к бардаку в своем расписании почти привык, и поэтому совсем не удивился, когда рядом со мной к тротуару прижалась черная двадцать четвертая «Волга», из которой мне махнул рукой радостный Валентин.

Я, в принципе, тоже был доволен, хотя «пятерка» по истории меня, скорее, озадачила. После пребывания в самых настоящих застенках местных чекистов меня пробило на диссидентство, и я позволил себе несколько не самых осторожных высказываний — например, заявил преподавателю, что учить решения съездов КПСС скучно и просто бессмысленно. Это было действительно так, но до этого дошли только мыслители будущего. Люди дня сегодняшнего, похоже, тупо не видели, что эти решения не вытекают одно из другого, что это независимые документы, которые всего лишь отражают текущий взгляд партии на экономическую и политическую ситуацию в стране и в мире, и этот взгляд к тому же безнадежно запаздывает. Всё же собирать принимающий решения народ раз в пять лет было глупо, но Брежнев, видимо, любил порядок во всём, в том числе и в цифрах. Первые большевики были людьми более умными, и свои съезды собирали сразу, как только обстановка менялась; Сталину они были не нужны — он самостоятельно реагировал на появляющиеся вызовы, и вокруг себя собрал людей примерно такого же толка.

Мои слова почему-то очень впечатлили старичка-профессора, которого позвала на помощь наша преподавательница. Он задал мне несколько вопросов, пытаясь, видимо, запутать, я не запутался, а продолжал гнуть свою линию — и в итоге получил «отлично». При этом профессор даже не стал опрашивать меня дальше — так что проблемы освоения целины и независимости африканских стран повисли в воздухе. У меня и про них было что

сказать, но лишь выйдя на свежий воздух, я осознал, по какому тонкому льду я ходил. Вряд ли сейчас кто-то восхитится глубокомысленной сентенции про то, что целина была одной сплошной ошибкой, которая решила сиюминутные задачи, но провалилась на стратегическом уровне. Ещё у меня было заготовлено сравнение целины с поворотом сибирских рек на юг, с которым высшее партийное руководство сейчас носилось, как курица с яйцом — и это тоже могло привести как минимум к неприятной пометке в моём личном деле.

В общем, в машину к Валентину я сел в глубокой задумчивости и мысленно пожалел, что не смогу написать Алле смс про то, чтобы она меня рано не ждала. Потом всё-таки вернулся в реальный мир, огляделся вокруг, буркнул что-то приветственное и спросил:

— А где «догонялка»? Или вас разжаловали и теперь сложную технику не доверяют?

Это было грубо, но тот лишь ощерился в некое подобии улыбки.

— Не разжаловали, не надейся, с этой стороны у меня всё хорошо, — ответил он. — Но и не повысили.

— Не всё сразу, — философски заметил я. — Спрашивать, как идет то расследование, не стоит?

Валентин кивнул.

— Не стоит, да. Как экзамен?

— Нормально, «пятерку» поставили, хотя могли и арестовать, — я пожал плечами. — Меня немного занесло в описании роли руководящей и направляющей.

Он хмыкнул.

— Ну если ты сам признаешь, что «немного занесло», то, наверное, ты им полное собрание сочинений Солженицына начал цитировать или требовать свободу академику Сахарову? Анекдоты не рассказывал?

— До анекдотов не дошло, они у меня на третий вопрос были заготовлены, про Африку и её борьбу за независимость, а пятерку мне поставили после первого же ответа. Видимо, чтобы не слушать, что я ещё придумаю, — признался я. — Про Солженицына вот ни полслова не сказал, даже не вспомнил его. Кстати... про Солженицына... А чего вы так мягко со всякими диссидентами? У нас там как раз вам пеняли, что вообще мышей не ловите, они у вас прямо под носом гнездо вьют и советскую власть дерьмом поливают. А вы их, такое чувство, всего лишь уговариваете вести себя чуть приличнее, но они от таких уговоров только наглее становятся.

Про диссидентов я читал в интернете, и авторы различных постов часто задавались этим вопросом, который я и ретранслировал своему собеседнику. Толкового ответа, кстати, тогда никто не дал.

Валентин пару секунд помолчал.

— А что, есть конкретные сигналы?

— Да бог знает... — я попытался вспомнить хоть какие-то факты, не смог и зашел сразу с козыря: — Но вы же этих ребят из страны выталкиваете, а там их сразу берут в оборот ЦРУ и прочие, к их услугам «Голос Америки», всякие издательства типа «Посев», кафедры в американских университетах. И они становятся объектами пропаганды — вот, мол, смотрите, несчастный поэт, которого злобные Советы лишали последнего куска хлеба и всячески гнобили, у нас стал уважаемым профессором и читает лекции студентам. Это же прямой сигнал — у нас хорошо, у нас любые мнения в почете, никто ничего не запрещает, у

нас всё есть, прямо как в Греции. Дурачки ведутся...

— А это не так? — мрачно спросил Валентин.

«Пресвятая мать-заступница, за что мне это?»

— А вы не знаете, как там на самом деле? — я изобразил удивление.

Он промолчал. Очень многозначительно промолчал.

— Господи... и как же вы ведете пропаганду социалистического образа жизни? Что предъявляете угнетенным классам в капиталистических странах? Чем их, так сказать, прельщаете на борьбу с империализмом?

— Не юродствуй! — Валентин вдруг превратился в того, кем он и был на самом деле — в подполковника КГБ с тридцатилетним стажем. — Тебя опять занесло... будь кто другой на моём месте...

— Знаю, в курсе, — буркнул я — и на самом деле замолчал.

Он выдержал ровно минуту.

— Так что там, не так? — спросил он. — Я ни разу не выезжал, только с женой были в отпуске, но в Болгарии. А Болгария, как известно... Но коллеги рассказывали... да и по ним было видно, что там люди неплохо живут.

— Знаете, я вам один анекдот всё-таки расскажу. Он вроде бы задумывался как антисоветский, но в будущем оказалось, что он как раз про капитализм.

— Да? — заинтересовался Валентин. — Ну давай, клеветы на советский строй.

— Да там просто, никакой клеветы. Один мужик после смерти попал на небеса, и ему предложили выбрать — рай или ад. Оно попросил посмотреть сначала. В раю всё скучно, красиво, но однообразно, ангелы летают, фонтанчики с амброзией. А в аду его встретили по высшему разряду, организовали улетную вечеринку, танцы, музыка хорошая, выпивка из лучших подвалов... В общем, выбрал он ад, а его сразу на входе черти хватают — и в чан с кипящей смолой. Он в шоке — как же так, показывали совсем другое. И главный черт ему отвечает: а не надо путать туризм с эмиграцией.

Валентин рассмеялся.

— То есть ты хочешь сказать, что всё, что там видят наши командировочные — это туризм, а на самом деле всё плохо? — уточнил он. — А как же магазины огромные на каждом шагу с кучей продуктов, всякая бытовая техника, забитые улицами машины? Это всё, по-твоему, просто витрина?

— Ну, не совсем, — поморщился я. — В целом так и есть — и продукты, и машины, и миллион сортов колбасы... Просто, как и везде, вопрос упирается в деньги. Есть деньги — всё это тебе доступно. А нет денег — фига, а не продукты. Не всех же берут в Солженицины? Уезжают туда всякие насмотревшиеся рекламы ноунеймы, потом у них ностальгия, видишь ли. Как перестройка начнется, они толпами обратно полезут. Сейчас на Западе, кстати, что-то вроде золотого века... ну или серебряного, не знаю. Чуть позже похуже будет, когда они за средний класс возьмутся. Но у нас и мы в этом участвовали активно. А в целом... с деньгами и в СССР можно хорошо жить, если не наглеть и не слишком сильно нарушать закон, и на Западе тоже. А без денег везде плохо. Только у нас тут ещё и с пивом проблемы, — напомнил я про свою тайную боль.

— Проблемы, да, — Валентин задумчиво побарабанил пальцами по рулю.

— Вы зря вымарываете понаухавших из нашей жизни, — неожиданно для себя сказал я. — Лучше бы рассказывали людям, как прекрасно живут за границей наши бывшие заслуженные артисты. Какой-нибудь Нуреев там, конечно, как сыр в масле катается, но, во-

первых, он гомосексуалист, а во-вторых, в прошлом году подхватил ВИЧ... вы, кстати, поосторожнее с этой заразой, — вспомнил я отсмотренный когда-то сериал про нулевого пациенты. — Она надолго, если не навсегда, таблетку от неё и через сорок лет не изобретут, а заражаются не только гомики, всякое бывает...

— Про это потом, — бросил Валентин. — Что там с Нуреевым?

Про СПИД мои кураторы были уже в курсе. Точной даты прихода этой болезни в СССР я не помнил, но помнил год — спасибо неплохому сериалу, который посмотрел несколько лет назад по моим внутренним часам. [1]

Но потом так потом.

— Да нормально с ним всё, только умирает из-за вируса медленно. Там же мафия целая этих любителей мужиков... скоро ещё и Фредди Меркьюри из «Квин» заразится и помрет, тоже заднеприводный... но бог с ним. Я про другое. Вот уехал на Запад, например, Савелий Крамаров — здесь он звезда, его каждая собака знает. А там — языками не владеет, актерского образования толком нет, ролей не предлагают почти, а если предлагают — то только играть странных русских в антисоветчине всякой. Вот про это надо писать — прямо со ссылкой на западную печать, с цитатами их критиков и прочим. Можно даже его развести на интервью — прикинуться корреспондентом из Франции, например, и пусть жалуется на жизнь. Олег Видов — тоже там не сказать, что хорошо себя ощущает... ну и так далее, вам лучше знать, на кого обратить внимание.

— Идея любопытная... — задумчиво сказал Валентин. — Обмозгуем с товарищами... А пока давай к нашим делам вернемся. Ты сейчас не слишком занят? Не собирались с девушкой где-нибудь встретиться, в кино сходить, например?

— А что? — осторожно спросил я. — Если собираюсь, вы меня просто так отпустите?

— Нет, — несколько зловеще улыбнулся Валентин. — Но попрошу парней, чтобы её предупредили.

Я думал, что Валентин отправится по одному из уже знакомых мне адресов — на улицу Хользунова или на Сокол, и когда мы свернули на Ленинградку, я решил, что меня ждет ещё один сеанс воспоминаний о будущем. Но он проехал Сокол, свернул на Волоколамское шоссе, по будущему Митино, где пока торчало всего несколько новеньких многоэтажек, вырулил в район Волоколамского шоссе, спустился ещё ниже на юг — и мы оказались в деревеньке, которая называлась Никифоровкой. Это была именно деревня, тут ещё не было никаких дач и резиденций, а жили самые простые люди. Хотя я заметил бегущую по столбам линию телефонной связи — всё же в обычной деревне такая роскошь доступна далеко не всем.

Скорее всего, я бы смог преодолеть этот путь гораздо быстрее, но почему-то не стал предлагать свои услуги. И спрашивать, куда меня везут, тоже не стал, лишь порадовавшись, что еду я не в багажнике, не связанный и не с кляпом во рту, такая поездка и сейчас была очень плохой приметой. Валентин тоже молчал, лишь задумчиво крутил баранкой. Но вёл машину он так, словно ездил по этой дороге каждый день и не по одному разу.

Меня в эти места заносило не слишком часто, хотя я и жил относительно недалеко. Но работал-то я в «старой» Москве, а заказы на Рублевку поступали редко — тамошние обитатели имели собственные автомобили с персональными водителями и в услугах яндекс-такси класса «комфорт+» точно не нуждались. Но сколько-то раз я сюда катался — в основном по навигатору и не слишком пытаюсь запомнить дорогу. Сейчас была другая

ситуация, а молчание способствовало наблюдательности, так что я мог бы и обратно выбраться, и вернуться в эту деревню в случае нужды.

Деревня, впрочем, мало чем отличалась от многих деревень в средней полосе России — однообразные домики с обработанными участками, дышащие на ладан заборы и куча всякой живности от коров до уток, которые совершенно не боялись нашей машины, и собак, которых провожали нас истеричным лаем.

Дом, у которого мы остановились, немного выделялся на фоне соседских строений. Он был кирпичным и двухэтажным, крытым железом поверх высокой мансарды, где, похоже, имелось что-то вроде третьего этажа. А вот всё остальное было такое же, как и у других — какие-то сараи на заднем дворе, небольшая беседка перед домом и куча яблонь, которые только начали цвести.

Нас встретила пожилая женщина, которую Валентин поприветствовал как родную.

— Припоздали вы, — проворчала она, никак не отреагировав на его слова. — Обещали час как быть, а приехали... эх, молодежь... Всё прогорело уже, надо ещё будет подкинуть. Справитесь сами или помочь?

— Сами, сами! — замахал руками Валентин. — Спасибо тебе!

Он подошел к ней и, кажется передал ей какую-то сумму в рублях. Но сколько именно и передал ли — этого я утверждать не мог, потому что он очень грамотно закрывал свои руки от моих глаз. Женщина после этого сразу вышла с участка и пошла куда-то по дороге, быстро пропав из виду. А Валентин повел меня к беседке, где стоял самодельный мангал — железный ящик, в котором весело горели дрова. Рядом на кособокой скамейке стояла миска с несколькими шампурами, а на столе имелась и пара бутылок «Столичной» с огромными тарелками с овощами. Ещё тут была целая буханка хлеба.

— По полной программе приготовила, — проворчал Валентин, покосившись на бутылки и оккупировав место у мангала. — Ничего тут ещё не прогорело, вовремя мы приехали. Минут через пятнадцать можно будет начинать.

— А кто-то ещё будет? — спросил я, показав на бутылки.

— Нет-нет, никого не будет... Это Галя перестаралась, хотя я просил спиртного не ставить, — объяснил он.

Кто такая эта Галя, он так и не сказал.

Я уселся на одну из табуреток у стола, отрезал себе горбушку — буханка была относительно свежей и ароматной, — щедро её посолил и откусил солидный кусок.

Я не ждал от Валентина какой-нибудь подлянки. Было множество разумных причин, по которым он мог отвезти меня в эти ебень; не все варианты мне нравились, но я признавал целесообразным любой из них. Во всяком случае, домик в не самой очевидной подмосковной деревушке вполне подходил, например, для очень конфиденциального разговора — и подходил гораздо лучше, чем дача на Соколе или квартира в Хамовниках.

Он не торопился начинать свой важный разговор. Дождался, пока дрова в мангале не прогорят, заботливо разместил шампуры, пару раз перевернул их. И лишь затем подошел ко мне и сел на соседний табурет.

— Егор, ты понимаешь, что я привез тебя сюда не просто так? — спросил он.

Я хмыкнул.

— Понимаю, конечно. Правда, надеюсь, что вы и обратно меня вернете, а если вернете в целости и сохранности, то и совсем хорошо будет.

— Верну, не беспокойся, — Валентин, видимо, понимал мои опасения, но не считал их чем-то существенным. — Хотел с тобой поговорить... Михаил Сергеевич в курсе, если что... так что вот...

Так-то и у меня была к нему пару вопросов. И для ответов на них старик был не нужен.

— Конечно, — бодро ответил я.

Правда, особой бодрости я не чувствовал. Но изобразил, что слушаю его внимательно.

Как ни странно, под моим пытливым взглядом Валентин слегка стушевался.

— Ну... я понимаю, что попасть к нам... было... — он запнулся, явно пытаюсь подобрать нужное слово.

— Неожиданно это было, — пришел я ему на помощь. — И очень неприятно. Если что — Солженицына вашего я читал, не полное собрание, на это меня не хватило, но кое с чем ознакомился на досуге. И если я правильно помню, он как раз и описал там своё содержание во внутренней тюрьме Лубянки... я, конечно, там сидел один, а не с толпой коллег по несчастью, но приятного в таком времяпрепровождении было мало. Понимаю, что ради одного меня... даже ради нас с Аллой... никто не стал менять правила и наставления для охранников, но меня сейчас лишь один вопрос мучает — какого хера? Почему на Лубянку? Спекуляциями же милиция занимается, не ваша братия... а двадцать тонн бабла и пригоршня золотых безделушек, кажется, даже на статью полноценную не тянут. Вот я и пытался все эти дни понять — какого хера нас к вам в гости привезли?

Валентин немного помолчал.

— Видишь ли, Егор... Эти ребята ради тебя целую операцию не постеснялись организовать — настолько им было интересно, что ты за гусь такой, что за тебя на достаточно высоком уровне могут заступиться.

— Это вы на себя намекаете? — без особой надобности уточнил я. — Подполковник гэбэ? Или вам уже дали генерала?

Валентин улыбнулся.

— Нет, генерала мне ещё не дали, но ты был прав — могут и дать, если всё закончится с нужным нам результатом. Но и подполковник подполковнику рознь... один руководит группой девушек-машинисток, другой оружие анализирует. А третий — я.

— А вы, значит?..

— Не будем об этом, — жестко ответил он. — К делу это не имеет ни малейшего отношения. Просто поверь, что им крайне важно было узнать, куда дальше идут связи, кто стоит выше меня и что он делает...

— Михаил Сергеевич? — сказал я, уверенный в своей правоте.

Валентин снова улыбнулся.

— Ну нет, ты что... Михал Сергеич мне как отец, это всем известно. Но в нашу службу он лезть не будет никогда и ни за какие коврижки. Его в своё время... ладно, думаю, ты понимаешь, что это секретно и даже совершенно секретно... в своё время Михал Сергеичу сам Андропов предлагал сотрудничать... ну, в его компетенции, разумеется. Но тот отказал — вот просто, взял и отказал председателю КГБ. И ничего ему за это не было.

— За ним кто-то стоит? — безразличным тоном спросил я.

Вся моя жизнь приучила меня к тому, что противостоять кому-то могущественному могут далеко не все.

— Он сам за собой стоит, — ответил Валентин. — И это редкое качество. Он работал со всеми председателями правительства... со Сталиным, Молотовым, с Хрущевым, Косыгиным.

Леонид Ильич его недолюбливал... Константин Устинович тоже, он во многом похож на своего начальника... но что-то сделать с ним не смели и не смеют. Ходили слухи, что Леонид Ильич хотел замотать Героя соцтруда на юбилей, но остальные члены Политбюро отстояли. Даже Андропов был за, не затаил обиду. Георгия-то турнули легко, но тогда всех, кто с Хрущевым пришел, по-тихому задвинули.

Я снова вспомнил про судьбу двух управделами ЦК КПСС, но опять не решился выложить эту историю. Мне её как-то придется обходить во время продолжения рассказа про будущее — в первый раз мы до ГКЧП не добрались, но оставалось недолго.

— Кто такой Георгий? — спросил я, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

— Степанов, был управляющим делами Совмина до Михал Сергеича, — пояснил Валентин. — В ноябре 1964-го кинули на энергетику, а потом и на пенсию оправили... в шестьдесят два года.

— А Михаил Сергеевич, выходит?

— Да, выходит, — он кивнул. — Был заместителем, стал руководителем. И с тех пор руководит.

Двадцать лет, прикинул я. Одно из неочевидных проявлений застоя во всём. Хотя, возможно, на этой должности опыт был важнее кадрового обновления — но в этом я уверен не был.

— Что ж, это понятно... и как, сумели они определить, кто вас... вам покровительствует?

— Нет, — ответил он. — Их сразу же, в пятницу задержали. Обычные оперативники, ко мне никаким боком не относящиеся. И допрашивал их не я, а обычный следователь, хотя, конечно, с нашей спецификой.

Это было неожиданно.

— Эм... — я не сразу нашелся, что сказать. — Тогда я ещё сильнее хочу узнать, какого хера мы с Аллой сидели в вашей тюрьме до воскресенья?

Валентин как-то неприлично заржал.

Глава 13. Его новая дача

Я, конечно, обиделся на реакцию Валентина, но возмущаться не стал. А он вместо ответа отошел к мангалу, от которого уже ароматно пахло готовым мясом. Он немного покрутился там, потом вернулся к столу и плюхнул на стол тазик с шампурами.

— Угощайся, вроде нормально получилось.

Я не стал его разочаровывать, взял один шампур и осторожно откусил. Но шашлык и в самом деле оказался правильным, хорошей прожарки, да и маринад явно делала опытная рука. Так что я отбросил колебания, и проглотил немалую порцию буквально за минуту. А потом сыто рыгнул, не успев справиться с реакцией организма, и посмотрел на Валентина, который ел размеренно и аккуратно.

— Ну так что с тюрьмой? — напомнил я.

Он не торопясь дожевал свой кусок и посмотрел мне прямо в глаза. Отводить взгляд я не стал.

— Во-первых, так было надо, — сказал он очень казенным голосом. — Во-вторых — у тебя допуска нет. В-третьих, тюрьму в здании на Лубянке закрыл ещё Семичастный Владимир Ефимович в шестьдесят первом, сразу, как только стал председателем Комитета. Так что ни в какой тюрьме ни на какой Лубянке ты не сидел, можешь не гордиться.

Я молча выслушал эту тираду и продолжил смотреть ему в глаза, ожидая хоть какого-то объяснения. Он продержался с минуту, но потом всё-таки посмотрел на оставшийся шашлык и взял ещё один шампур.

— Так действительно было надо, Егор, — с нажимом сказал он. — Всё рассказывать не могу, просто не имею права. Но это того стоило. На вашей дальнейшей жизни это действительно никак не отразится. Не было никакого дела, вас не арестовывали... ну и тюрьмы у нас действительно нет.

— Та камера, в которой я сидел, выглядела очень реально, — напомнил я.

— Музей хотят делать, вот и сохранили интерьер... — отмахнулся Валентин. — Нашли ребят, похожих на тех, кто успел там поработать, их мы менять не стали, они в целом нормальные, хотя, конечно, обычными людьми их назвать трудно. Каждый со спецификой, но с работой справляются.

— А что они делают в вашей кровавой гэбне?

— Это у вас так наш комитет называют? — безразлично уточнил он.

Но было видно, что его словосочетание «кровавая гэбня» слегка покорило.

— Называют, но в хорошем смысле, — поспешил я ответить. — Вернее, и в плохом тоже, но этим нынешние диссиденты и их идейные наследники занимаются. А у нас чаще это ирония — мол, смотрите, кровавая гэбня опять построила своим врагам завод или подарила какую-нибудь ГЭС.

— Понятненько... А эти ребята конвоирами у нас работают. Сопровождают подследственных. Очень исполнительные. Дали приказ — они выполняют от и до. Наказывать и не за что. Они же тебя не били?

Я помотал головой.

— Нет, не били. Хотя, если честно, я ждал чего-то такого. Боялся, конечно, но ждал. Просто так за решетку не кидают.

— Кидают и просто так... — пробормотал Валентин и принялся за свой шашлык.

Что-то похожее на разговор Валентин начал, лишь расправившись со всем шампуром.

— Егор... как ты смотришь на то, что мы сольем известным... ну, скажем, агентам, что наш советский студент сумел изобрести устройство, которое позволяет заглядывать в будущее? — спросил он. — Может получится очень интересная игра с нашими оппонентами там, на Западе. Они наверняка тобой заинтересуются...

Заинтересуются, куда они денутся, тут к гадалке не ходи. Вот только мне этот интерес заранее не нравился.

Задумка Валентина была, конечно, любопытной, особенно если её правильно обставить. Так-то всякого рода предсказателей в мире было огромное количество; правда, мало кто из них замахивался на нечто глобальное — только что Ванга, но насколько я понял из последующих разоблачений, она была проектом болгарских спецслужб и делала нечто, похоже на то, что предлагал Валентин. Я не помнил, купились западные спецслужбы на историю бабушки, которая внезапно обрела связь с космосом, или ограничились собственной игрой со всякими Хаббардами и иже с ним, но, кажется, машинами времени никто тут ещё не баловался. Правда, Земекис уже должен был написать сценарий своего фильма, так что идея Валентина могла упасть на хорошо унавоженную почву.

Но я отрицательно покачал головой.

— Не выйдет, — сказал я. — Никто из ЦРУ в здравом уме не поверит, что студент-первокурсник из заборостроительного мог придумать нечто подобное. Был бы хоть физик или математик, у них мозги изначально сдвинуты по фазе, они на всё способны. Да и как это обставить? В свободное время крутил в гараже гайки и случайно заглянул в будущее?

— Ну, формально так и есть, — ответил Валентин. — Не знаю, чем ты занимался в своем будущем, но потом случайно открыл новый эффект.

— Домой я шёл, после работы, уставший, — признался я. — К тому же любая теория нуждается в проверке, а результаты должны повторяться. Второй раз я никуда не перенесусь, во всяком случае, по собственной воле, потому что не понимаю, что и как произошло. А раскрывать мою историю каким-нибудь академиком, думаю, вы и сами не будете.

Тут Валентин ещё разок улыбнулся — уже более зловеще.

— Вообще-то они уже в курсе... не бойся, не про тебя, а про существование точных данных о том, что путешествия во времени возможны. Рассказали нескольким избранным, пусть думают, варианты изобретают. Вдруг что путное выйдет.

Ага, выйдет. А потом эти избранные отправят ветерана-добровольца в его же тело в 1941-й, чтобы предупредить товарища Сталина о коварном нападении Гитлера и внедрить в войска промежуточный патрон.

В этот момент я почему-то понял, что эти ребята поступят именно так, как только разберутся с теоретическими проблемами и соорудят нужную установку. Причем в прошлое отправится не какой-то там московский таксист, позабывший всё, кроме своего имени, а самый натуральный вундеркинд с натренированной памятью, которая обязательно будет содержать не менее дюжины способов установить командирскую башенку на средний танк Т-34.

Правда, я не особо верил в успех этого безнадежного дела, но упорства большевикам всегда было не занимать. Они могут изъять часть безумных средств, которые сейчас вливают в оборонку или освоение космоса, перенаправить их на изучение проблемы времени — и получить вполне приемлемый для них вариант. Эта авантюра могла закончиться как угодно.

Возможно, мы уже живем в каком-то другом мире, в котором, к примеру, такой попаданец не помогал Сталину, а напротив — всячески мешал. Пройти современные гэбешные фильтры можно было легко, особенно хорошо подготовленному тайному врагу.

— Зря вы это сделали, — я покачал головой. — Ваша профессура наверняка уже слила всю информацию западным коллегам. А у тех и возможностей больше, и мобилизационный потенциал выше. Могут опередить...

Валентин насторожился.

— А что, кто-то точно?..

— Понятия не имею, вы же мне имен не назвали. Я по логике вещей рассуждаю. Разведки работают, шпионы есть, агенты тоже должны быть. Вероятность того, что среди ваших избранных есть предатель, имеется, насколько высокая, не знаю. Но события обычно развиваются от плохого к худшему, так что к худшему и стоит готовиться. Откроете вы ящик пандоры с таким подходом, и весь мир потом проклянет вас, а не американцев, которые, скорее всего, и сотворят какое-нибудь безумие.

— Ну а что бы ты сделал? — огрызнулся Валентин. — Это стандартная методика, и у нас, и у американцев, и у каких-нибудь папуасов. Если есть точная информация, что что-то возможно, выделяются средства, создается рабочая группа. Подписками мы их обложили, конечно, и за горло придерживаем... хотя ты прав... это ничего не гарантирует.

— Я читал, что во времена Сталина, когда ядерную бомбу делали, ученых в некие шарашки загнали, даже сериал... ну, фильм многосерийный... про это был.

— Не так всё было... — поморщился Валентин. — Шарашки были, но они для другого делались. А в атомном проекте просто построили новые города, где ученые и жили. Ну и секретность была на уровне, и предателей не было... по нашей линии ничего не проходило.

— Тут вам точно лучше знать, — согласился я. — Да и фильм тот был не особо хороший. [1] Но я не уверен, что сейчас вот это всё получится — новые города, секретность... Да и смысл во времени копать? Что вы хотите получить?

— Что получится, то и получится, — отмахнулся Валентин. — Может, вообще ничего сделать нельзя будет, чего заранее голову ломать?

Идея с привлечением ученых к проблеме моего попаданства мне активно не нравилась. Я не исключал, что через какое-то время академикам перестанет хватать туманных намеков, полученных с риском для жизни советскими джеймсами бондами, и они потребуют у разведки каких-нибудь материальных свидетельств. Из таковых в этом времени присутствовал только я; конечно, в подлунном мире всё возможно, и, например, сейчас где-нибудь в Америке скрывается от ФБР какой-нибудь нью-йоркский таксист из 2263 года, которому тоже не улыбается стать лабораторной крысой. Но вероятность этого события я считал ничтожной и учитывать не собирался.

Но я должен был предложить Валентину какую-то альтернативу, иначе меня на самом деле втянут во все эти шпионско-научные игры с неясным исходом.

Чтобы выиграть ещё немного времени, я взял ещё один шампур, снял с него кусок мяса и начал его аккуратно есть.

— Я придумал, — сказал я. — Не надо изучать путешествия во времени... вернее, пусть уже изучают, раз вы их озадачили, может, действительно что-то придумают. И потом можно будет историю изучать не только по остаткам былых цивилизаций, но и лично присутствуя при великих событиях. Хотя тут сложно... если такое возможно, то уже сейчас на Земле

должно присутствовать некое количество хронопутешественников, ведь так?

— Возможно, я сам в этом не очень хорошо разбираюсь, — кивнул Валентин. — Но мы попросим ученых изложить их мудреные теории простым языком. Для полевых сотрудников, так сказать. А что ты придумал?

— Да это такая обманка... ваше ведомство нечто подобное, я так понимаю, проворачивало. Операция «Трест», кажется? Когда Рейли поймали? Ещё фильм про это был.

— Был, — подтвердил Валентин. — И фильм был, и операция была... похожая, не совсем такая, но была. Я не пойму, к чему ты клонишь?

— Да это просто. Нужно начать масштабные исследования, выделить огромные бюджеты, создать кучу институтов и заводов — или перепрофилировать имеющиеся... и пусть изучают что-то фантастическое в смысле стоимости и трудозатрат. Например, чертят проекты огромных космических кораблей-ковчегов, изучают теорию и практику нуль-транспортировки... надеюсь, вы знаете, что такое нуль-транспортировка? Не волнуйтесь, этого никто не знает, но все хотят знать... В общем, ищут способы, с помощью которых человечество может покинуть обреченную на уничтожение Землю. Допустим, из-за огромного астероида, который столкнется с планетой. И допустим, что это событие, по прогнозам, случится, например, в 2037 году. Тем более что это правда.

Валентин уставился на меня, открыв рот, из которого немедленно вывалился только что откушенный им кусок шашлыка.

Способ разорения врага методом подсовывания дорогостоящей обманки я беззастенчиво украл у американцев. Совсем недавно с точки зрения живущих в 1984 году людей Рейган начал кампанию «Звездные войны — в жизнь». В США это официально называли «стратегической оборонной инициативой», но советских вождей им обмануть не удалось — те сразу просекли, что речь идет о космических перехватчиках баллистических ракет, которые сводили на нет с таким трудом достигнутый ядерный паритет. Много позже вроде бы все сошлись на том, что эта пресловутая СОИ была масштабным блефом — американцы рассчитывали на то, что СССР ввяжется ещё и в эту гонку и надорвется. Но из расчет не оправдался, хотя Советский Союз в итоге развалился — хватило и других гонок.

Ещё в свое время, прочитав про это в интернетах, я подумал, что лозунг про догнать и перегнать Америку был вредным со всех точек зрения. Особенно он не был выигрышным в идеологическом плане, поскольку как бы символизировал, что мы движемся с капиталистами в одну сторону, но они в светлом будущем окажутся быстрее, если мы не поторопимся. Как пропагандисты не заметили этот ляп — не знаю. Впрочем, его, кажется, не заметил никто по обе стороны Железного занавеса.

Но речь не о лозунгах, а именно об общем подходе к функционированию экономики. Я ещё понимал стремление Политбюро занять как можно больше ракет с ядерными боеголовками — в конце концов, это была гарантия, что Штаты не навалятся на нас всем западным миром. Но нам вряд ли было нужно столько же миллионов тонн стали, сколько в Штатах; лучше бы на освободившихся мощностях джинсы шили — надежно, практично и модно. А стали надо выплавлять ровно столько, сколько нужно для отечественной промышленности. Понятно, что я рассуждал, как дилетант, но нечто рациональное мне в моих размышлениях виделось. Мне казалось, что СССР стоял бы и в моем будущем, если бы вместо того, чтобы с усилием, через не могу, пытаться догнать Америку, мы бы просто строили бы дома и дороги, выпускали бы машины и ширпортреб. Пошли бы в сторону,

перпендикулярную той, в которую неслись США и их союзники. И пусть они бы соревновались сами с собой, у нас был бы собственный путь, на котором они бы не были нам соперниками. Думаю, и союзников на этом пути у нас было бы побольше, чем в моей первой жизни.

Со своими «звездными войнами» Штаты тогда промахнулись. СССР в кои-то веки поступил мудро — бог знает, почему. То ли вожди по скудоумию недооценили то, что задумали американцы, то ли Горбачев слишком быстро стал Генсеком и развернул весь советский корабль в кильватер западного мира. Но в эти гонки можно играть и вдвоем — я был уверен, что штатовская разведка рано или поздно узнает про новую информацию, которую откуда-то выкопали ученые Страны Советов, найдут подходы к секретносителям, соберут из полученных крох некую теорию — и замутят что-то вроде «Манхэттена-2» вместе с лунной программой. Вбухают, как у них водится, немерено денег, выкупят огромное количество ученых по всему миру, изобретут несколько прорывных технологий... и, возможно, даже справятся с нуль-т или построят тот же ковчег поколений, как в романе их же писателя Хайнлайна. Ну а потом избавят эту планету от своего присутствия, позволив остальным народам жить так, как им хочется. В то, что США займутся альтруизмом, я не верил ни капли. Скорее всего, они и своих негров в космос не возьмут. Я не исключал, что обделенными окажутся вообще все, от евреев до каких-нибудь эскимосов.

Но удержать серьезное лицо перед Валентином мне удалось. И, кажется, он мне поверил.

— А чего ты раньше молчал? — после продолжительного молчания спросил Валентин.

— Никто не спрашивал, — я пожал плечами, раздумывая, хватит у меня сил на ещё один шампур. — К тому же эти предсказания грядущей гибели планеты мы там слышали регулярно, ни одно не сбылось. Можете у астрономов поинтересоваться — насколько точно можно определить траектории Земли и астероида, чтобы дать сто процентов на столкновение. Вероятность там не нулевая, конечно, — в истории о земле частенько всякие булыжники бились, от одного даже динозавры вымерли. Но и далеко не сто процентов. Газетчикам нравилось, для них страшилки публиковать — хлеб насущный, можно сказать... как же, ученые обнаружили очередной объект, который может погубить жизнь на Земле! Насколько я помню, пара процентов уже считалось высоким показателем — но девяносто восемь были-то за то, что никто никуда не врежется. Но тому астероиду давали двадцать, если я ничего не спутал. Тоже не слишком много, но больше обычного.

— И что, у вас там все кинулись строить эти... как ты их назвал? Ковчег?

— Ну да, разбежались... хотя в Штатах что-то такое пытались изобразить. Но там сложно всё... секретность — как у нас на атомном проекте, если не хуже, зато дымовых завес великое множество. Они тогда сразу объявили, что спасутся не только лишь все, объявили что-то вроде национальной лотереи, выделили квоты своим геям, лесбиянкам, трансам... всех замучаешься перечислять. Неграм, конечно, куда без негров. Года три развлекались...

— А потом? — с любопытством спросил Валентин.

— А потом я сюда попал, — отрезал я. — Может, к лучшему. Смотреть на это шоу было тоскливо. У нас-то точно никто и ничего делать не собирался, хотя какой-то национальный проект вроде сочинили. Но подробностей не помню.

— Постой, я правильно понял, что ты предлагаешь угрожать государственные

миллиарды, чтобы просто обмануть американцев?

— Почему сразу «угрожать»? — деланно обиделся я. — Создайте комитет специальный с полномочиями, сделайте двойное подчинение, но на бумаге. У вас тысячи НИИ и так ничего полезного не делают, пусть ничего не делают по этому направлению. Можно даже им ничего не говорить, оставить информацию на уровне этого нового комитета, чтобы если к ним туда шпион придет, они бы его сами заболтали своими теориями. Если вам не нравится метеорит, то можно про демоническое вторжение завернуть, оно в середине девяностых ожидается, или конец света по календарю майя — оно в 2012-м, — но, боюсь, в это даже вы не поверите.

Тут я все-таки улыбнулся.

— Да ну тебя, — обиделся Валентин. — Вот как с тобой серьезные дела вести? Ладно про этот твой комитет пусть умные головы думают, подам рапорт по команде. А пока пойдем прогуляемся.

Мы прошли через лабиринт построек на заднем дворе, через кособокую калитку, которая могла остановить, пожалуй, только очень пугливого вора, но очевидно была сделана не для защиты имущества. За калиткой начиналась заросшая тропка, которая вела к сосновой роще, занявший небольшой холм метрах в ста от забора. Почти сразу тропка ныряла в скромную лощинку, дно которой, похоже, доставало до воды — идти было неприятно, при каждом шаге грязь чавкала, словно сожалела про то, что не может захватить добычу.

Валентин на чувства грязи внимания не обращал, словно не был одет в почти форменные брюки от костюма; пиджак он оставил у стола, где готовил шашлыки, галстук тоже снял, а у белой рубашки закатал рукава. На рубашке у него уже имелась пара пятен.

Но после лощинки тропка пошла вверх, по мягкому ковру опавшей хвои, и идти стало даже приятно — если бы не торчащие там и тут корни могучих корабельных сосен. Споткнувшись в очередной раз, я чертыхнулся

— Под ноги смотри, — Валентин снова повеселел, — а то нос расшибешь, а скорой тут нет, только фельдшер раз в неделю приезжает. Но не сегодня, по четвергам.

— Великая страна... — проворчал я. — Даже скорой в деревнях нет. И газа тоже...

— А у вас там лучше? — ревниво спросил он.

— Если бы... — махнул я рукой. — С чего? Страна-то одна, в этом отношении ничего не изменилось. Хотя газ в Подмосковье вроде везде дотянули, если возможность была. В такие места точно... тут обычных доярок, думаю, и не осталось. Рублевка, Новая Рига. Блатные места.

— Понятненько... ладно, нам сюда.

Тропка пошла в обход вершины, а Валентин двинулся как раз туда — и вскоре мы оказались у обрыва, с которого открывался отличный вид на широкую реку. Я не был уверен, но это могла быть и Москва-река, она петляла как раз в этих краях. Впрочем, притоков у неё было великое множество, хотя большинство из них были, скорее, небольшими ручейками. Сосны до самого обрыва ещё не добрались, оставив небольшое пространство для того, чтобы на нем могли легко разместиться два крупных человека.

— И что тут? — зачем-то спросил я.

И так было ясно, что долго меня в неведении держать не будут. Но Валентин не стал проявлять недовольство.

— Это высота 1734, сто шестьдесят три метра над уровнем моря. В войну наш взвод тут

неделю сдерживал немцев, которые пытались наступать по той стороне, — он указал рукой на деревеньку, которая находилась на другом, низком берегу. — Так и не дали фашистам пройти... у меня отец тут воевал, ранен был, но вернулся в строй, до Победы дожил... из взвода три человека и уцелели... Жестокое время было.

Мы помолчали. Я просто не знал, что на это говорить — одно дело слышать, что немцы почти до Москвы дошли, а другое — видеть своими глазами тот самый рубеж, до которого они добрались. На Ленинградке стояли ежи напротив бывшей «Икеи», там это было наглядно. А тут... тут просто холм и речка под ним.

— Там, кстати, не простая деревня, — Валентин смотрел не на меня, а на те домишки за рекой. — Сейчас это дачный поселок Совета министров СССР. В этих домах живут сотрудники центральных аппаратов — и совмина, и ЦК. По весне такие батальи в кабинете Михал Сергеича разворачиваются... каждый хочет домик в единоличное пользование, чтобы не делить ни с кем. Но обычно по две-три семьи селят, с удобствами во дворе... и все остаются довольны. Вон тот красный домик видишь?

— Да.

Этот дом находился прямо напротив нашего холма, его и слепой бы разглядел.

— Третьего дня туда заехал секретарь ЦК товарищ Горбачев, тезка Михал Сергеича... Долго он жаловался, что ему тесновато в той даче, что ему выделили раньше, письма писал — мол, как же так, член Политбюро, а вынужден ютиться в какой-то развалюхе... вот и подошла его очередь, тут, конечно, хоромы — по сравнению с тем, что у него было. Думаю, его жена довольна... хотя кто знает — от Москвы тут всё же далековато. Но ей-то ездить не надо, да и внучка на природе будет под присмотром... Там хороший дом, поверь на слово. Два этажа, участок сорок соток, забор, охрана... удобства точно не во дворе.

Я присмотрелся к дому повнимательнее. С этого утеса весь участок был как на ладони — сейчас там никого не было, даже специально упомянутой Валентином охраны.

— А где у него до этого была дача? — спросил я.

— Это важно? — Валентин повернулся ко мне. Я помотал головой: — Вот и хорошо. Всё посмотрел? Пошли обратно.

У меня сложилось ощущение, что меня привезли в эту деревню только затем, чтобы показать новую дачу товарища Горбачева, а все разговоры про шпионские игры были дымовой завесой. Возможно, заодно Валентин хотел ещё и продемонстрировать возможности старика, к которому вот так запросто ходят на поклон члены Политбюро, а он может им и отказать. Впрочем, я не исключал, что мой подполковник решил воспользоваться оказией, чтобы в рабочее время поесть шашлык, но это были только мои домыслы. Но в том, что дачу Горбачева мне показали не просто так, я не сомневался.

После прогулки на утес наши с Валентином посиделки быстро закончились. Остатки шашлыка он завернул в бумагу — обычную, такой пользовались сейчас в магазинах — и перевязал шпагатом. Мне не предложил.

На водку он снова посмотрел с сожалением, но оставил обе бутылки на столе. Овощи тоже не тронул, но ничего не сказал, когда я отрезал себе ещё один кусок хлеба — мне он очень понравился, но идею забрать всё, что осталось от буханки, я по трезвому размышлению забраковал.

На обратном пути мы почти не разговаривали. И лишь остановившись у Сокола, Валентин сказал:

— Егор, про эту поездку никому не говори, — он обеими руками напряженно вцепился в руль и смотрел через ветровое стекло на спешащих по своим делам летних москвичей. — Даже Алле не говори своей... если уж не сможешь придумать, где был сегодня, соври, что я тебя к себе вызвал, чтобы полностью закрыть то дело. Если что, я подтверждаю.

Я сомневался, что Алла будет меня пытаться на тему, где я околачивался почти пять часов — ей вполне хватит, например, истории про то, как я с ребятами выпил пива. Тем более что бутылку этого напитка я собирался оприходовать прямо рядом со станцией метро.

— Она не спросит... а если спросит, скажу, что с одноклассниками пиво пил. Это проще, чем выдумывать, что мы с вами столько времени делали на Лубянке.

— Пусть так, сам смотри, не маленький, — кивнул Валентин. — Тогда вернемся к нашим баранам. У меня в ближайшее время будет слишком много работы, у Михал Сергеича тоже, так что наша общая встреча отложится... думаю, на недельку. И я не смогу сам показать тебе отцовскую «Победу». Вот адрес, это гаражный кооператив «Атмосфера», там легко найти... а это ключ от бокса, потом вернешь. Посмотри на машинку, если понравится, будем говорить о цене.

— А если не понравится? — уточнил я.

— Тогда и договариваться будет не о чем, — отрезал Валентин. — Всё, иди уже, студент. Когда у тебя следующий экзамен? В четверг? Вот и учи свою химию, чтобы старшему поколению за тебя стыдно не было.

То, что Валентин в курсе расписания моих экзаменов, меня несколько не удивило.

[1] Не самое лучшее произведение отечественного сериалостроения, но пусть будет. Называется «Бомба», вышел в 2020 году, в ролях Виктор Добронравов и Евгений Ткачук.

Глава 14. Сними меня нежно

— Ты куда-то ходил?

Алла сидела дома и смотрела телевизор на кухне. Тут ещё не существовало понятий прайма и рейтинговых шоу, поэтому в шесть вечера первая кнопка гнала что-то высокодуховное о природе — я попал как раз на тот момент, когда камера сопровождала какого-то оленеобразного, который галопом нёсся с одного края заросшего высокой травой поля на другой. Скорее всего, это животное убегало от оператора, но, возможно, у него была иная причина так спешить.

Насколько я знал, Аллу изыскания профессора Дроздова не особо привлекали, но от экрана она отвлеклась не очень охотно. Хотя посмотрела с тревогой — что было очень мило.

— Валентин перехватил после экзамена, надо было пару бумаг написать, чтобы окончательно снять все вопросы. Ну и так, поболтали о всяком. Как я и думал — всё из-за этого чертового Родиона и его матери...но слава богу, что всё позади.

Я не был в этом уверен, но должен был излучать оптимизм, чтобы Алла хоть немного перестала волноваться.

— Хорошо... — эхом откликнулась она. — Ты сдал свою историю?

— Она не моя, а КПСС, — наставительно произнес я. — Но сдал, да. Даже не «пятерку», сам не ожидал.

— Почему?

— Билет не самый легкий достался... — объяснил я. — Но я там подлил воды, да и за те два дня хорошо вызубрил как раз эту главу. А ты как? Или я зря сомневаюсь в твоих знаниях по устной и письменной немецкой речи?

Она улыбнулась.

— Зря, конечно. У меня тоже «отлично», — Алла продемонстрировала раскрытую ладонь. — Завтра мне надо на консультацию к следующему экзамену... ты куда-нибудь поедешь?

Я быстро перебрал в уме все свои и не свои хотелки, которых набралось выше крыши.

— Надо бы... консультация по химии у нас будет в среду, но дел действительно накопилось, надо бы начинать разгребать понемногу, — решил я. — С тобой выдвинусь, а там видно будет. Постараюсь пораньше вернуться, буду повторять всю эту дикую химическую номенклатуру, чтобы ей пусто было. Это же не история, на ней препода не заболтаешь...

— Я помню, как нам давали это всё на первом курсе, — сочувственно произнесла она. — Я тогда считала, что это что-то вроде расплаты за возможность учить иностранных.

— У нас это тоже не основные предметы, хотя всякие химии и физики для заборов очень полезны. Но мы это поймем как раз курсе на третьем.

— Это как? — удивилась Алла.

Я мысленно отругал себя — не стоило свои мысленные рассуждения проговаривать вслух. В первой жизни, конечно, всё так и было — где-то к концу третьего курса, когда у нас началась специальность, мы поняли, зачем нам давали в таких объемах и так углубленно школьные вроде бы предметы. Было, конечно, поздно перечитывать старые учебники и поднимать недописанные конспекты, так что дальше мы учились исключительно на везении. У меня сейчас имелась фора перед сокурсниками — я знал, на что делать упор, что

нужно стараться запомнить, а что можно пропустить. Помнил я, разумеется, далеко не всё, но флэшбэки из прошлого посещали меня достаточно часто, и я надеялся, что так будет и дальше. Но объяснять всего этого Алле не стоило.

— Старшекурсники рассказывали, — вывернулся я. — Многим из тех, кто добрался до специалитета, пришлось чуть ли не заново изучать все эти импульсы и валентности щелочных металлов, которые мы проходим сейчас. Иначе фиг поймешь, что там внутри этих заборов творится. Ты, кстати, ела? Или меня ждала?

Сам я был сыт, насколько может быть сыт студент-первокурсник, буквально только что проглотивший три шампура неплохих шашлыков. Но я был обязан побеспокоиться о своей невесте.

От серьезного ужина Алла отказалась, но на французские тосты и турецкий кофе по рецепту Дёмы меня раскрутила. И уже в самом конце, отхлебывая ароматный напиток, она как бы между прочим заметила:

— К нам сегодня та девушка приходила... — я недоуменно посмотрел на неё: — Ну та, которая с нами фильм про Конана смотрела... на которую ты... которая на меня похожа, — вывернулась Алла.

Впрочем, я сразу понял, какую девушку она имеет в виду. И понял, что знаю Аллу недостаточно хорошо. Теперь я мог с высокой долей уверенности предположить, что мои давешние объяснения и оправдания ничего не дали. И всё это время — особенно в те дни, что она провела за решеткой, — Алла холила и лелеяла свою ревность к той, кого считала соперницей. Видимо, даже наш первый секс и предложение сыграть свадьбу несколько её не успокоили — хотя, возможно, именно благодаря им она и нашла в себе силы начать этот разговор.

— А, ну хорошо, — сказал я и уставился на телевизор, который показывал красоты дикой сибирской природы.

Повисло очень неловкое молчание.

— Тебе она совсем не нравится? — Алла всё-таки отличалась настойчивостью.

Мне не нравилось только то, что она про это спрашивает.

— Ал, в каком смысле «совсем не нравится»? — я попытался скопировать интонации Валентина и, кажется, преуспел, поскольку Алла немного спала с лица. — Как человека я её не знаю и вряд ли когда узнаю. Как... не знаю... женщину — узнавать не хочу. Если ты думаешь, что я буду бегать по Москве, разыскивая её адрес, ты глубоко ошибаешься. И честно говоря, мне очень обидно, что ты мне не доверяешь.

Я состроил лицо оскорбленного аристократа, взял из миски «Мишку», аккуратно снял с конфеты фантик, сожрал её — и снова уставился на дремучую тайгу.

Столько отборного вранья я не выдавал, кажется, ни разу за обе свои жизни. Впрочем, я и в эту тираду сумел втиснуть немного самой настоящей правды — мне совершенно не требовалось бегать по Москве, чтобы узнать, где эта девушка обитает. Да и знал я её достаточно неплохо — и как человека, и как женщину, причем с самых разных сторон и в разные периоды её и моей жизни. Но в одном я точно душой не покривил — повторять тот опыт меня сейчас совершенно не тянуло. Алла мне нравилась, хотя я иногда думал над тем, как ускорить процесс её взросления. По моему мнению, она слегка подзадержалась в девушках, и ей пора было становиться женщиной — не той, конечно, которая с конем и

горящей избой, а той, которая про домашний очаг и семью. Я был уверен, что с этой ролью Алла справится очень хорошо — ну а я ей в меру сил помогу.

Я не знаю, что больше подействовало на Аллу — моя физиономия или моя же пламенная речь, — но она нашла в себе силы виновато шмыгнуть носом.

— Егор, извини... я не хотела, — пробормотала она, пересела на соседнюю табуретку и погладила меня по плечу.

Я с готовностью ответил на это проявление нежности. С пару минут мы сидели обнявшись, а я дополнительно поглаживал девушку по голове.

— Ерунда это всё, котенок, — тихо сказал я, втайне ожидая протестующего писка — но она сейчас была похожа, скорее, на мышку под веником. — У тебя была слишком сложная жизнь, а ты слишком впечатлительная. Но с возрастом это, как правило, проходит без остатка... начинаешь на многие вещи смотреть проще и не выдумать лишние сущности. Так что скоро ты про эту девицу и вспоминать забудешь... а она, например, выскочит замуж, родит ребенка и будет пилить мужа.

— Почему обязательно пилить? — Алла посмотрела на меня снизу вверх.

— Может, и не пилить, а любить, я понятия не имею, как у них там всё сложится, просто размышляю, — вывернулся я. — В любом случае — вряд ли её будет много в нашей с тобой жизни. Хотя... а зачем она к вам приезжала?

— К Снежане, — объяснила Алла, — она с подружками была... ну, теми, с которыми на фильм приходила. Они куда-то собирались... не знаю, куда.

Где-то глубоко внутри у меня шевельнулся легкий интерес.

— А ты же со Снежаной на разных факультетах учишься? — я наморщил лоб. — Да, ты говорила, она художник...

— Да встретились у входа, поздоровались, немного поговорили, — сказала Алла. — Она про впечатления от фильма спрашивала... ещё про то, повесили мы её картины. Я пообещала сфотографировать как-нибудь... мне нравится, что получилось.

— А у тебя есть фотоаппарат?

Ничего подобного я в квартире не видел, но, возможно, в тайном отделении стенки лежал наготове какой-нибудь мощный «Зенит» или простенькая «Смена» — вместе с набором юного фотолюбителя и запасом реактивов. Я это увлечения в детстве каким-то образом избежал, но один одноклассник увлекался — и как-то попросил помочь с печатью снимков. Впрочем, прелести манипуляций в освещенной красным фонарем ванной комнате остались для меня загадкой, но какое-то волшебство в этом процессе присутствовало.

— Нет... у Ирки был, попрошу на время, — легкомысленно отмахнулась Алла.

Я слегка напрягся. Ирка была одним из моих несделанных дел, и я собирался озадачиться им завтра — если не придумаю что-то более интересное. В принципе, моя злость на эту кобылу слегка поутихла, но, наверное, имело смысл расставить все точки над «ё» и в этом случае.

— Фотографии ещё надо где-то напечатать... — с сомнением сказал я.

Я был уверен, что сейчас фотографы всё делали сами, а всякие студии, куда можно было сдать пленку и получить готовые фото, расплодились только в далеком будущем, где-то в конце двадцатого века. Но оказалось, что я снова то ли забыл, то ли не знал про существование подобных услуг в этом времени. Но Алла меня просветила.

Одна из фотосудий, которая оказывала нужные услуги, располагалась рядом с нами — на другой стороне Проспекта мира, если смотреть с нашей стороны, прямо напротив

метро, — и занимала солидный кусок первого этажа кирпичного семиэтажного дома. Услуга проявки и печати была недешевой, но зато позволяла не заводить у себя в ванной целый набор юного химика и ещё более юного физика. Впрочем, я подозревал, что она была не очень востребованной — как и звукозапись, которая была по карману только таким нуворишам, как я. Алла рассказала, что они последний раз пользовались этой «Фотостудией № 14» ещё при жизни мамы. Для поездки на юг они взяли в прокате потрепанный жизнью «ФЭД», а потом заплатили за проявку и печать — сколько точно, Алла не знала. Но собиралась воспользоваться этой услугой снова.

— Они и цветные печатают, но ещё дороже...

— А стоит ли так стараться ради удовлетворения любопытства этой Снежаны? — спросил я. — Пусть приедет и полюбуется.

— Ну... я не только картины хочу фотографировать... — вдруг засмушалась Алла. — Ты говорил, что мы поедem на то горное озеро... вот там, думаю, сделать много снимков. Всё равно мы со Снежаной теперь до сентября вряд ли пересечем.

Не стесняясь, я стукнул себе по лбу.

— Котенок, а чего ты молча-то всё? — спросил я. — Сказала бы... Я недавно видел на Соколе хороший магазин фототехники, что-то редкое там надо ловить, но обычную зеркалку, кажется, можно взять без проблем. Они и стоят не слишком дорого, а...

Мне пришлось с усилием оборвать себя. Алла ещё не была готова к знанию того, что в далеком будущем советские зеркальные фотоаппараты ценились очень высоко.

— Что? — она встревоженно посмотрела на меня.

— Не, всё нормально. Я просто никогда про фотографии не думал... Можем, кстати, сходить в эту вашу фотостудию в какой-нибудь из вечеров, сделаем совместный портрет. Папе твоему отправим.

— О, точно! У них там всякие фоны есть художественные, можно выбрать, — оживилась Алла. — Давай завтра, если не слишком поздно вернемся?!

— Можно и завтра... — с сомнением ответил я. — Только мы с тобой уже пробовали с моими джинсами загадывать, но ни разу эту загадку не отгадали. И если бы ты удачно не наткнулась на них, я бы так и ходил в своем рванье...

— Скажешь тоже — в рванье, — Алла недовольно поморщилась. — Вполне приличные брюки были, их только постирать надо было. Не знаю, чего ты их выкинул.

От своих девятирублевых брюк я избавился сразу же после того, как стал гордым обладателем тверских джинсов. Алла уговаривала меня оставить их «на всякий случай», но я отказался наотрез — этот гипотетический «случай» почему-то был у меня чуть ли не главным признаком совка в его худшем проявлении. В России Светлого Будущего подобные привычки оборачивались лишь удлинением пути изношенной вещи на свалки истории — их сначала убирали в дальний ящик, а потом отвозили на дачи. И лишь после этого заслуженные тряпки обретали покой.

У меня с дачами было туго, места же в квартирах всегда не хватало, так что от привычки трепетно хранить те вещи, которые я не носил с определенной регулярностью, я избавился очень быстро. Тут, конечно, имелась дача, на которой сейчас жила Елизавета Петровна, так что, возможно, те штаны стоило и оставить — на случай сельскохозяйственных работ они, в принципе, годились. Но можно было использовать и старые треники — всё равно на следующий курс надо было покупать новые. В общем, у меня не было чувства, что я

совершил непоправимую ошибку.

Да и вообще я пока не знал, что делать с вещами. В этом времени люди бережно сохраняли всё — потому что всего было немного, оно ценилось выше, чем в моём будущем. У меня были другие привычки, хотя какие-то рудименты, оставшиеся с молодости, сохранялись — но их было немного, а отсутствие пиетета перед теми же шмотками совершенно не вписывалось в мир 1984 года. Я бы и из квартиры Аллы многое повыкидывал, если бы мне дали волю, но про подобное я даже спрашивать опасался — признают сумасшедшим и сдадут в дурдом. Канатчикова дача сейчас находится на пике своего могущества.

Правда, иногда меня посещали странные мысли. Во время разговора про фотоаппараты я успел придумать хитрую схему вложения в будущее — нужно было на всё имеющееся бабло закупить «Зенитов» и «Зорких», а в далеком будущем, когда они снова войдут в моду, продать их с большим плюсом. Остановила меня простая мысль — моих сбережений должно хватить шпук на пятнадцать фотиков, которые следующие сорок лет придется где-то хранить, регулярно протирать от пыли и обращаться с этим добром очень бережно. В первой моей жизни эта коллекция закончилась бы где-то к концу девяностых, если не раньше. Что будет на этот раз, я не знал, а в условиях неведения заводить огромную коробку с хрупкими предметами было не очень разумно.

Впрочем, купить один фотоаппарат стоило — чтобы у Аллы не было лишнего повода навещать к своей Ирке. Ну и так, из соображений сохранения моментов жизни — раньше я об этом не думал, а потому весь мой фотоархив обычно умещался в памяти моего действующего смартфона. Когда переезжать с модели на модель стало попроще, количество фоток увеличилось, но всё равно среди них не было ни одной из молодости. Даже из жизни со второй женой ничего не осталось — после развода она, кажется, уничтожила и свадебные снимки. Но в них, конечно, никакой ценности не было изначально.

— Так, Ал... мы подумали, и я решил — при первой okazji выберемся в эту фотостудию, а я постараюсь добраться до магазина с фототехникой и выберу там что-нибудь хорошее... Я что-то совсем об этом не думал... надо было вместо магнитофона фотик купить, — сказал я.

— Дима говорил, что «Зоркие» хорошие, — неуверенно сказала Алла. — На них лучшие снимки получаются... чего ты улыбаешься?

Вопрос прозвучал с обидой, но я ничего не мог с собой поделать. Спор фанатов «Кэнона» и «Никона» в моё время был одним из главных тем для интернет-срачей. В советских реалиях его тоже можно было представить, поскольку все заводы СССР, насколько я помнил, делали свои модели, опираясь на оборудование разных западных производителей. Но обычные потребители отличить одно от другого не смогли бы даже под пытками, и фактически выбирали себе фотоаппараты вот по таким советам знакомых, которые, кстати, могли совершенно не знать каких-то мелочей. Впрочем, мнению Врубеля, наверное, доверять было можно, хотя для моих задач подошла бы и «Смена 8М», которая стоила в разы дешевле и в те же разы была проще в эксплуатации. Но мне действительно хотелось чего-то продвинутого — и «Зоркий» в этом отношении был ничем не хуже «Зенита». Правда, скорее всего, я куплю то, что будет в наличии в магазине в тот момент, когда я приду. Социалистическая торговля очень редко баловала покупателей большим разнообразием ассортимента.

— Ну раз Дима говорит... — я постарался, чтобы в моем голосе не было слышно сарказма. — Мне-то всё равно, я на что угодно готов. Но тебе придется учиться пользоваться этой техникой.

— Почему мне? — удивилась Алла.

— Потому что я очень фотогеничный и готов стать моделью на всех наших снимках. А ты будешь профессиональным фотографом. Потренируешься на мне и будешь всяких кинозвезд снимать. Как тебе такое?

— Каких кинозвезд? — Алла нахмурилась. — Мне три года надо будет в школе отработать по распределению!

Возможно. А, возможно, и нет. Если у Валентина и Михаила Сергеевича ничего не получится.

— Одно другому не мешает, — заверил я её. — Организуем семейный подряд — я буду бумагами заниматься и договоры заключать, а ты на кнопки нажимать. В свободное от обучения юных оболтусов время.

Мне показалось, что Алла всерьез задумалась над этой перспективой.

Мне эта идея тоже понравилась. Хотя я точно знал, что стать крутым и модным фотографом очень непросто — нравы в артистической среде всегда были своеобразными, и вряд ли советское время как-то отличалось от капитализма в этом отношении.

Глава 15. Жертва обстоятельств

Перед самой общагой я остановился с ощущением, что мой план отдает натуральным дебилизмом. Я планировал сразу несколько визитов — мне надо было узнать, как дела у Жасыма и Дёмы, поскольку обоим не было на экзамене по истории, а Савельева со мной на посторонние темы не разговаривала; потом я хотел заскочить к Ирке, и мне надо было попасть к Стасику. Правда, сейчас я сомневался, что кто-то из этих персон окажется в общаге.

Сейчас был полдень — у Аллы как раз начиналась её консультация, которая займет примерно часа два. И все эти Стасики вместе с Ирками и Казахами тоже могли быть где угодно — сдавать экзамены или зачеты, сидеть на тех же консультациях... В общем, я проклял самого себя, что вчера не додумался погулять по деканатам и выяснить расписание, а также позвонить в общагу и попросить передать сообщение Жасыму.

Я был уверен, что Казах звонил мне в субботу с утра, как мы и договаривались, но пообщался только с длинными гудками, поскольку мы с Аллой оказались немного заняты. Что он подумал, когда ему никто не ответил? Бог весть — у Жасыма был особенный внутренний мир, хотя и не слишком обидчивый. К тому же мне нельзя было рассказывать ему про свою экскурсию в мемориальную лубянскую камеру, а толковое объяснение, чем я занимался в то время, когда у нас был намечен созвон, отсутствовало как класс. Скорее всего, мне придется соврать что-нибудь про бабушку, которая мобилизовала нас на окучивание картошки или прополку клубники, но тут можно было серьезно вляпаться в неприятные уточнения, зачем этим заниматься в начале июня. Впрочем, клубнику, кажется, пропалывают как раз в это время года.

Но по деканатам я не побегал, ничего не узнал, и уже почти добравшись до цели, мог оказаться у запертых дверей. Но я решил довести это дело до конца. Заодно по дороге заглянул в магазин и купил пару бутылок молока и пару батонов — этого хватит, чтобы подкормить голодных ребят. Ирке я ничего не купил — и именно с неё решил начать день визитов.

— Кто там?

Сонный голос Ирки, которым она откликнулась на мой стук в её дверь, мог что-то означать, но вообще-то в общагах ночь длилась до какого угодно времени. Когда студент просыпался, тогда у него и начиналось утро.

— Егор, друг Аллы, — сказал я и добавил: — Мы к тебе приходили недавно.

Это было давненько, с тех пор я успел немного повоевать и окончательно влезть в историю этого времени своими ручонками, но Ирка должна была меня помнить. В конце концов, именно она сдавала меня банде Родиона.

— Да, точно... сейчас...

Она открыла дверь минут через пять, но я терпеливо ждал — всё же Ирка была относительно молодой девушкой, и даже в общагах имелись определенные условности, в каком виде допустимо принимать тех или иных гостей. Ради меня она краситься не стала, но одела вполне приличный халатик и причесалась.

— Егор, привет! Ты один? — она зыркнула за мою спину — возможно, рассчитывала увидеть там Аллу.

— Один, у неё сегодня консультация, она в свою шарагу поехала. А я тут по делам был — вот и решил заглянуть, привет передать...

— Да? Спасибо! — притворно удивилась Ирка. — Зайдешь?

Тон её голоса стал чуть более блядским.

— Зайду, конечно, зря что ли шёл? — я улыбнулся, и она расцвела ещё немного, даже отставила одну ногу и призывно изогнула талию.

Всё же Ирке надо было что-то делать с привычкой отбивать парней у лучшей подруги.

Я прошел внутрь небольшой комнатки, устроился на стуле у стола, увидел лишь одну кровать и вспомнил, что хотел спросить ещё в прошлый раз, но отвлекся на херес.

— Ир, а ты одна живешь? Как от соседки избавилась?

— Она ещё на первом курсе подцепила одного парня и к нему в комнату переехала. Но прописана тут, я только кровать разобрала, у соседей в трешке лежит — вдруг вернуться решит, — объяснила она. — Чай будешь? Я ещё не завтракала...

— Нет, не хочется, спасибо. Я дома поел, — я сделал акцент на слове «дом», чтобы она чуточку поумерила аппетиты.

— А, понятно, — она действительно слегка потухла, но чайник всё же поставила. — А в общагу зачем?

— Я же тоже тут прописан, надо проверять, как идут дела на моей кровати, — сказал я. — Ну и парней проведать, они, кажется, с зачетами провалились, вдруг смогу их утешить.

— Понятно... — повторилась она. — И заодно решил передать привет подружке своей... хм... девушки?

— Невесты, — скрывать этот факт было бессмысленно, Алла всё равно его разболтает при встрече.

— Вот как... — её голос предательски дрогнул. — И когда свадьба?

— В неопределенном будущем, — улыбнулся я. — Только я тебе ничего не говорил — ни про невесту, ни про свадьбу, иначе меня прикончат. Так что когда Алла будет хвалиться, делай удивленные глаза и восхищенно ахай.

Она рассмеялась.

— Хорошо, договорились. Так чем тогда обязана?

— Да есть одно дело, про которое лучше без Аллы говорить, — я не собирался тянуть кота за хвост. — Боб и его ребята... Родион, Михаил... с четвертым ты, кажется, не пересекалась. Расскажи, как ты с ними познакомилась.

Ирка явно не ожидала этого, она заметно дернулась, словно пытаясь сбежать, но собралась и ответила почти нейтрально.

— Давно дело было... стоит ли ворошить?

— Пара недель — это не очень давно, — жестко ответил я. — Впрочем, теперь всё действительно в прошлом. Боб в армии, Родиона посадят в тюрьму, а что будет с остальными — плевать. Как Боб дембельнется, наверное, придется и с ним что-то делать, но, думаю, я справлюсь. Так что рассказывай, не бойся. Я почти всё знаю, мне твоей версии не хватает для полного счастья.

Ломаться Ирка не стала и выдала, кажется, всё, что знала и помнила. Впрочем, этого «всего» набралось не слишком много. По её словам, они с Аллой просто разговорились на каком-то сейшене, но ни одна из них продолжать это случайное знакомство не собиралась. Но спустя пару дней её отловил Боб, который в ультимативной форме сообщил, что и как

она будет делать, если не хочет неприятностей. Ирка особо не сопротивлялась — она тогда была на втором курсе, на тот концерт попала случайно и на повторение не надеялась, а постоянный доступ к модным вечеринкам и заграничным шмоткам поднимал её акции среди общагской публики почти до небес. Ну а то, что взамен надо было стучать на какую-то там девку — она считала это приемлемой платой за получаемые блага.

В реальности всё оказалось не слишком прикольно, но я подозревал, что в этом была виновата сама Ирка, которой не хватило мозгов проверить более выгодную комбинацию. Но кое-что ей перепадало, к тому же она обзавелась хорошей подругой — для меня стало открытием, что Ирка ценила Аллу и почти ей не завидовала. Впрочем, нет смысла завидовать человеку, за которым в буквальном смысле охотится банда подонков. Но и Ирка жила в страхе, что когда-то ошибется, сделает что-то не так — и её, как обещал Боб, изнасилуют в особо извращенной форме. Боли она боялась больше всего.

Во время этого рассказа моя злость на Ирку как-то незаметно испарилась. Она тоже попала как кур в ошип, не имея возможности или воли сопротивляться давлению той милой компании. Но ожидать от неё борьбы со злом, наверное, и не стоило — раз уж те парни, которые знакомились с Аллой, сбегали после единичных угроз от Боба или Родиона, то этой девице сам бог велел плыть по течению. В общем, виновата в сложившейся ситуации была только та сторона, все остальные, похоже, оказались жертвами.

Но оставался один момент, который мне надо было обговорить.

— Ир, вы с Аллой можете дружить и дальше, я ей ни слова не скажу о том, что ты делала, так что с моей стороны подянки можешь не ждать, — пообещал я. — Сейчас те ребята тебя беспокоить не будут... шмоток, думаю, тоже не будет, но ты, надеюсь, переживешь... да?

— Переживу, конечно, — она шмыгнула носом. — А потом что?

— Ну... есть очень большой шанс, что Боб, вернувшись из армии, начнет искать виноватых в том, что его великий план не сработал. Своих приятелей — из тех, что остались на свободе — он вряд ли будет трогать, а вот мы с тобой... и Алла ещё... за себя я почти уверен — справлюсь. А вот за вас у меня такой уверенности нет. Он осенью вроде вернется, но точной даты нет.

Кажется, Ирку проняло.

— И... и что делать?

— Можно пока ничего, — я пожал плечами. — Настанет осень, тогда и думать будем. Или можешь куда-нибудь перевестись... если они знают, где ты живешь. Знают же? — она кивнула. — Ну вот. Хотя бы на другой факультет, чтобы в тот же «крест» переехать, а там пусть ищут, если им наши бабушки на вахте позволят. Или вообще в другой институт, если у тебя нет особых чувств к нашим заборам.

— Там курс терять, скорее всего, — с сомнением сказала Ирка.

— Я ты куда-то торопишься? — улыбнулся я. — Или тебе на родину надо возвращаться? Ты откуда родом?

— Из Новокузнецка... нет, не хочу туда.

Я и так знал, что она хочет остаться в Москве, но не каждой девочке удастся это сделать.

— Ну вот, сама ответила. Получишь ещё год на обустройство в столице... или... — я задумался, но решил, что хуже уже не будет. — Или забей на своих москвичей, они тебя замуж никогда не возьмут, а если возьмут, то лучше бы не брали. Хватай любого парня из

нашей общаги, женитесь, детей заводите. Уж поверь, потом у вас всё будет в шоколаде.

— С чего бы? — с подозрением спросила она. — Мне тот мальчик такие слова говорил, что прямо...

— Слова, он, наверное, знает, но вспомни, что на дачу тебя не пригласили, — напомнил я. — А всё потому, что у московских мальчиков обязательно есть московские мамы. И им девушка из провинции в качестве снохи нахрен не упала. Шансы есть, но искать придется долго. А любой провинциал, который сумел поступить в московский вуз, в разы самостоятельнее любого москвича. Вот тебе и будет крепкое мужское плечо, которое ты так ищешь.

— А у тебя не крепкое мужское плечо? — она чуточку успокоилась и снова стала способна на заигрывания.

— Крепкое, — кивнул я. — Но мне уже есть, кому его подставить. Кстати, про плечи. А что случилось с Аллой в ту ночь, после которой я обнаружил её на кухне нашего этажа в маловменяемом состоянии?

От Ирки я ушел с чувством выполненного долга. Про ту ночь она не рассказала почти ничего — выпили, потом выпили ещё, потом пришли знакомые, с которыми тоже выпили. В какой-то момент она отрубилась, а когда проснулась, Аллы в комнате не обнаружила, зато обнаружила её вещи — та зачем-то переделась в один из Иркиных нарядов и пропала. Поиски на этаже ничего не дали, никто из соседей девушку в синем халатике не видел, что немудрено — к тому времени Алла мирно дрыхла у нас в комнате, избавившись от избытка принятых за ночь отравляющих веществ. В общем, заговора по её устранению не было, была простая неумеренность и злоупотребление алкогольными напитками разной крепости.

Конечно, это не отменяет пункт «оставления в опасности», но я сомневался, что какой-либо суд сочтет вину Ирки доказанной — она и сама могла не пережить знакомства с таким количеством водки и вина, хотя и была чуть старше Аллы. По моему скромному мнению, женщинам вообще не стоит пить — и уж тем более не стоит напиваться.

А вот со своими соседями я промахнулся — в нашей комнате никого не было. Татары тоже где-то гуляли, так что я просто посидел немного на своей кровати, пытаюсь понять, какие чувства она у меня вызывает, понял, что никакой ностальгией тут и не пахнет, оставил в холодильнике бутылку молока и батон — и покинул эту грустное место.

Мне ещё нужен был Стас.

С этим любителем всего взрывоопасного я хотел повернуть операцию по возвращению его с небес на землю. Вернее, хотел наставить его на путь праведный, поскольку его судьба была мне небезразлична — в отличие, например, от судьбы Дёмы и, в какой-то мере, от судьбы Казаха. У Жасыма, как я знал точно, на плечах имелась собственная голова, которой он неплохо соображал, и учить его полезным с моей точки зрения навыкам — только портить. Собственно, даже к пока не начатому бизнесу на декодерах я привлекал его исключительно по старой памяти — тот же Стас мог справиться с этим гораздо лучше, поскольку общение с взрывчаткой научило его кропотливости и терпению, которые так необходимы при качественном паянии.

С другой стороны, я мог бы убедить Казаха не уезжать в независимый Казахстан, но до этого ещё много лет, даже если события пойдут по тому пути, что и в моей первой жизни. А вот Стасу в буквальном смысле оставалось немного — уже на втором курсе как-то повлиять

на его увлечение пиротехникой не получится, но пока что есть шанс занять его чем-нибудь более безопасным с точки зрения общества.

Вот только Стаса тоже в общаге не оказалось.

— Он в больницу попал, — просветил меня его сосед. — Подрался с кем-то, его хорошо так приложили.

— А с кем? — удивился я.

Я был уверен, что про такое событие Стас обязательно мне сказал бы, но в первой жизни я ничего про больничные приключения от него не слышал. У меня появилось нехорошее предчувствие, что в этом как-то виновато моё вмешательство в исторические события — не в те, конечно, которые определяют судьбы государств и народов, а в те, которые касаются отдельных граждан.

Номер больницы сосед знал, но вот точными знаниями о самом происшествии — нет. К нему приходил участковый, который весьма формально провел стандартный опрос — его интересовало, были ли у Стаса конфликты с кем-либо. Но он удовлетворился отрицательными ответами, которые его, очевидно, устраивали, позволяя списать драку как разборки на почве внезапно возникшей неприязни. У следователей, правда, появится ещё один «висяк», но если и Стас не признается, кто его избил, то дело отправят в долгий ящик, а потом вообще закроют за отсутствием подозреваемых и истечением какого-нибудь срока давности.

Время у меня ещё было, поэтому я отправился в районную больницу — благо до неё ходил трамвай, который появлялся на остановках гораздо чаще любого автобуса.

Но к Стасу пришлось пробиваться с боем, поскольку врачи в приемном отделении стояли насмерть — мол, не положено неизвестно кому. Их не смущало и то, что ближайшие родственники больного жили в нескольких часах лёта, и то, что пока никто не озаботился помощью несчастному. Но в какой-то момент мне удалось выйти на старшую медсестру, которая оказалась более чуткой, чем её коллеги, и я, накинув на плечи белый халат, оказался в нужной палате.

Стас уже оклемался и чувствовал себя относительно неплохо, только страдал от скуки и от осознания того, что проёбывает сессию. Конечно, у него ещё был шанс уложиться в отведенные сроки — если деканат и преподаватели пойдут ему навстречу и согласятся, что полученные травмы тянут на допуск к дополнительным дням приема экзаменов. В принципе, ничего невозможного в этом не было — у нас на факультете подобное практиковалось, но я не знал, как обстоят дела там, где учился Стас. Но ничто не мешало мне зайти к ним, сообщить о проблеме и показать нужные справки, пока он сам прохлаждается на больничной койке.

— Кто это тебя? — задал я вопрос, который волновал меня сильнее всего — после, разумеется, состояния его здоровья. — Кто-то из тех?

Он едва заметно кивнул.

— Они... мелкий и второй высокий, не тот, в которого я самопал разрядил, — сказал он очень тихо, чтобы не слышали соседи по палате. — Ничего не говорили, ничего не спрашивали, сразу в глаз дали, потом повалили и ногами... суки.

Чего-то подобного я опасался, но успокоился, когда узнал, что имени Стаса или его описания нет в заявлениях той троицы. Похоже, я тогда зря расслабился — Валентин наверняка говорил с теми ребятами о том, что неприкосновенными являются только я и

Алла, но про ещё одного участника конфликта он и не знал. А вот они знали и, похоже, сознательно не стали впутывать Стаса в разбирательства на уровне закона — чтобы иметь возможность выместить злость, если мне удастся вывернуться.

Я вздохнул. Мои действия в прошлом всё ещё отличала некоторая хаотичность, и последствия прошлых поступков приходилось купировать буквально на ходу.

— Понял, придется с ними разобраться окончательно, — пообещал я. — Я ещё возьму справку о твоём здоровье и оттащу в твой деканат, сдашь экзамены, как сможешь. Или в августе... только приехать придется пораньше с каникул...

— Это понятно, — грустно кивнул Стас. — Сволочи, как не вовремя...

Что любопытно — на меня он совершенно не обижался и не считал, что я являюсь виновником той ситуации, в которую он попал. Правда, мне хватало и собственного осознания своей вины — в конце концов, я мог бы рассказать Валентину чуть больше, чем рассказал, и тогда Стасу тоже ничего бы не угрожало. Но в тот момент на меня навалилось слишком много всего, и я просто упустил это обстоятельство. Но теперь я был готов сделать для Стаса всё, что было в моих силах. Кроме того, я всерьез обдумал мысль привлечь ещё и Валентина, но потом я решил, что ему не по чину будет заниматься пацанскими драками, пусть они и имели отношение к делам его ведомства.

В результате к намеченным мною на сегодня визитам добавилось ещё и посещение деканата того факультета, где учился Стас, но там всё прошло на удивление мирно и продуктивно — люди быстро вникли в ситуацию и пообещали, что проблем у студента со сдачей в дополнительные дни не будет. Заодно я выяснил, что Стас тут пока что находится на хорошем счету — учился он нормально, что, впрочем, новостью для меня не было, а нахулиганить пока не успел, хотя своими не вполне законными делами занимался достаточно активно. Впрочем, за рамки он действительно вышел лишь к концу второго курса, а пока что соблюдал определенные правила.

Ну и после всех этих разборок я завернул в почти свой гараж, с тоской посмотрел на разобранный мопед, а потом выкопал прикопанные у забора бомбочки с химическим запалом — их можно было переделать в обычные, с охотничьими спичками. Конечно, это было весьма трудоемко, но и использовать в существующем виде я их не собирался.

А использовать, похоже, мне их придется.

Глава 16. Тяга к разрушениям

Всё моё естество требовало немедленных действий. Мне хотелось сразу же переделать световухи, зарядить убойный самопал — и нанести визит вежливости сначала одному, а потом и второму уроду из компании Боба. Поговорить с ними по-мужски, чтобы они оказались в такой же палате, в которой лежал Стас — тут я даже был готов на то, что их положат в другие районные больницы. И сделать так, чтобы они ещё долго ссались при одном воспоминании обо мне — мстителе в маске, который появляется неизвестно откуда и уходит неизвестно куда.

С месяц назад я так бы и поступил — например, не стал бы с Лёхой разговоры разговаривать, а сразу же привел в действие привязанную к его ладоням световуху. А потом... потом бы я долго расхлебывал последствиях своих действий, которые очень точно описывались в той самой сто восьмой статье уголовного кодекса, чего я всеми силами пытался избежать в предыдущий раз.

Впрочем, тогда, месяц назад, я что-то подобное и провернул. Импульсивно, бездумно, не дав себе труда представить, к чему приведут мои поступки. Мне дико повезло, что в деле были замешаны интересы всяких советских спецслужб, а сотрудникам этих спецслужб хватило благородства прикрыть от неизбежного уголовного дела одного заблудшего попаданца. Если же я второй раз пойду по этому пути, то, боюсь, никакой Валентин за меня впрягаться не будет — разве что чуточку облегчит режим содержания под стражей на то время, пока я буду ему рассказывать про будущее. Но я уже убедился, что надолго меня не хватит — два-три свидания и всё, возвращайся, Егор, в камеру и веди себя примерно, чтобы заслужить условно-досрочное.

Поэтому я оставил откопанные бомбочки в гараже — прямо в красном мальборовском пакете, помолился, чтобы химия от Стасика не сработала в самый неподходящий момент, и отправился домой, развлекать Аллу. А по дороге сделал крюк до станции метро, в большом универмаге обнаружил небольшой отдел с фотоаппаратами — и купил нам очень дорогой, но стильный «Зенит-ТТЛ». Стоило это чудо советской техники больше двухсот рублей, но я посчитал, что мы от этого не слишком обеднеем. К тому же его очень расхваливала продавщица. Правда, она же сказала, что больше спрашивают другую красногорскую модель, «Зенит-Е», который был чуть ли не вдвое дешевле — видимо, поэтому его в наличии не имелось.

С «Зоркими», кстати, Дима промахнулся — их уже не выпускали.

Потом я позволил Алле вдоволь наиграться с моим приобретением и даже сделать несколько пробных кадров, а потом всё-таки утащил её обратно к метро — в то самое роскошное ателье, где нас с ней сняли в нескольких позах и пообещали напечатать снимки уже к концу недели. Взяли по-божески — всего двадцатку; я ожидал, что будет много дороже, учитывая, сколько на нас убил времени почтенный фотограф с бородой, а также мои запросы — я захотел крупный формат и обязательно в цвете.

И уже поздним вечером, обдумав свой план мести со всех сторон и учтя почти все подводные камни, я вспомнил, что за мной всё ещё «приглядывают» ребята из ведомства Валентина. И понуро отправился искать его номер телефона.

Мои слова про «нетелефонный разговор» Валентин, кажется, воспринял с изрядным

скепсисом, но пообещал, что скоро приедет. Договориться с Аллой оказалось сложнее — она искренне не понимала, почему я обязательно должен общаться с нашим общим знакомым на улице. Пришлось снова влезать в паутину лжи, так как мне очень не нравилась идея, что она будет в курсе опасности, которую представляют друзья её Боба. Я был уверен, что это именно те знания, от которых только печаль; к тому же я был уверен, что Валентин разрулит эту ситуацию так, что про этих друзей мы долго не вспомним.

— Это не моя тайна... — объяснил я. — Один приятель попал в неприятности... как раз связанные с тем ведомством, где служит Валентин... мы там с тобой гостили недавно. Так что я просто попрошу его вернуть мне долг, который у него образовался после нашего заточения за решеткой. Пусть никакого заточения официально не было, но два дня мы взаперти просидели, понятия не имея о своей дальнейшей судьбе. А это дорогого стоит. Твой долг, кстати, никуда не денется, можешь его потом обменять на что-нибудь ценное.

Я улыбнулся, давая понять, что это своего рода игра — кто лучше разведет подполковника гэбэ на услуги. Правда, я не был уверен, что Валентин согласится играть по нашим правилам, но надеялся, что он достаточно деликатен, чтобы подыграть Алле. И ещё я считал, что Алла точно не потребует чего-то запредельного — в некоторых делах она была очень приземленным человеком.

— Хорошо... — с легким сомнением ответила она. — Я поняла... Иди... ты же не надолго?

— Минут пятнадцать, надеюсь.

— Ты очень вовремя со своим нетелефонным разговором, — проворчал Валентин. — Я уж и не знал, как сбежать от наших генералов, у которых очередная грандиозная идея созрела...

Я ждал его на улице, и когда он подъехал на обычной «двадцать четвертой», забрался на пассажирское сидение.

— Вы им сказали, что едете на встречу с человеком, который знает, что будет в следующие сорок лет?

— Почти, — улыбнулся он. — Просто встреча с агентом, подробности никогда не спрашивают. Не положено. Но потом могут потребовать отчет. Так что случилось? Я из дома сегодня в пять утра убежал и весь день на ногах.

— Могу вас к нам пригласить, у нас жареная картошка и котлеты из кулинарии, но нормальные, — предложил я. — Даже водку найду, у бабушки вроде есть запас, всё равно вас гаишники не тормозят.

Валентин сделал вид, что раздумывает.

— Нет уж, я к стряпне своей супруги привык, меня дома ещё и вчерашний шашлык дожидается. Так что — нет. Говори, что за дело, да я поеду, — сказал он.

Я рассказал. Потом ответил на несколько вопросов. Потом ещё на несколько. Потом высказал пару предположений.

На этот раз Валентин задумался на самом деле.

— Тэк-с... — пробормотал он, постучав пальцем по рулю. — Признайся, Егор, ты же хотел сам с ними разобраться?

— Хотел, — я не стал отпираться. — Но потом вспомнил, что ваши сотрудники за мной, как вы выразились, присматривают. Было бы неприятно, если бы меня схватили за руку в самый ответственный момент.

— Понятненько... — протянул Валентин. — И что ты собирался с ними сделать? Снова устроить членовредительство с использованием смеси марганцовки и магния? Или твои запасы подошли к концу?

— Есть ещё, — неохотно признался я. — Но маленько-маленько, трохи себе, для общего блага уже не останется. Впрочем, если дадите добро, я ещё разок прокачусь до вертолетного кладбища.

Весь остаток драгоценного металла я в какой-то момент выкинул — чтобы избежать соблазна замутить ещё немного взрывающихся шукувин. Стасу отдавать не стал, поскольку уже тогда подумывал, что с его увлечением придется что-то делать, а при таких запасах он ещё долго бы «шкрябал» напильником в своей комнате, отключившись от реальности и голоса разума в моем лице.

— Добро не дам, — отрезал Валентин. — И разрешения на очередную войну тоже не дам... только с предыдущей разобрались, и то не до конца. Этот твой друг... он показания даст на тех ребят?

— Хотите пойти по закону? — уточнил я, а когда он кивнул, добавил: — Лёхе отсидка только в масть окажется с его образом жизни... всё равно больше двух лет не дадут, ещё и отпустят через год, если дурить не будет. Михаилу, думаю, вообще условный срок светит — первый суд всё-таки, семья, ребенок, наверняка положительные характеристики отовсюду. Так что это всего лишь отсрочка. Они только силу понимают, к сожалению.

— И какие предложения? Только давай без твоей научной фантастики, — он поморщился. — Тут это не сработает.

Мне впервые предложили решить судьбу не кого-то абстрактного, как в случае с товарищем Горбачевым, а вполне конкретных людей. Горбачев в моем сознании всё-таки оставался небожителем, как и вся элита советских и российских времен, у них была своя жизнь, которая развивалась параллельно жизни обычных граждан. А вот Лёха и Михаил находились со мной в одной плоскости; мы разговаривали, они били меня, я бил их — этого вполне хватало для какой-то внутренней связи между нами. В общем, это было очень странное и, что греха таить, приятное чувство абсолютной вседозволенности. Осталось только придумать что-то действительно крутое, с чем может согласиться Валентин — и дело в шляпе.

— Вы прямо как джинн из восточной сказки, — сказал я, чтобы потянуть время. — Надо бы обговорить условия, на которых вы возьметесь выполнять мои желания.

Я улыбнулся, но Валентин мою шутку не оценил.

— Не юродствуй, — жестко сказал он. — Дело серьезное. Может, это был пробный шар со стороны оппонентов, и если достойной реакции на него не будет, они снова возьмутся за тебя, только на этот раз церемониться не будут. Готов рискнуть собой? А своей девушкой?

Аллой я и раньше рисковать не хотел — просто так получалось. Собой — пожалуй, был и готов. Но лишь при определенной подготовке и, желательно, выборе места и времени боя.

— Нет, — помотал я головой. — Ни собой, ни, тем более, Аллой. У нас с ней только жизнь начинается... ну и пусть, что у меня — по второму кругу. Я почти и не помню себя в восемнадцать. Но я думаю, что это, так сказать, инициатива снизу. Вряд ли им кто подсказал...

— Мой опыт подсказывает, что иногда случаются самые невероятные вещи. Так что, идеи есть, что делать с этими обормотами?

— Есть, — кивнул я. — Не уверен, что вам понравится, но в ней точно нет ничего фантастического. В вашем музее на Лубянке найдется пара камер наподобие той, в которой держали меня?

Моя идея Валентину, разумеется, не понравилось.

— Всё-таки тянет тебя на фантастику, тянет, — проворчал он. — Неужели твой мозг не в состоянии выдать что-нибудь поближе к жизни?

— Куда уж ближе, — я даже закатил глаза. — Два дня всего прошло, мне будет обидно, если и они не отведают вашего гостеприимства. Но серьезно — если это безумно сложно, то давайте тогда действительно пойдём путем закона, пусть посидят хоть сколько-нибудь... тому же Михаилу, думаю, и СИЗО хватит, если до суда там подержать.

— Сложно, не сложно... у тех получилось, у нас тоже получится, — самоуверенно отмахнулся Валентин. — Не хотелось бы, конечно... но сам подумай — ну посидят они там с неделю, больше не разрешат, а потом что?

— Выпустите, что, — ответил я и не удержался: — Но вообще неделя неделе рознь, как и подполковники друг другу. Поспрашивайте их, где они шмотки заграничные берут, кто им пластинки фирменные поставляет... думаю, в ваших застенках они очень разговорчивые будут, особенно если держать их на голодном информационном пайке. Ну а с тем, что они расскажут, можно всякое сделать, не мне вас учить.

Валентин снова побарабанил пальцами по рулю.

— Да, не тебе... затея может пшиком выйти — ну сдадут они своих барыг, а дальше что? Особенно если в конце цепочки какие-нибудь матросики с сухогрузов? Там и наказания особого нет, максимум — с заграничных рейсов снимут, так для спекулянтов это не удар даже, а досадная помеха, моряки в очередь выстраиваются, чтобы их обслуживать... хотя... где западные шмотки, там всегда валюта... Валюта... ты ничего подобного не видел, когда их бумажники шмонал?

«Родион?» Вопрос был неожиданным, но я сумел не подать виду, что мне страшно.

— Ничего не было, только рубли... — ответил я. — Кстати, спасибо, что вернули в целости и сохранности.

— Ерунда, дело житейское... — Валентин был явно разочарован моей реакцией. — Вот видишь, с наскоку может и не выгореть. Тут думать надо... Вот что сделаем. Ты когда к этому своему другу собираешься?

— Завтра, у меня в два консультация по химии, после неё съезжу.

Врачи обещали держать Стаса в больнице до выходных, а потом собирались выпнуть его на домашнее долеживание, чтобы он не занимал столь необходимое трудящимся койко-место. Впрочем, насколько я мог судить, разницы не было никакой — правда, в больнице Стас хотя бы регулярно и относительно качественно питался и спать ложился вовремя. Боюсь, в общаге у него не будет возможности ни для того, ни для другого. Но повлиять на врачебный консилиум я не мог.

Я собирался приезжать к нему всю эту неделю — и привозить не только случайные молоко с батоном, но и что-то более вкусное и питательное. Я всё-таки чувствовал ответственность за то, в каком положении оказался мой приятель.

— Вот и хорошо, — кивнул Валентин. — Тогда после своей консультации выходи на улицу и садись к ребятам в машину. Они отвезут и проделают все необходимые процедуры.

— В смысле? — я не сразу врубился, о каких процедурах идет речь.

— В прямом. Опрос проведут под протокол, справки необходимые у врачей... в общем, всё, что нужно для возбуждения уголовного дела. Обрато на своих двоих дотопаешь, у них ещё дела будут в местном отделении милиции, передача дел — дело ответственное и долгое, — неудачно выразился он.

Но я на эту ошибку решил не указывать.

— А потом что? — уточнил я. — Может, всё-таки разрешите жахнуть?

«ДМБ» тут ещё не сняли, но, видимо, в этой армейской комедии все диалоги были взяты прямо из жизни.

— Потом, возможно. Если по закону ничего не получится. Ну и попробую привлечь начальство возможностью разоблачить шайку валютчиков с выходом на какие-нибудь шпионские каналы.

— Вы же сами в это не верите, — напомнил я.

— Не верю, но я умею быть убедительным, — ответил Валентин и жизнерадостно улыбнулся. — Всё, беги. Меня шашлык ждёт. И жена.

Когда я выходил из квартиры, у меня и в мыслях не было давать указания кровавой гэбне, как правильно преследовать не слишком законопослушных граждан. Мне просто хотелось, чтобы Валентин разрешил мне разобраться с Лёхой и Михаилом по собственному разумению — то есть максимально жестоко, но без юридических последствий. Но он не разрешил.

И теперь я оказывался в очередном раунде какой-то большой игры с неясными последствиями. Судьба приятелей Боба меня не беспокоила; мне было страшновато за собственное будущее. Привычку разбираться с оппонентами чужими руками изжить очень сложно, если не невозможно.

В будущем я часто видел это на примере разных знакомых, которые начинали по делу и без дела использовать, например, связи в милицейских или бандитских кругах. Какое-то время они жили как короли, но потом в одночасье пропадали с радаров — кто-то оказывался за решеткой, а кто-то — на дне мутной речки с простреленным черепом и привязанными к ногам камнями. Это называлось — доигрались. Ни менты, ни бандиты не любили класс эксплуататоров, и расправлялись с такими ребятами с одинаковым удовольствием, только разными методами. Тем более что прегрешений у них за душой вполне хватало и на солидный срок, и на пулю.

Конечно, я пока не слишком злоупотреблял расположением Валентина. Скорее наоборот — я прибегал к его услугам крайне редко по любым меркам и только по важным делам. Хотя, возможно, избиение Стаса не было важным с точки зрения подполковника КГБ, но оно было связано с делом отца Родиона и, возможно, с этой стороны могло оказаться даже полезным. В любом случае, я надеялся, что не переступлю невидимую красную линию ещё долго. Вообще я надеялся на тихую и спокойную жизнь, но с этим почему-то не складывалось. Сюрпризы так и сыпались на мою несчастную голову — и на головы близких мне людей.

Аллу я, разумеется, обманул. Разговор с Валентином продлился почти полчаса, потом я — под впечатлением — выкурил у подъезда три сигареты кряду, совсем забыв, что обещал девушке вернуться через пятнадцать минут. И вспомнил об этом лишь после того, как она показалась из подъезда.

Я отбросил окурок, шагнул ей навстречу, обнял и прошептал в макушку:

— Котенок, прости, всё оказалось чуть сложнее, чем я думал, вот и пытаюсь привести мозги в порядок после разговора. Можем идти домой...

— Я из окна смотрела, — глухо ответила Алла. — Вы сели в машину, думала, поедете куда, а вы просто стояли. Мне почему-то страшно стало, но я не стала выходить... мало ли что?

— Нет, всё нормально, — я погладил её по спине. — Слушай... к черту домой... а не хочешь прогуляться? До гаража?

— Прогуляться? Зачем? — удивилась она.

— Да есть одно дельце, надо его завершить... — уклончиво сказал я. — Что-то я сегодня переволновался, но зря, видимо. Так что?

— Да давай сходим, тут же недалеко.

Недалеко, конечно. Десять минут, если никуда не спешить. И ещё десять до той памятной полянки, на которой я наставлял Лёху на путь истинный.

— Это что? — спросила Алла, когда я извлек из мальборовского пакета одну бомбочку.

— Световуха, если по-простому. Внутри смесь магния, за которым мы с тобой ездили, и марганцовки, при воспламенении она очень ярко делает с негромким хлопком. Военные что-то подобное применяют в светошумовых гранатах, но тут всё попроще... хотя в данных экземплярах как раз всё сложно. Мой приятель, который в беду попал, сделал воспламенение от пары химреактивов, запаял их в стекло и внутрь поместил. Если с силой бросить во что-нибудь твердое, будет вспышка. На землю можно ронять безболезненно... ну, как правило... но лучше этого не делать, контузию получить — как два пальца... Сейчас вот эту красавицу испытаем с тобой, а эти, — я потряс пакетом, — прикопаем до лучших времен.

— Егор, может, не надо? — с сомнением спросила Алла. — Мне не хочется ничего взрывать.

— Надо, к сожалению, — я покачал головой. — Мне-то просто жизненно необходимо сегодня что-нибудь взорвать. Заодно проверим взрыватели, они ещё могут и не сработать. Пошли, тут недалеко есть хорошая полянка, на ней и порезвимся. А потом домой, ужинать.

Алла кивнула, как бы признавая моё право на странные желания, и молчала весь наш путь до нужного места.

— Вот тут встань, за мной, — попросил я. — Если что пойдет не так, пусть лучше мне достанется. Может, к Стасу в палату попаду, — неуклюже пошутил я.

Алла попыталась что-то сказать, но я быстро размахнулся — и швырнул бомбочку в единственный дуб, который стоял в окружении многочисленных берез.

Воспламенитель сработал штатно — у дуба бамкнуло, появилось небольшое облачко дыма, которое быстро унес ветерок. Я подошел к дереву — на его коре была лишь небольшая выщербина.

— Скромненько, — констатировал я. — Но моя страсть к разрушениям удовлетворена. А ты если тоже захотела — можем вернуться к гаражу, там ещё две штуки.

Алла почему-то не захотела.

Глава 17. Рок твою мать

Моя институтская среда началась с Жасыма. Как я и предполагал, в понедельник он решил забить на ранний подъем, халявного зачета не получил, а подпираание стены рядом с кафедрой математики после обеда оказалось безрезультатным — Рыбка так и не появилась и страждущих, которых набралось с десятков человек, не удовлетворила. В итоге несколько лишних часов сна обернулись для Казаха потерей двух дней и весьма вероятными проблемами со сдачей экзамена у госпожи Фишерман, с которой вообще наладить отношения было очень сложно.

— Но хоть зачет сдал и к остальным экзаменам тебя допустили, — сделал я попытку утешить Казаха. — А история не самый сложный предмет — разок пролистал учебник и свой «тройак» точно получишь. А если пару лозунгов выучишь, то и на высший балл можешь рассчитывать. Экономика должна быть экономной, продовольственную программу — в жизнь, ни крошки хлеба врагу...

Казах улыбнулся, но как-то грустно.

— Да я за неё не волнуюсь, — отмахнулся он. — А вот к Рыбке, видимо, ещё и в августе придется ходить до победного. Зачет-то она мне поставила, но предупредила, чтобы я к экзамену готовился очень серьезно.

Я сочувственно покивал. В прошлой жизни мы проходили через это с ним вместе, в этой я надеялся избежать больших проблем.

— А Дёмыч что?

— Пока глухо... выгнала она его вчера. Он же вообще ничего не открывал, думал, наверное, просто так, на шару проскочить... но у этой... у неё хрен проскочишь. Слушай, я в субботу тебе звонил, но...

— Да, пришлось срочно уехать прямо с утра, — перебил я его. — Только в воскресенье вернулись. Ну и ни на какие рынки я не попал... опять.

Теперь уже Казах покивал.

— Понятно... слушай, Серый, я тут подумал — видимо, мне не до твоих этих плат будет... с сессией бы разобраться, а то отец не посмотрит на возраст, ремня отсыпет на всю сумму...

Я ожидал чего-то подобного. Всё-таки Жасым был первокурсником; одно дело — вечерком сбегать на станцию и разгрузить вагон, а потом забить на лекции и отоспаться. И совсем другое — что-то постоянное, чему нужно уделять время, которого и так до безумия мало и на всё не хватает. А тут и учёба — весьма серьезная, очень отличная от того, что совсем недавно было в школе, — и различные развлечения вроде преферанса. Да даже обычные бесцельные посиделки под пиво были предпочтительнее любой настоящей работы.

Кроме того, я не исключал, что Казах созвонился с отцом, описал перспективы моего предложения — и получил жесткий наказ держаться от меня подальше, чтобы не подставлять старшее поколение в случае вероятных проблем с законом.

Осуждать приятеля я не мог. Всё-таки этот Жасым был совсем не тем человеком, с которым мы проворачивали различные аферы.

В прошлой жизни мы с ним затеяли наш небольшой бизнес много позже, когда о закон можно было вытирать ноги — не о всякий, разумеется, но о тот, что касался спекуляций и предпринимательства, — точно. К тому же тот Казах, который стал моим напарником

практически без раздумий, провел несколько лет в столице и уже хорошо нагулялся с девушками мимо кооперативных ларьков с кусающимися ценами. Мы тогда не только декодеры паяли, но и турецкими джинсами торговали на развалах, и в тех же палатках посидели — в общем, делали всё, чтобы хоть немного заработать. К сожалению, выходило как раз немного; возможно, если бы хоть одно из наших начинаний принесло заметную прибыль, Жасым и думать бы забыл про свою историческую родину, остался в Москве и не стал бы поднимать величие независимого Казахстана — или чем он там занимался. И у меня был бы друг, с которым можно было и в огонь, и в воду. Но не сложилось.

И сейчас вот тоже — не сложилось. Я сделал ему предложение слишком рано, когда он не был к нему готов, и получил закономерный отказ. В моих планах это ничего не меняло, но теперь мне придется искать других возможных партнеров. Кандидаты были — хотя бы тот же Стасик, который пока ни о чем, кроме своих взрывающихся шуковин, слышать не хотел; но было и несколько ребят, которых я знал по совместным работам более позднего времени. Правда, надо было как-то убедиться в их нынешней надежности — судя по всему, одни и те же люди в середине восьмидесятых и начале девяностых сильно различались по характеру и поведению. Но я хотя бы знал, где искать. И всё опять же упиралось в утекающие сквозь пальцы минуты и часы.

— Хорошо, я понял, Жасым, — ответил я. — Я всё равно попробую. Если передумаешь — маякни, может, я к тому времени не заброшу эту идею.

Этого я точно делать не собирался.

Сама консультация почти целиком прошла мимо меня, но зато я вспомнил фишку нашего профессора — он был помешан на том, чтобы студенты знали название химических веществ в двух, а лучше в трех вариантах. Например, формулировка «аспирин, также известный как ацетилсалициловая кислота или салициловый эфир уксусной кислоты» была практически беспроблемной и сразу позволяла претендовать на суперприз. Удивительно, но за весь семестр этот поклонник разнообразных химических номенклатур так и не выдал своего увлечения, а у старших студентов мы про это спросить не догадались. В первой жизни я наткнулся на этот лайфхак самостоятельно и случайно — просто понял покашливание преподавателя как уточняющий вопрос, а в ответе повторил название не по ИЮПАК, а старое тривиальное. Что это было за вещество, которое помогло мне вытянуть «четверку» по теме, в которой я откровенно плавал, — я не помнил. Но сам факт всплыл в моей памяти — и я собирался посвятить сегодняшний вечер зазубриванию всего, что смогу вытащить из толстого учебника.

Окрыленный открытием века, я буквально вылетел из аудитории, как только профессор нас отпустил — но лишь для того, чтобы снова оказаться на грешной земле. От стенки напротив двери оторвался наш комсорг Саша, который подозрительно целеустремленно направился прямо ко мне.

Я замер на месте и почти не обратил внимания на то, как мимо, стараясь не отвечивать, проскользнул Жасым. Видимо, моему боевому казаху оказалось стыдно за свой отказ. Но ничего, подумал я, когда-нибудь и он повзрослеет и научится говорить «нет» с открытым забралом.

— Привет, Егор! — Саша протянул мне руку.

Я ответил на рукопожатие.

— Привет. Чем обязан? — мои слова прозвучали несколько невежливо, но меня ждали

Стас и гэбешники.

— Как-то ты напрягся, — Саша улыбнулся. — Не занят?

— Занят, — честно признался я. — Дело жизни и смерти практически... я действительно спешу, извини.

— Да ничего... но, может, выделишь пять минут? К нам Нина приехала, хочет с тобой поговорить.

— Какая Нина?

Уже задав этот вопрос, я вспомнил — райком, две женщины, которые занимаются такими лоботрясами, как я, предложение, от которого нельзя было отказаться. И, конечно, Вадик. Нина, кажется, была там секретарем — весьма высокий пост в районной иерархии... или это была Анна? Нет, всё-таки Нина. Ну окей, целый секретарь пришел в институт по мою душу. Пять минут я ей уделю, так и быть.

Но вопрос я уже задал и был вознагражден недоуменным взглядом Саши, который наверняка помнил всё, что происходило в его спокойной и размеренной жизни.

— Ты чего...

— Всё, вспомнил, — перебил я его объяснения. — Не сразу сообразил, о ком идет речь. Нина, секретарь райкома, коллега Анны. Так?

— Так, — кивнул Саша. — Пойдем?

Я очень глубоко вздохнул и пошел вслед за ним. Утешало только то, что комитет комсомола находился рядом с выходом.

Заявленные Сашей пять минут ушли только на взаимные расшаркивания. Но к чему-то подобному я был готов — советские бюрократические структуры вообще отличались неспешностью и какой-то кондовой обстоятельностью, совершенно избыточной для их функционирования. Позже это качество впитают в себя и российские наследники комсомольско-партийных структур, которые их заодно творчески переосмысляют и сделают гораздо сложнее — бюрократия во все времена очень не любила упрощать жизнь подведомственных граждан.

Но надо отдать Нине должное — к сути дела мы перешли на удивление быстро.

— Егор, в райкоме мы не успели это обсудить, — сказала она. — И, откровенно говоря, не собирались. Ты, наверное, не знаешь, но недавно был суд над одним из рок-музыкантов.

Что-то такое у меня в памяти крутилось, но я решил уточнить.

— Это над которым из них?

— Некий Романов, если не ошибаюсь. Нам сообщали на активе в горкоме.

Романов? Видимо, это Алексей Романов из «Воскресенья». Про его неприятности с законом я что-то слышал или читал, но подробностей не помнил. [1]

— Про Романова слышал, — кивнул я. — Но сути его неприятностей с законом не знаю. За что его так? Они вроде в основном безвредные ребята.

Ага, когда спят зубами к стенке.

— Спекулировал билетами на свои концерты, там большие суммы были задействованы, — объяснила Нина. — Нам тогда было рекомендовано приостановить поддержку концертов подобных групп. Но недавно сообщили, что решение пересмотрено. И наш райком оказался в очень непростой ситуации... — поскольку я промолчал, она продолжила: — У нас в первом полугодии очень мало музыкальных мероприятий с вокально-инструментальными коллективами проведено, а остался всего месяц. Вот мы и

вспомнили про твоё предложение.

Вообще-то это была сделка, но пусть их. Предложение так предложение. Но в целом забавная ситуация — неужели им никто не говорил, что можно записать в свой актив выступление каких-нибудь народных певцов из окрестных домов культуры? Но с такой инициативой я решил не вылезать. К тому же комсомольцы всегда были ушлыми ребятами, и нельзя было исключать, что они уже выгребли из народа всё, что могли.

— И что требуется? — задал я прямой вопрос.

— Организовать концерт... фестиваль... на базе вашего института.

— Фестиваль вряд ли успеем, только концерт. Но нужен бюджет, — сказал я и, кажется, вогнал Нину и Сашу в серьезный ступор.

— Что ты имеешь в виду? — грозно спросила женщина из райкома.

— У меня нет опыта организации концертов... — я повернулся к нашему комсоргу. — Саша, у кого-нибудь в институте есть такой опыт? Не самодеятельности, а именно кого-то более-менее профессионального? Чтобы звук соответствовал, оборудование было, всякая логистика... тьфу... ну чтобы привезти-отвезти можно было?

Саша на пару секунд задумал, но потом покачал головой.

— Нет, у нас никто не возьмется... — сказал он. — Был Артем, но он уже год как окончил... хотя вроде в Москве остался, можно связаться. Нин, но он денег попросит...

— Вот и я о том же, — вклинился я. — У меня тоже есть знакомый, и он тоже бесплатно работать не будет.

Пускать в этот огород Врубеля, конечно, стоило лишь после долгих раздумий. Он наверняка высосет комсомольский бюджет до дна, ещё и добавку попросит. Но, в принципе, меня его хитрожопость не особо касалась, и я был готов закрыть глаза на его фокусы — за двадцать или тридцать процентов от итоговой суммы.

Я немного помолчал и добавил:

— Бесплатно, думаю, можно наши агитбригады выпустить.

У нас в институте были очень классные агитбригады, которые отважно и остроумно бичевали различные недостатки. Курировали их как раз комсомольцы, и про них упоминал Саша, когда соблазнял меня на работу в комитете. Со стороны это выглядело так: несколько ребят и девушек, которые под акустику пели со сцены БАЗа какие-нибудь пародии на популярные песни. В новой жизни я их ещё не слышал, а из старой помнил только одну песенку — «Вновь приезжаю на Причальный проезд, здесь одно из любимых мест, теперь ты в армии, а-а-а, теперь ты в армии». На Причальном находилась военная кафедра, к которой был приписан наш институт, и мы считали эту переделку хита Status Quo смешной. Радость в виде военной кафедры ждала меня на втором курсе.

В самодеятельности я не участвовал по причине отсутствия слуха, голоса и креативных способностей — ну или просто из-за лени, водки, преферанса и семьи с ребенком, — но знал, что наша факультетская агитбригада считалась чуть ли не лучшей. Правда, в ней выступали совсем взрослые мужики — аспиранты и сотрудники кафедр, которые от студентов младших курсов воротили нос. С некоторыми из них я познакомился позже, когда сам поступил в аспирантуру, они оказались до предела обычными — во всяком случае, те из них, кто не ушел в команду КВН. Туда, впрочем, брали не всех — остальные потом занялись бизнесом и вроде бы даже там преуспели, хотя в этом я как раз уверен не был. Но в Турцию кто-то из них мотался точно, а кто-то и ларьки держал.

— Агитбригады другой строкой проходят, — печально сказала Нина. — И сколько

будет стоять такой концерт?

— Точных цен я не знаю, могу спросить, — ответил я. — Скорее всего, что-то уйдет на аренду музыкальной аппаратуры и на оплату по ставкам музыкантам... рублей семь или десять за выход, точно не помню.

Я подумал, что если не усложнять, а взять какую-нибудь популярную московскую кавер-группу, то всё выйдет предельно просто и почти бесплатно. Конечно, это не тот рок-фестиваль, который я рисовал в своем воображении, но за танцевальный вечер вполне сойдет. Под это дело ректорат, скорее всего, без лишних вопросов выделит спортзал — ну или разрешит комсомольцам, которых мобилизует Саша, подготовить БАЗ. Я мельком подумал про билеты, про фан-зону и танц-пол, но отбросил эти идеи как излишне утопические. Всё-таки наши актовые залы никак не тянули на спорткомплекс «Олимпийский».

— Можно, кстати, приурочить этот концерт к концу сессии и пускать народ по зачеткам, — осенило меня. — Два «хвоста» — проходи мимо. Ещё и успеваемость подтянем, народ соберется с мыслями.

— Хорошая идея, — как-то кисло сказала Нина. — Ладно, ребята, я поняла. Кое-какой бюджет у нас есть, но от вас нужна будет заявка. Обсудим её в райкоме, тогда решим. Сможете к понедельнику подготовить? Желательно со списком групп, которые смогут выступить. Только «Машину времени» не надо... после той статьи у нас их зарубят сразу же. И из ленинградского рок-клуба никого не зовите.

«А девочка-то продвинутая», — подумал я.

Мы с Сашей заверили её, что этого времени нам хватит даже на то, чтобы добежать до канадской границы, и что никого из черного списка мы в свою заявку включать даже не подумаем.

Нина покинула нас сразу после нашего ответа, и мы с Сашей остались одни.

— Суровые ребята в этом райкоме, — я глянул на часы. — Двадцать минут, а не пять. И я чувствую себя выжатым, как лимон.

— Да, у неё это хорошо получается, — Саша вытер испарину со лба. — Как разделим подготовку?

Я пожал плечами.

— Да параллельно всё будем делать, чего делить? Ты с тем Артемом попробуй связаться, я со своим знакомым на выходных пересекусь. В понедельник и получим полную информацию — кого выбрать и во сколько это встанет. Но вообще эти рок-концерты всегда на черном нале держатся, не уверен, что тот человек возьмется за почти благотворительное мероприятие.

— Это почему?

— Помнишь, Нина упоминала про Романова? — Саша кивнул. — Думаю, там всё шло мимо кассы — билеты, зарплаты музыкантам, та же аппаратура или аренда сцены. Я был на паре таких концертов, везде одно и то же — неучтенная наличка и полное отсутствие бухгалтерии. Если делать официально, никто не подкопается, но и стащить ничего не выйдет. А эти современные продюсеры... они только и знают, как ловчее украсть. Но... в конце концов, рок-фестивали в стране регулярно проходят. Правда, побеждают на них одни и те же — «Машина» да «Аквариум», словно больше никто рок не играет.

— Да, это точно. Мне тоже рассказывали... всякое. Так что надо всё сделать по уму. Ну

и никакой «Машины»...

Мне показалось, что он сказал это с легкой грустью. Но тут я ничем помочь не мог. «Рагу из синей птицы» всё ещё было на слуху. [2]

После разговора с комсомольцами у меня открылось что-то вроде второго дыхания, и с оперативниками из КГБ — парой почти одинаковых парней лет двадцати пяти и с косою саженью в плечах — я общался, как командир их подразделения, и совершенно не удивлялся тому, что они слушали мои указания, не сказав ни слова против. Мы заехали в магазин, где я прикупил немного продуктов, учитывая ограничения, про которые вчера узнал у врачей.

И с такой поддержкой меня пропустили в палату без лишней бюрократии.

— Егор, зачем это? — спросил Стас, когда я рассказал ему о причине визита столь многочисленной делегации.

— Так надо, — ответил я почти что словами Валентина. — Эти нелюди не должны оставаться безнаказанными. Иначе они снова почувствуют себя... не знаю, кем-то вроде богов, которые могут решать судьбы людей и стран. Пусть посидят немного за решеткой, подумают о своем поведении. Может, извилины на место встанут. И ты не бойся, всё будет хорошо.

Стас, конечно, воспринял мои слова скептически, но свою часть выполнил по полной программе и подробно изложил все обстоятельства драки, которая «дракой» могла называться только условно — по сути это было натуральным избиением. Моя помощь во время допроса потребовалась лишь однажды — Стас просто не знал имен друзей Боба, а вот мне они были известны достаточно хорошо. Но мои слова внесли в протокол от имени пострадавшего — тут оперативники даже глазом не моргнули, видимо, имели достаточно четкие указания.

Я очень надеялся, что теперь действительно всё будет пусть не хорошо, но хотя бы приемлемо. Ну а про свои сомнения в советской правоохранительной системе я не сказал ни слова, чтобы не нервировать больного и не выглядеть в глазах подчиненных Валентина опасным диссидентом. Достаточно того, что таковым меня считает их начальник.

[1] Алексея Романова арестовали в 1983 году за подпольный концерт. Он тогда играл в группе «СВ» (в «Звуковой дорожке МК» по итогам 1983 года его назвали «ансамблем п/у Мелик-Пашаева»). Показания участников расходятся, но один из свидетелей упомянул, что среди обвинений были и «гонорары от комсомольских и профсоюзных организаций». Суд над Романовым состоялся в мае 1984-го, ему дали 3,5 года условно с конфискацией имущества по статье о незаконном предпринимательстве.

[2] статья в «Комсомольской правде» от 11 апреля 1982 года с критикой Макаревича и компании. Слушать их после этой статьи не перестали, но вот официальный кислород слегка прикрыли, хотя серьезных репрессий так и не последовало. Амнистировали «машинистов» где-то в 84-м, через год у них на «Мелодии» уже вышел миньон, а ещё через пару лет — двойник «Реки и мосты».

Глава 18. Мысль и пепел

Утром в четверг я неожиданно столкнулся с очередными реалиями советской жизни. Кофе от немецкой тети у нас закончился — во вторник я скормил Алле его остатки, — а сейчас обнаружил, что и с нормальным чаем появились проблемы. Вернее, я знал, что пачка индийского «слона» подошла к концу, но был уверен, что в специальном ящике есть запас — а его там не оказалось. То ли Елизавета Петровна прихватила на дачу, то ли ещё какая беда случилась; отслеживать наличие продуктов и заблаговременно беспокоиться о пополнении кладовой я пока так и не приучился.

Всё осложнялось тем, что в 1984-м никаких круглосуточных универсамов не было, а оперативно можно было затариться лишь самой простой пищей. За дефицит же у нас пока отвечала бабушка, но из-за событий последних недель она упустила момент, и теперь надо было ждать её возвращения с дачи. В итоге я был вынужден начать день с омерзительного пойла, каковым был очень распространенный зеленый грузинский «№ 20». [1]

Сонная Алла благосклонно приняла у меня свою кружку, отпила глоток и поморщилась.

— Что-то не так? — поинтересовался я.

— Чай говно, — призналась она. — А тётя Люба посылку пришлет только в августе.

— Можем на рынке поискать, — предложил я. — Там иногда предлагают... дороговато, но, думаю, потянем.

Вообще-то мои покупки последних недель пробили в моих накоплениях заметную брешь, но я был уверен, что одна банка кофе за фиолетовую погоды не сделает. Приток дензнаков у нас слегка сократился, хотя конец месяца немного поправил наше положение — мы получили стипендии, а я — ещё и перевод от родителей. В целом жить и шиковать мы могли ещё долго.

— Я подумаю, — кивнула Алла. — У тебя какие планы на сегодня?

— К Стасу хочу заехать, он всё ещё в больнице, бедняга. А больше всё вроде, если ничего не свалится.

Про Стаса я Алле всё-таки рассказал — и про его участие в моей победе над подручными Боба, и про нападение на него уцелевших участников той банды. Ну и пообещал, что враги понесут заслуженное наказание.

— Не возражаешь, если я с тобой?

— Нет, конечно, — ответил я прежде, чем успел осознать, о чем меня спросили. — А зачем?

— Ну... не знаю... просто чувствую, что надо, но толком объяснить не могу, — замялась Алла. — Я этого твоего Стаса и не видела никогда, но почему-то очень за него переживаю.

— Понятненько... — я поймал себя на мысли, что стал частенько копировать Валентина. — В принципе, можно, он нормальный парень, кидаться не будет, а с остальным я справлюсь. Но у тебя же завтра экзамен, тебе не по больницам надо кататься, а зубрить, как князь Игорь от половцев мыслью по древу растекался.

— Мысью, — поправили меня. — Мысью он растекался. Это белка в переводе.

— Конечно, как скажешь, мыська, — не удержался я и улыбнулся, получив по плечу закономерный удар кулачком. — В общем, смотри сама. Я надеюсь пораньше отстреляться, думаю, часов в двенадцать уже буду свободен. Если захочешь — подъезжай к нам. А потом

придумаем, чем заняться... хотя нет, тебя будут ждать князь Игорь и его мышь, а меня — заслуженная бутылка пива за сданную химию.

На этот раз я получил кулачком по ребрам. Но не слишком сильно.

Иметь пророческий дар оказалось очень приятно. «Пятерка» по химии, ради которой я использовал свои знания из будущего, произвела на меня какое-то умиротворяющее действие. Я был доволен собой и очень добр и даже подсказал свою уловку Жасыму — прекрасно понимая, что тот сможет воспользоваться полученным подарком только случайно, поскольку, кажется, до самого ухода из аспирантуры путал обе химические номенклатуры и не мог запомнить, какая из них носит гордое название тривиальной. Впрочем, экзамены всегда были лотереей, и если сегодня Казах встал с правильной ноги — значит, так тому и быть.

Дёмы на экзамене не было — он всё ещё пытался растопить ледяное сердце Рыбки, но, похоже, не слишком успешно. Мне казалось, что в этом в какой-то степени виноват я — в первой жизни я оставался в общаге и, похоже, благотворно влиял на соседей. Впрочем, я всё ещё сомневался в том, что способен быть нянькой для двух здоровых лбов, но трудности с сессией говорили об обратном. В принципе, у Дёмы вырисовывался неплохой шанс вылететь из института уже в сентябре — и успеть как раз к осеннему призыву. В прошлый раз он затянул с этим на год и попал в плохую часть; в этот раз ему могло и повести с сослуживцами — хотя он способен вывести из себя даже самых добродушных людей. Но вмешиваться в его судьбу я не собирался.

Поездка к Стасу с Аллой запомнилась мне только тем, что Стас очень мило робел девушку, которая опять нацепила тот образ, в котором заявила к нам в комнату, чтобы позвать меня на концерт «Кино». Потом она одевалась гораздо скромнее — особенно в гости к Михаилу Сергеевичу, — и я почти позабыл, насколько эффектной она может быть. Правда, для меня её эффективность казалась каким-то раритетом — но я смотрел на неё буквально из далекого будущего. Мне вообще местная мода казалась жутким пережитком прошлого, но кто я такой, чтобы говорить об этом своей невесте? Хочет начесывать свою челку — пусть начесывает. Мне больше нравилось, когда она собирала свои волосы в неаккуратный хвостик. Об этом я ей, кстати, говорил.

Потом у нас был обед в «Ромашке» — с пивом и прочими излишествами в виде мороженого — и долгая поездка домой на метро. Мы стояли, обнявшись, у надписи «Не прислоняться», под завистливыми и осуждающими взглядами пассажиров, и мне было так хорошо, как очень редко бывало в новой жизни.

Идиллия закончилась у самого дома.

— Похоже, тебе придется учить про Игоря в одиночестве, — сказал я, заметив знакомую «Волгу» у обочины напротив нашей многоэтажки.

Алла её не видела, а потому недоуменно посмотрела на меня:

— Чего ты привязался к этому несчастному Игорю? У меня совсем другой экзамен, древнерусскую прозу мы прошли на первом курсе! И что значит — в одиночестве?

— Да и ладно, — легко согласился я. — Ты же всё равно и к другому экзамену готова, так что какая разница — Игорь, не Игорь. За мной приехали.

Я мотнул подбородком в сторону машину, из которой уже выбрался Валентин. Алла послушно повернулась в нужном направлении.

— О... пойдём здороваться тогда, — решительно сказала она и потащила меня в

нужном направлении.

Но я и не сопротивлялся. Всё же чаще мой дар давал серьезные сбои. Я ждал Валентина только в выходные.

Раскрывая своё инкогнито, я понимал, что отныне моя жизнь будет принадлежать не столько мне, сколько подчиняться интересам абстрактного высшего блага. То есть моё расписание теперь составляли два человека — Валентин и Михаил Сергеевич, которые могли учесть мои потребности, но в целом исходили из своих собственных возможностей и нужд. Я их понимал — оба были не последними людьми в советской иерархии, на обоих наверняка висела куча служебных обязанностей, которые буквально пожирали часы и дни. Думаю, им тоже было интересно, что будет дальше в сказке новоявленной Шахерезады; в конце концов, знание будущего — вещь очень манящая, хуже семечек. Всегда хочется ещё немного.

— Аллочка, здравствуйте, — Валентин протянул руку, но девушка на этот раз не попала на его уловку.

Мы обменялись приветствиями.

— Валентин, — строго сказала Алла. — У меня к вам есть очень важный вопрос.

— Я весь внимание, — насторожился тот.

Я тоже обратился в слух — свой важный вопрос Алла мне не озвучивала. Возможно, она считала, что у меня нет на него ответа.

Или же он появился вот только что.

— Я это... его же судить будут? — Алла чуть стушевалась. — Нам нужно будет идти на суд, следователям что-то рассказывать?

— Ты про кого? — уточнил Валентин.

— Про... Родиона... который у нас стрелял...

— Ах, этот, — мне показалось, что товарищ подполковник испытал облегчение. — Не знаю... возможно. Хотя... если вас опрашивали... вас же опрашивали?

— Да, был допрос, — вмешался я.

— Опрос, — поправил меня Валентин. — Со свидетелями обычно проводят опрос. Не вы — не простые свидетели, может потребоваться ещё что-то. А может и ничего не потребоваться, как судья посмотрит и что обвинение скажет. В общем, вам, ребята, надо просто ждать — вызовут, значит, сходите и расскажете, что видели и слышали. Не вызовут — значит, обошлись без вашего непосредственного присутствия.

— Ясно, — Алла кивнула. — А по тому человеку, который на нас в том городе нападал? С ним — также? Ждать вызова и ехать, если пригласят?

— С тем расследованием ещё проще, — отмахнулся Валентин. — Будут к вам вопросы — они пришлют их в Москву, кто-то из участковых или оперативников придет к вам, запротоколирует аккуратно ваши ответы и отошлет обратно. Если уж потребуется ваше присутствие... думаю, окажем содействие, если вы не будет возражать. Как-то так, — он картинно развел руками. — Так что не волнуйся, всё плохое уже позади.

— Да я и не волнуюсь... — пробормотала Алла. — Просто не хотелось бы, чтобы срывали в разгар сессии или каникул.

— Этого точно не будет, — ответил Валентин. — Так что сдавай свои экзамены, süßes Mädchen, а потом отдохайте, как планировали. Егор, ты мне нужен на пару слов.

Переход к моей персоне был очень неожиданным, я даже немного вздрогнул, выкидывая из головы уже возникшее там сравнение между строгим американским законом и советским уголовным кодексом. Правда, про оба я знал исключительно из фильмов, но был уверен, что в Америке того же Родиона наказали бы гораздо строже. У нас же он, наверное, уедет на зону лет на пять, но за примерное поведение его ещё и выпустят пораньше.

— Да, конечно, — ответил я. — Что-то случилось?

— Пока ничего, о чем стоило говорить, — загадочно сказал Валентин. — У Михал Сергеича есть к тебе небольшая просьба. Алла, я заберу Егора на минутку?

Она пожала плечами, и мы с Валентином отошли к его машине, из которой он достал толстую коленкоровую папку радикального багряного цвета с наклеенным на обложку квадратиком белой бумаги. Никаких надписей на папке не было.

— Здесь, — Валентин потряс папкой, — несколько фамилий людей, про которые ты должен написать всё, что знаешь. Пиши прямо там, места, думаю, хватит.

— А если ничего не знаю? — спросил я.

— Так и пиши — сведений в моей пустой башке не сохранилось, — улыбнулся он. — Ничего не пиши, ежу ж понятно. Никто и не ждет, что ты вспомнишь всё и про всех, это в принципе невозможно. Ну и должен предупредить — список из категории «совершенно секретно», особенно с твоими пометками. Из виду не выпускай, если куда поедешь — бери с собой. В субботу Михал Сергеич ждет результат. Алла, — вдруг сказал он громко, — в субботу мы с Михал Сергеичем ждем вас обоих в гости... например, в час дня. На обед. Отказы не принимаются. Приезжайте на дачу.

— Х-хорошо... — от неожиданности Алла слегка запнулась.

Поскольку меня не спрашивали, я ничего говорить про субботний визит не стал. Лишь протянул руку, в которую Валентин вложил своё совершенно секретное сокровище.

Я приоткрыл папку — листов там было какое-то запредельное количество. Поворочав их пальцем, я поднял взгляд на своего подполковника.

— Дофига... за два дня сложно будет всё осилить.

— А ты постарайся, — ухмыльнулся он. — Очень постарайся. Машину ещё не смотрел?

Я помотал головой.

— Будто вы не знаете. Завтра собирался, но теперь уже не знаю, — я покачал папку на ладони. — Думаю, скорее — в субботу. Если силы останутся.

— Что он тебе дал? — спросила Алла, когда мы наконец добрались до нашей квартиры и устроились на кухне.

Я готовил обед, а она читала какой-то учебник со зловещим немецким названием, которое сильно контрастировало с рисунком худенькой фрау, кормившей своих домочадцев дымящимся супом из большой кастрюли. Впрочем, в нашей недосемье этой фрау был я.

— Совершенно секретно, лучше даже не влезай, — ответил я. — А то обложат подписками, никаких тебе потом Италий или Афин. Но на самом деле это тест меня на стрессоустойчивость. Что-то типа опросника — что я запомнил из периодической печати... у них какие-то свои методы проверки кандидатов на госслужбу. Думаю, если успешно сдам, то после учебы обязательно пригласят начальником какого-нибудь стола.

На государственную службу меня пока никто не звал, но я давно придумал этот вариант карьеры, чтобы объяснить Алле интерес ко мне со стороны старика. Раньше он оказывался не востребованным, а сейчас был хороший способ его ввернуть в разговор.

— А тебя уже позвали? — удивилась она.

— Нет ещё... рано... да и в их среде прямо такие вещи не делаются. Но я умею понимать намеки. Так что в субботу будем производить хорошее впечатление — какой я хороший, какая ты хорошая. Но о деле, — я мотнул головой в сторону папки, — ни слова. Сами всё дадут.

— Ясно... А ты так и не надумал, куда будешь переводиться?

Вопрос был немного неожиданный, но закономерный. Ответ у меня был и на него тоже.

— По-хорошему, надо бы на юридический — с такими-то перспективами. Советское право или что-то подобное... Но сначала надо бы спросить у тех, кто нас в гости звал в субботу — моя отсрочка от армии действует лишь до тех пор, пока я прилежно учусь, как строить заборы. При переводе отсрочка автоматом слетит.

— Это да, — кивнула Алла. — Спросим тогда? А то времени осталось совсем ничего... я бы с тобой тогда перевелась.

— Зачем? — удивился я. — Тебе два года твоего немецкого осталось, спокойно доучись, а потом иди хоть в юридический, хоть в любой другой, как на второе высшее. Оно, конечно, платное, но, думаю, мы как-нибудь с этим справимся.

Она надолго задумалась, хотя я знал наизусть все её возражения.

Мне действительно было непонятно стремление Аллы учиться вместе со мной. Существует же склонность к тому или иному виду деятельности? Ей вроде бы неплохо давались иностранные языки — хотя, конечно, для лучшего старта карьеры надо было изучать их в том самом институте имени Мориса Тореза или в любом другом, где давали именно практические навыки. И без обязательного упора на то, что сразу после получения диплома выпускник пойдет работать в школу, где будет учить недорослей всяким премудростям.

— Мне потом три года надо будет отработать по специальности, — напомнила она. — А я уже не уверена, что хочу учить школьников. Даже не так... я уверена, что не хочу их учить.

— Останешься на кафедре, — пожал я плечами. — Поступишь в аспирантуру. Вариантов масса.

В 1986-м, когда Алла получит свой немецкий диплом, всем может стать резко пофиг на трудоустройство выпускников вузов. Но может и не стать — если я поставил на нужных лошадок. Но кафедра и аспирантура во все времена были хорошим способом избежать обязательного распределения в какую-нибудь Тьмутаракань. У Аллы, кстати, имелся ещё и джокер в лице её тёти, которая могла похлопотать, чтобы её племянницу устроили, например, в советское представительство какой-нибудь из немецких фирм. Но про блат я пока решил не напоминать — надо будет сначала посмотреть на эту тётю, вдруг там коммунизм напололам с марксизмом в крови плещется.

У меня и в мыслях не было забросить папку, которую мне передал Валентин, в какое-нибудь пыльное место, чтобы забыть про неё до субботы — а во время визита рассказать, что никого из представленных в списках людей знать не знаю, ведать не ведаю. Это был самый простой способ, от которого мои визави наверняка хоть как-то защитились — например, включили пару фамилий, которые я точно должен был знать, хотя бы из тех, кто уже намечен на повышение и хоть какую-то известность. Я бы на их месте ещё расставил такие маркеры в самых неочевидных местах, где при невнимательном беглом просмотре их было

легко пропустить.

Фамилий действительно было очень дофига — первое впечатление оказалось верным. Тридцать четыре пронумерованных странички, по двадцать фамилий, имен и отчеств на каждой — шестьсот восемьдесят людей. Меня позабавило, что никаких должностей к фамилиям не прилагалось — догадайся, мол, сам, кто все эти люди и что их объединяет.

Впрочем, эта задачка была не самой сложной в обеих моих жизнях. Ещё проглядывая листки наискосок, я наткнулся на фамилию уважаемого грузинского товарища Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе — будущего министра иностранных дел СССР, будущего первого президента независимой Грузии и очень спорной личности. Сейчас этот Шеварднадзе рулил грузинскими коммунистами и был одним из нескольких кандидатов в члены Политбюро ЦК. Его взлет произойдет вскоре после прихода к власти Горбачева, а сейчас он был всего лишь строчкой в длинном списке потенциальных вождей всего СССР.

Именно так я начал рассматривать задание старика — мне предлагалось взвесить и исчислить тех, кто мог заменить хорошо постаревших кремлевских старцев. Стать кем-то вроде бога для их судеб и карьер — ведь одна правильная пометка в нужном месте, и человек имеет все шансы на то, чтобы войти в состав местного ареопага.

Я несколько мгновений помечтал, как срочно ищущу телефоны этих ребят — и уже к субботе становлюсь очень состоятельным человеком. Но потом я напомнил себе, что у старика и Валентина длинные руки, а глаза и уши могут быть, в том числе, и на местной АТС. Лучше не рисковать.

Поэтому я взялся за дело со всем тщанием, чтобы в субботу не идти к товарищу Смиртюкову, одевшись в старое рубище и посыпав голову пеплом. За рубище сойдут мои новые джинсы, а пепел... с пеплом у курящих людей проблем обычно нет.

[1] Считалось, что в «№ 20» — 20 % индийского чая (остальное — грузинский), а в «№ 36» — соответственно, 36 %. На деле грузинские чаепроизводители дико сэкономили импортный продукт, зато свой сыпали от души. Качество, впрочем, от таких изменений техпроцесса поначалу не слишком страдало. Грузинский чай испортился примерно в начале 80-х, когда там массово внедрили машинный сбор чайного листа. Машины собирали его с ветками, которые никто из готовой смеси не выбирал. Та же хрень была и с табаком, который, в принципе, мало чем отличался от табака в «мальборо», но содержал запредельное количество «брёвен», а вот удельный вес основного продукта (это и чая касалось) был ниже любых стандартов.

Глава 19. Сыр в мышеловке

Глаза боятся — руки делают. Со списком возможных будущих повелителей СССР я покончил достаточно быстро — уже к обеду пятницы я сделал последнюю пометку, аккуратно сложил страницы по порядку и убрал их в папку. Почти семьсот человек в реальности превратились в полторы сотни — про остальных я не слышал никогда, ни в первой, ни во второй жизни. В газетах их имена мне не попадались, они не проводили приватизацию, не становились миллиардерами... я не исключал, что эти неизвестные ребята неплохо жили и в перестройку, и в лихие девяностые и в сытые нулевые, но не знал, чем они зарабатывали свой хлеб с маслом. Но вообще из всего списка меня удивила только одна фамилия, которая заставила задуматься о том, кто и как управлял Россией моего будущего — но в этом случае я постарался обойтись без лишних восторгов. Остальных знаковых "списочников" я топил нещадно.

Покончив с этой в чем-то приятной — мне понравилось чувствовать себя вершителем судеб — обязанностью, я вспомнил про вопрос Валентина и предложил Алле прокатиться до Полежаевской, где находился гараж моего гэбешника.

— Какая машина? — недоуменно спросила она.

— «Победа», настоящий раритет, но крутой, — объяснил я. — Она принадлежала отцу Валентина, а ему самому оказалась не нужна — вот он и предложил посмотреть, вдруг нам подойдет. Я согласился, но без обязательств — хотя, честно говоря, сомневаюсь, что из этого что-либо выйдет...

— Почему?

— Да быстро её вряд ли получится восстановить, с запчастями проблема, с местом, где отремонтировать можно — тоже... не хочу заводить ещё один мопед. Его бы доделать.

— А, ты в этом смысле, — кивнула Алла. — В принципе, у меня сегодня особых планов нет, можно и прокатиться.

— Здорово, — обрадовался я — мне очень не хотелось тащиться в такую даль одному. — Тогда одевайся, как в тот культпоход в лес. Подозреваю, что там будет очень пыльно и грязно.

На всякий случай я замотал папку с совершенно секретными материалами в выделенное Аллой полотенце, упаковал её ещё и в большой полиэтиленовый пакет, который обнаружился в квартирном хозяйстве, а потом засунул в свою верную сумку с надписью «Спорт» — и посчитал, что сделал всё, что мог, для охраны государственных тайн от различных шпионов.

Правда, я точно знал, что любой шпион, который сумеет украсть у меня эту тайну, окажется в дураках. И надеялся, что Валентин и Михаил Сергеевич всего лишь посмеются над моей мнительностью. Но пусть лучше смеются, чем плачут.

До гаража от Полежаевской пришлось подъезжать на автобусе — я не стал устраивать Алле пешую прогулку по местной промзоне. «ЛИАЗ» тащился медленно, подолгу зависая на остановках; где-то в стороне остался Причальный проезд и наша военная кафедра. Но в итоге мы доползли до нужной улицы, а потом с помощью местных аборигенов нашли и нужный ГСК — правда, чтобы попасть к боксу, пришлось выкладывать всю нашу биографию и немного интимных подробностей. Сработала ссылка на Валентина и наличие у нас двух

наборов ключей — от гаража и машины; но нас всё равно записали в огромный гробсбук.

Перед самыми гаражными воротами я остановился, поскольку вдруг подумал, что совершаю какую-то ошибку. Я перебрал в уме все возражения против того, чтобы обзаводиться сейчас машиной — отсутствие собственного гаража, жестокий недостаток времени, необходимость серьезно вкладываться в ремонт... Но всё перевешивало обладание действительно раритетной моделью ГАЗ М-20 — в будущей свободной России энтузиасты превращали такие машины в настоящие конфетки. Сейчас с этим было гораздо сложнее, но в своих силах я был уверен, хотя последний раз копался во внутренностях собственного автомобиля лет двадцать назад — накануне продажи вазовской поделки, с которой промучился лет десять. Потом я купил свою первую иномарку и больше с отечественным автопромом дел не имел.

Кроме того, если «Победа» окажется в не самом убитом состоянии, и я смогу восстановить её до конца сессии, то на ней можно будет рвануть и ко мне на родину, повторив романтику нашего первого с Аллой автопутешествия. Билеты на поезд я пока не купил и даже не думал об этом, втайне надеясь, что ближе к отъезду смогу убедить Михаила Сергеевича помочь мне ещё разок. Например, посодействовав авиабилетами на ближайший подходящий рейс.

Но это были мечты; если старик откажет, то меня ждёт пара бессонных ночей у касс «Аэрофлота» — с отсечением в длинной очереди и слабой надеждой, что удастся пройти через эту Голгофу за один раз.

Я подавил все сомнения — и отпер нехитрый навесной замок.

Гараж напоминал тот, который мне предоставил на время неведомый Саныч. Полки на двух стенах — справа и позади стоящей по центру машины, узкий верстачок с криво привинченными тисками, бардак буквально на всех доступных горизонтальных поверхностях и хлам, развешанный безо всякой системы на вбитых в кирпичи гвоздях.

«Победа» выглядела очень стильно, но грустно, хотя Валентин, похоже, немножечко наврал. На черном лаке почти не было пыли, хотя окна оказались мутноваты и сквозь них было сложно разглядеть, что творится внутри. Но колеса были накачаны — за несколько лет из них ушли бы все остатки воздуха, — а это означало, что одной проблемой меньше. Купить сейчас нормальные шины было запредельным по уровню сложности квестом. Впрочем, когда я щелкнул выключателем у ворот и включил две из трех очень ярких ламп, то увидел сложенные в своеобразный колодец в дальнем углу и накрытые пыльной тряпкой пять шин, которые, скорее всего, подходили этой машине.

Я распахнул ворота на максимум, попросил Аллу подождать и прошел внутрь, чтобы поближе осмотреть то, что вполне может стать моей прелестью.

Лампы светили не совсем туда, куда нужно, фонарика на виду не было, а копаться в горах инструментов и проводов мне не хотелось. Но для некоторых вещей свет особо и не нужен.

Ключ в водительской двери провернулся с легким скрежетом, но относительно легко. Из салона на меня пахло затхлым воздухом, но это я посчитал хорошим знаком — кузов оказался достаточно герметичным и, возможно, тут не всё прогнило и окислилось. Во всяком случае, дерматиновые кресла выглядели не слишком затаскано, и пыли на них тоже было немного. По моим ощущениям, этот пепелац выкатывали и мыли где-то с полгода назад — хотя Валентин говорил про годы.

Я с тоской посмотрел на большой диван, который заменял тут два передних кресла, на свои парадно-выходные джинсы — и решительно отправился к стопке шин, чтобы позаимствовать тряпку. Она тоже не отличалась чистотой, но это была та грязь, которую я готов был терпеть. К тому же в таком гаражном кооперативе где-то должна быть труба с водой — с её помощью можно было убрать наиболее заметные последствия контакта с достижениями забытой цивилизации.

Расстелив тряпку, я уселся сам, вставил ключ в замок зажигания, повернул...

И ничего не произошло. Стартер не подал никаких признаков жизни.

Я предвидел что-то подобное, и моё послезнание тут было ни при чём. После того, как Валентин рассказал мне про машину, которая лет пять стояла в гараже без движения, я живо представил некий покрытый сантиметровым слоем пыли агрегат, в котором напрашивалась замена всех резино-технических изделий по кругу. Кроме того, я не исключал, что в самых неподобающих местах окажется столько ржавчины, что в полевых условиях её устранить будет попросту невозможно, а на полную замену двигателя я готов не был. Единственное, по поводу чего я не волновался — это кузов. В старые времена их делали из сносного железа, которое не успело бы проржаветь на достаточную глубину. Впрочем, пороги могли и развалиться.

Аккумулятор относился к тем вещам, на целостность которых я тоже не рассчитывал. Правда, отсутствие пыли меня немного расслабило — я мельком подумал, что тот, кто дал себе труд протереть весь автомобиль, мог и озаботиться состоянием электроустройств.

Я дернул за рычаг замка капота, вылез из салона, обошел машину по кругу, глядя по сторонам — в надежде, что тут лежат не только колеса, но и запасной аккумулятор. Но на этот раз я ничего не обнаружил.

Зато под капотом меня ждал сюрприз. Неведомый доброжелатель всё-таки был человеком разносторонним — он не только протер машину от пыли, но и снял провода с клемм аккумулятора. Мне пришлось идти обратно, но вскоре я нашел искомое — двойной ключ двенадцать на четырнадцать, сделанный из хромированной стали, лежал чуть в стороне от общего бардака. Это был ещё один признак того, что сюда не так давно кто-то приходил.

Спустя десять минут я стоял рядом с водительской дверью, курил и задумчиво слушал, как работает двигатель «Победы». Временами он немного троил, но в целом звук был ровный; эта проблема была и не проблемой вовсе — надо было либо поменять свечи, либо слегка отрегулировать зазор между электродами. В общем, ничего сложного и длительного.

— Ну как?

Алла подошла поближе, опасливо сторонясь разбросанных по верстаку железяк.

— Выглядит нормально, — я пожал плечами. — Ты тут особо не лазь, всё в пыли... это мужик должен быть грязен, волосат и вонюч, девочкам такое не позволено природой.

— Хорошо, — она улыбнулась. — И что ты думаешь? Будешь брать?

— Не знаю, — честно признался я. — Машина в хорошем состоянии стоит недешево, даже если ей тридцать лет. Мы можем не потянуть. Но я спрошу про цену, тогда и... к тому же нам её и держать негде, а бросать во дворе не хочется. Но это всё пока чисто умозрительно, я не уверен, что нам с тобой сейчас актуальна именно машина. Хотя было бы забавно доехать на этой «ласточке» до моего города...

Я заботливо похлопал «Победу» по крыше и брезгливо отряхнул грязь с ладоней — правда, не слишком удачно.

— Да, наверное, — Алла с сомнением посмотрела на машину. — Ты готов рискнуть на такую поездку? Вдруг...

— Никаких вдруг, — перебил я. — Доедем в лучшем виде, в Волге искупаемся, там вода уже горячая будет. И по дороге есть классные места, на которые стоит посмотреть. Ты же никогда не была в той стороне? Ниж... Горький, Казань, Уфа?

Я неопределенно мотнул головой туда, где по моим представлениям должен был находиться восток. Но Алла меня поняла.

— Нет, ни разу, — она помотала головой. — Я только на юг с мамой ездила... и с тобой тоже. А так всё в Москве и в Москве. В детстве всё лето — с бабушкой на даче... Мама последние годы перед... никуда не выбиралась, ну и я тоже. А отец по командировкам...

— Ну вот и посмотришь, насколько широка наша родная страна, — я улыбнулся. — Если Валентин цену не заломит. Хотя если ты будешь спрашивать — может, постыдится? — я сделал вид, что задумался. — Да, именно так и поступим — ты будешь спрашивать. И при Михаиле Сергеевиче. Тот вообще тебя балует.

— Скажешь тоже... — Алла откровенно засмушалась.

— Так, ладно, — я решительно стукнул одну ладонь о другую. — Хватит жечь чужой бензин, пора и честь знать. Поедешь со мной сегодня к Стасу? А потом можем по центру прогуляться... если Валентин снова не выскочит, как чертик из коробочки, с очередным невыполнимым, но жутко секретным поручением...

Я заглушил двигатель, захлопнул капот и — после секундного колебания всё-таки дошел до багажника, открыл его...

Постоял в ступоре пару секунд, закрыл крышку до характерного щелчка, запер на ключ.

И ещё более решительно сказал:

— Всё, пойдём, и так много времени потеряли.

Если всё идет по плану — значит, что-то упущено. С планами у меня в последнее время было так себе, я больше реагировал на внезапные события, но в целом считал, что жизнь у меня наладилась. За глобальное будущее теперь отвечали Михаил Сергеевич с Валентином, а я мог заниматься более интересной фигней — например, устраивать свою личную жизнь и думать о приобретении древнего автомобиля в личную собственность. Конечно, всему этому мешали какие-то отголоски прошлого, о которых я совсем недавно и понятия не имел, но эти неприятности были преходящими, хотя и немного надоедливыми.

Но оказалось, что пока я радовался тому, как удачно свалил знание будущего на парочку людей из властных структур, эти самые люди имели собственные виды на меня. Они словно играли со мной в кошки-мышки, выстраивая всё так, чтобы я сам послушно брел в их не слишком вычурную мышеловку. И главная проблема состояла в том, что я не мог не идти в ловушку, даже если вдруг решу взбрыкнуть и поломать все планы своих кураторов.

Точнее, в каком-то радикальном варианте будущего мне просто отстреляют мою слишком хитрую задницу — просто так, чтобы устранить лишний источник возмущений и головной боли. Но это самый крайний вариант, на тот случай, если я всё-таки решу поискать другой путь, который не заканчивается рядом с куском сыра, нацепленного на рычаг замаскированного капкана. Например, если я решу открыться ещё кому-то — или же просто уеду на родину, чтобы отсидеть там, под призрачной защитой родителей, в каком-нибудь

медвежьим углу. Правда, с медведями там действительно всё было хорошо, но в определенных случаях они на людей всё же не бросались. В отличие от других людей.

В общем, в одну линию выстроились мама Родиона, те забавные гэбешные следователи, два дня, проведенных на нарах в страшной тюрьме, наезд на Стаса. А также вроде бы бездельная поездка на шашлыки, где мне показали новую дачу товарища Горбачева, которого я выставил перед стариком и Валентином главным виновником всех бед, которые случились с нашей общей родиной за последующие сорок лет.

И хитрый план Валентин теперь был передо мной, как на ладони — подобно игрушечному с того расстояния домику за рекой.

Дело в том, что багажник «Победы» не был предназначен для большого груза — это был небольшой отсек в конце каплевидной задней части, обычно полностью занятый запасным колесом. Но сейчас там не было никакого колеса. Там лежала винтовка с оптическим прицелом и глушителем, а рядом — невзрачная коробка патронов, один из которых был аккуратно, но с намеком поставлен рядом тусклой пулей вверх.

В общем, как говорилось в старой присказке из будущего — кофе это он, а оно — это говно и государство.

Я плохо разбирался в огнестрельном оружии — если, конечно, это не касалось различных видов самопалов, которых я наделал собственными руками целую грудку. Я ещё мог отличить «трехлинейку» от ППШ, не путал М-16 и АКМ, но со всем остальным плавал конкретно. Среди короткостволов я худо-бедно выделял револьверы и маузеры, а все остальные стреляющие игрушки у меня сводились к отечественным ТТ, ПМ или буржуйским «глокам» — но последние я мог узнать разве что по надписям. Например, про тот пистолетик, из которого в нас стрелял Родион, меня просветили пришедшие милиционеры — оказывается, по меркам СССР это оружие считалось почти «мелкашкой» с нестандартным калибром в шесть с чем-то миллиметров. Про его конструктора — какого-то Коровина — я что-то слышал, но тут моя память давала серьезные сбои. Впрочем, менее опасной эта хрень от своего несерьезного калибра не становилась. Умереть мы могли вполне по-настоящему. [1]

Винтовка в «Победе», кажется, не была «трехлинейкой» и точно не относилась к классу автоматов товарища Калашникова. Она была относительно длинной, лежала в багажнике чуть наискосок, а снизу у неё торчала железная обойма — были ли подобные у винтовок Мосина, я не помнил. Но в любом случае эта штука оставалась опасной — особенно для тех, кто находится на одной прямой с её длинным стволом. Ну а прикрученная сверху оптика как бы намекала на то, как я должен эту винтовку использовать.

Впрочем, намек был более чем прозрачный. Мне следовало сесть в машину, отправиться в деревню Никифоровку — и там без всяких шашлыков забраться на приметный утес, устроить позицию и, дождавшись появления цели, произвести ликвидацию. Видимо, Валентин ничуть не кривил душой, когда говорил, что физически устранить члена Политбюро значительно проще, чем действовать политическими методами. Но сам он руки марасть не торопился, доверив это простое дельце человеку, который, в принципе, был им с товарищем Смиртюковым особо и не нужен. Ведь после убийства — давайте называть вещи своими именами — Горбачева мой вариант истории точно не будет реализован, и все мои знания будущего окажутся бесполезными. Возможно, из меня что-то ещё повыжимают в субботу, но дальше игнорировать намеки Валентина, скорее всего, будет невозможно.

А оказаться в положении цели для хозяина этого ружья мне дико не хотелось.

Как и убивать Горбачева.

[1] 6,35-мм пистолет Коровина образца 1926 года. Официально на вооружении не стоял, был гражданско-спортивным оружием, хотя во время войны использовался.

Глава 20. Новый «Гулливер»

В субботу я проснулся слишком рано — всё-таки не каждый день мальчишки узнают, что их ждет скорая смерть. В принципе, я удивлялся, что вообще смог заснуть вечером, но за это можно было поблагодарить молодой организм и Аллу. Кажется, перед пробуждением мне снился какой-то тупой кошмар, но он забылся сразу, как только я открыл глаза.

Я посмотрел на мирно посапывающую Аллу, тихонько выбрался из-под одеяла и отправился на кухню. Телевизор в это время суток был самой бесполезной вещью в домашнем хозяйстве, а включать магнитофон и слушать что-то из того скудного набора попсы, что был в нашей фонотеке, мне не хотелось. Поэтому я просто сидел за кухонным столом и думал.

Очевидно, что Валентин ожидает от меня совершенно определенных действий. И ещё более очевидно, что далеко убежать от той деревни после убийства Горбачева я не успею — если там действительно есть охрана, она уж как-нибудь сумеет поднять тревогу, а сеть постов ГАИ на западе от Москвы достаточно густая. Отстреливаться от погони из винтовки, одновременно крутя руль и выбирая, куда ехать? Есть более простые способы покончить с собой.

В том, что после поимки и суда меня расстреляют, я не сомневался. Сейчас СССР конечно, был государством травоядным — но только если сравнивать его с СССР тридцатилетней или сорокалетней давности. Я когда-то видел статистику смертных приговоров — в восьмидесятые такой приговор выносили паре сотен преступников в год, причем часто за вполне себе экономическое «хищение социалистической собственности». Кажется, совсем недавно, год или два назад, тут расстреляли какую-то женщину, которая заведовала кафе в одном из черноморских курортов — она неведомым образом через своё заведение умудрилась стать чуть ли не долларовой миллионершей. И это за простые хищения, пусть и в крупном размере. Убийство одного из членов Политбюро тут вряд ли простят, и это как раз тот случай, когда неотвратимость наказания — не пустой звук. Менты носом землю рыть будут, но найдут преступника. [1]

Валентин, наверное, смог бы меня прикрыть — если бы захотел. Но я почему-то предполагал, что он не захочет — слишком уж всё было обставлено в стиле фильмов про Джеймса Бонда. Внезапный арест, не менее внезапная поездка в черту на рога, где вдруг обнаружилась дача будущего неоднозначного Генсека... случайно подвернувшаяся отцова машина, которую Валентин и не думал продавать, и которая после стольких лет не покрылась ни плесенью, ни ржавчиной и спокойно завелась. И совершенно случайно оказавшаяся в багажнике этой машины изготовленная к стрельбе снайперская винтовка.

Я не исключал, что в одном из карманов пиджака Валентин бережно хранит заявление в соответствующие органы, которому даст ход сразу, как только та самая Галя позвонит ему, чтобы сообщить о том, что клиент прибыл на точку. А в том заявлении всё будет так, как надо — мол, обманул проклятый попаданец, угнал машину, украл ружье, надо его срочно поймать, пока он ничего плохого не совершил. Я не исключал и того, что они с Михаилом Сергеевичем, который не Горбачёв, очень злобно улыбались, когда придумали, как одновременно избавиться сразу от парочки неудобных персонажей.

Им, в принципе, даже не нужно опасаться, что на допросах я раскрою какие-то тайны или признаюсь, что знаю, что будет в будущем. Скорее всего, люди Валентина прикончат

меня прямо при задержании, ведь я вооружен и очень опасен, а рисковать жизнями сотрудников КГБ или милиции нельзя, они ведь и пострадать могут. Ну а мертвые попаданцы молчат и тайн не выдают — как и любые другие мертвые люди.

Правда, я не собирался безропотно тащиться туда, куда меня так активно подталкивают. В конце концов, это могла быть и элементарная проверка — до этого мне удалось не стать убийцей, но, возможно, дело в несчастливом стечении обстоятельств? И если случай будет на моей стороне, а я получу все необходимые средства — достаточно этого будет, чтобы ступить на опасную почву настоящего смертоубийства? Возможно, старик с Валентином и сами хотели каких-то гарантий — мало ли что придет в голову человеку, который большую часть сознательной жизни прожил при страшном капитализме, а при упоминании коммунистических идеалов лишь скептически улыбался.

Но все эти переживания не помешали мне выполнить один из пунктов когда-то намеченного плана, хотя сейчас я действовал как биоробот, который видит бессмысленность всего сущего, но не может противиться однажды прошитой в его мозгах программе. Поэтому около восьми часов утра я тихо собрался и отправился в Сокольники, чтобы хоть немного продвинуться по пути ремонта совершенно ненужного мне мопеда.

Тамошний магазин, посвященный велосипедам и мото-технике, открывался в девять, но вокруг уже толпилось некоторое количество страждущих, среди которых нашлись и те, кто был мне нужен. Пара случайных разговоров ни о чем, несколько наводящих вопросов — и меня познакомили с человеком, к которому надо было обращаться по уменьшительно-ласкательному имени Костик. «Покровские ворота» вышли относительно недавно, в прошлом году, и этот товарищ действительно был немного похож на героя Меньшикова — правда, был старше того студента чуть ли не вдвое.

Но Костик оказался человеком деловым, а, главное, знающим. В мопедах он разбирался очень неплохо — во всяком случае, на словах, — и пообещал мне через неделю притащить сюда вилку и переднее колесо от пятой «Верховины»; цена вопроса была божеской, из чего я сделал вывод, что нужные запчасти ребята тупо пиздят прямо с завода. А вот с поршнем он смог помочь мне прямо здесь и сейчас.

Мы зашли во двор ближайшего дома, спустились в подвал, где в весьма приличного размера клетушке на деревянных полках лежали груды запчастей ко всему, что движется и не движется, но может это делать. Одна из полок была отведена под небольшого размера поршни — как раз для моторчиков всяких мопедов и мелких мотоциклов. Костик разрешил мне полазить по этому богатству со штангенциркулем и, кажется, был впечатлен моим рассказом о том, что заводские размеры поршней и цилиндров имеют весьма серьезные допуски. Он даже позволил мне проделать ту же операцию с лежащими рядом цилиндрами — и взял за всё лишь десятку, добавив кольца и несколько нужных уплотнителей от душевной широты.

Новоприобретенное богатство я отнес в гараж и проверил посадочные места — советские заводы изредка их произвольно меняли по непонятному принципу, так что запчасть могла не подходить к механизму с той же самой номенклатурой. Но тут теория вероятности сработала в мою сторону; оставалось только собрать движок и немного отрегулировать люфты в коробке передач. Ну а на следующих выходных я надеялся произвести окончательный ремонт этого чуда враждебной техники и поразить обитателей гаражного кооператива ровным рычанием свежотремонтированного моторчика.

Если, конечно, меня не убьют во время или сразу после покушения на жизнь товарища Горбачева.

— Как думаешь, зачем нас сегодня позвали?

Когда я добрался до дома, Алла уже проснулась и пыталась приготовить завтрак — похожий на тот, что обычно делал я. Но она была настоящим гуманитарием, не понимающих самых элементарных принципов готовки — и мои неоднократные объяснения своих действий, кажется, пропадали даром. Пришлось усаживать её за стол и заниматься готовкой самому. Заодно я похвастался своими покупками и позвал её вместе с магнитофоном составить мне компанию в гараже в воскресенье — я всё ещё надеялся, что у нас будет это воскресенье, и что оно будет обычным, ничем не примечательным днём.

Две «пятерки» по двум экзаменам настроили меня на благодушный лад. В понедельник меня ждала физика; я уже не попал на консультацию — она была в пятницу, но всё равно рассчитывал на приличную оценку. В прошлой жизни, кажется, я легко получил «хорошо» — и собирался повторить этот подвиг снова.

Названия предметов, которые сдавала Алла, вводили меня в ступор — я в упор не мог понять, что может означать формулировка про «рецептивные и продуктивные виды речевой деятельности», хотя Алла и попыталась мне это объяснить. Но, видимо, лингвистика точно не была моим сильным местом, несмотря на то, что в определенных кругах я мог считаться полиглотом.

— Да бог их знает, — я пожал плечами. — Отказываться в любом случае неудобно, они для нас очень много сделали, да и не по-человечески это... покатаемся, вкусно покушаем, выпьем приличного вина... для субботы очень неплохое времяпрепровождение. Ты лучше позвони своему Диме — вдруг сможем с ним пересечься по дороге? Дело к нему есть, на сто миллионов.

— Диме? — удивилась Алла. — А что за дело?

— Я же тебе рассказывал, что меня в комитет комсомола хотят двинуть... вот это первое комсомольское задание — хотят концерт у нас организовать. «Кино», скорее всего, пригласить не разрешат, хотя мне те ребята понравились, но вдруг у Димы есть ещё кто на примете?

— О, это классная идея! Позвоню, конечно.

Она подскочила и унеслась в прихожую, оставив недоеденный тост, на который я немедленно наложил лапу.

Встречаться Врубель отказался — у него были какие-то дела, в которые я не стал вникать, — но согласился переговорить со мной по телефону.

— Привет, — поздоровался я. — Дим, тут такое дело — Наш комсомол хочет под конец сессии организовать что-то типа небольшого рок-концерта. Лучше всего одну группу и чтобы она не слишком сомнительной была... ну, ты понимаешь. Обычная музыка, обычные тексты. Сразу предупрежу — «Машину» они не примут. Я бы им «Кино» подсунул, если бы у ребят полный состав был, но в нынешнем виде их завернут за непрофессионализм.

Про запрет на продукцию ленинградского рок-клуба я решил не упоминать.

В трубке на какое-то время повисло молчание.

— М-да, задачку ты задал... — наконец сказал он. — А там как, бесплатно выступать?

— Это в понедельник будет понятно, — ответил я. — Или позже, бюрократия же... но

предварительно я их предупредил, что бесплатный сыр водится только в мышеловках. Так что какие-то ставки по договорам ребята, думаю, получают.

— Если за ставку, то попроще будет, — чуть более радостным голосом сказал Врубель. — Знаешь, есть одни ребята, образовались в прошлом году, но уже опытные, играют хорошо, песни сами пишут и состав у них полный. Недавно магнитоальбом записали...

— Что за группа и что за альбом? — уточнил я.

— Альбом «Рок-чемодан» называется, — в трубке раздался смешок. — Но не бойся, там действительно рок.

— Да я и не боюсь... — вернее, этого не боюсь, а вот другого очень опасаясь. — А что за команда?

— «Гулливёр», — Врубель засопел, видимо, приготовившись давать мне отповедь по поводу несерьезного названия. — Там Лёшка Айдоницкий и Серега Галанин... они с Женькой в одной группе раньше играли, но потом разбежались. [2]

— С каким Женькой?

— Да из «Браво» же, вы на их концерт ходили. Поет там девчонка, а он...

— Постой-постой... Хавтан... а как фамилия второго — Галанин? Я правильно услышал?

— Да, точно так. Галанин, Серёга.

Я никогда не слышал про группу «Гулливёр» и вряд ли был знаком с их творчеством. Но Галанина я знал — всё наше поколение знало. Во время перестройки они на пару с Сукачевым создадут «Бригаду С» и будут выдавать неплохой хулиганский рок-н-ролл; правда, чуть позже испортятся, как и все рокеры советского времени. Сукачев, кажется, будет тащить эту «Бригаду» очень долго, а Галанин создаст группу имени себя, «СерьГа», в которой споет свой чуть ли не единственный хит — «А что мне надо? Да просто свет в оконце!».

В общем, я перестал волноваться по поводу этого «Гулливёра». Скорее всего, они тоже поют что-то глубокомысленно-роковое без всякого политического подтекста, как многие представители русского рока этого времени. В принципе, поначалу я собирался выпросить у Врубеля какую-нибудь кавер-группу, которая развлечет студентов западными хитами, но и такой вариант был вполне приемлем.

— Дим, думаю, они подойдут, — сказал я. — Нужны тексточки песен, которые они будут петь — шпук десять хватит... а альбом я поищу в звукозаписи. Как он называется — «Рок-чемодан»?

— Да, так... — подтвердил Врубель. — Но лучше не в звукозаписи, а в киосках у трех вокзалов, там они точно должны быть. Насчет текстов — сделаем, попрошу знакомых подготовить, требования известны, так что оформим всё по высшему разряду. Завтра вечером уже можно будет забрать.

На этом мы и порешили.

Врубель, похоже, редко заглядывал в звукозаписи — в знакомой мне комнатке на Соколе «Гулливёр» имелся. Правда, тратится на импортную пленку я не стал — не ради русского рока, — так что их музыку я слушал с советской «МК». «Романтик» ради такого случая я потащил с собой, а место для прослушивания мы с Аллой нашли в небольшом скверике рядом с церковью за станцией метро — там было относительно тихо, шум от

Ленинградки туда пока не добивал, а никаких служб у монахов сегодня, кажется, не было.

В принципе, «Гулливер» был тем, что нужно комсомольцам для их отчета. Наверное, какие-то песни они исключают из концертного плейлиста как сомнительные с идеологической точки зрения, но не обязательно, потому что в целом группа ничего особого не делала. У них, правда, была тяжеловатая гитара, но в основном именуемый музыкой шум создавали популярные сейчас синтезаторы и какие-то приглушенные ударные. Если убрать из уравнения гитару, этих поклонников Джонатана Свифта будет не отличить от «Ласкового мая» или «Миража» более позднего времени. Впрочем, влезать в продюсирование этой команды я не собирался — разберутся как-нибудь и без меня. Главное, чтобы райкомовские тетушки не возмутились продвигаемым мною непотребством — я про «Гулливера» действительно ничего не знал, а они могли, например, уже сотворить какую-либо жуткую для комсомольцев крамолу.

Но я надеялся на лучшее.

— Пусть цветет зимой и летом наш веселый хеви-метал... — пробормотал я и повернулся к Алле, которая слушала «Гулливера» очень внимательно: — И как тебе?

— Знаешь, кажется, я была на их концерте... в прошлом году, зимой, — она смешно наморщила лобик. — Да, точно была, с Ирккой, они в Долгопрудном выступали, мы туда часа два добирались. А потом ещё и обратно. По мне — нормально... громковато, наверное, но тогда нам понравилось.

— Зрители тоже напивались?

— Нет, там строго с этим было... хотя все выпили... мы тоже тогда с Ирккой бутылку напополам распили в туалете и ещё одну девчонку угостили. Поэтому и танцевали, как угорелые.

Я представил, как будут танцевать под весьма бодрый рок выпившие заборостроители, и подумал, что будет хорошо, если после этих плясок меня не распнут в райкоме рядом с бюстом Ленина и переходящим красным знаменем.

Те две женщины-комсомолки выглядели вполне способными на такой поступок.

Если не считать того, что я слегка не выспался, то сегодня был определенно удачный день. Все мои начинания заканчивались успешно, и я всерьез рассчитывал, что и визит к старику завершится на хорошей ноте. В конце концов, не будут же они прямо при Алле требовать, чтобы я срочно отправился в ту деревню у реки и застрелил одного из ведущих политиков страны? Или всё-таки могут?

У меня не было ответа на этот вопрос. Даже приглашение нашей пары на встречу могло иметь двойное дно — по идее, я им нужен был один, Алла будет только мешать откровенному разговору о будущем. Я их предупреждал о том, что она не в курсе моей истинной природы, а также упоминал, что хочу, чтобы так оставалось и дальше. Уж не знаю, насколько они прислушиваются к моим пожеланиям, но пока что старик с Валентином не практиковали ничего, что шло бы вразрез с моими интересами. Если, конечно, не считать снайперского ружья в багажнике рабочей «Победы». Но и в этом деле мне нужна была определенность, которой я вряд ли дождусь, если рядом со мной будет сидеть Алла.

Был ещё самый хреновый вариант из всех хреновых вариантов — на даче старика нас ждет засада, которая скрутит несчастную девушку, запрет её в подвале, а мне выкатят условия: либо я в течение двадцати четырех часов делаю то, что нужно, либо буду молча наблюдать, как от моей невесты отрезают кусок за куском.

Впрочем, это была моя фантазия — в прошлые выходные мы с Аллой находились в полной власти того же Валентина, которому достаточно было не выпускать нас из тех мемориальных камер. К тому же за нами по-прежнему приглядывали ребята этого непонятого подполковника госбезопасности, которые могли бы повернуть похищение в любой момент. Но нет — они дали нам погулять на свободе всю эту неделю, подготовиться и сдать экзамены. Они вообще вели себя так, словно совершенно не опасались нашего побега.

Но мы и не сбежали, а сидели на месте, как привязанные.

В общем, меня раздирали сомнения и противоречия во всех версиях будущих событий, которые я придумал и продумал до самых мелочей. Ну а втайне я надеялся, что ничего не будет, а сегодня будет только полусладкое вино и вкусные закуски.

На этой мысли я решительно нажал на кнопку звонка дачи Михаила Сергеевича Смиртюкова, до которой мы добрались без пяти минут назначенное время.

[1] Егора подводит память — Берта Бородкина с 1974-й по 1982-й год была управляющей Геленджикским трестом ресторанов и столовых Главкурорта министерства торговли РСФСР, то есть курировала всю торговлю этого курортного местечка. Наворовати успела прилично — было доказано хищение около миллиона рублей. Арестовали её в 1982-м, суд завершился в апреле 1984-го, а расстреляли её в 1985-м. Впрочем, есть версия, что приговор так и не был приведен в исполнение, но куда она делась — неизвестно. Возможно, Бородкина тихо померла в тюрьме — в середине 80-х ей было около шестидесяти лет, а расстрел обычно меняли на 15 лет строго режима.

[2] На самом деле напарником Галанина был Алексей Аедоницкий — сын советского композитора Павла Аедоницкого. А вообще вся эта банда вышла из института иностранных языков имени Тореца, где учились Галанин, Хавтан и вот этот Аедоницкий. Поначалу они играли мажорный рок-н-ролл, потом перешли на собственный репертуар (группа называлась «Редкая птица»), а когда Хавтан занялся «Браво», двое оставшихся создали «Гулливера». После распада этой группы в 1986-м Аедоницкий так нигде больше и не играл, но с его творчеством знакомы все телезрители — инструментальные заставки его авторства звучат во многих передачах.

Глава 21. Обед на троих

Первое, что бросилось мне глаза на участке — знакомая черная «Победа», которая стояла поперек места для парковки. За ночь и утро кто-то добросовестно отмыл у машины все стекла и, кажется, прошелся полиролью по лаковому покрытию. Но это был именно он, тот самый «ГАЗ М-20» 1955 года выпуска, которым мы с Аллой любовались вчера в гараже в промзоне у Полежаевской.

Алла тоже её увидела и остановилась, недоуменно глядя на меня.

— Егор, это же она?..

— Она, она, — я с натугой улыбнулся. — Видимо, Валентин решил, что машинка нам понравилась, вот и притащил её сюда... так что готовься к торгу, думаю, будет сильно уговаривать, чтобы мы её забрали.

Про себя же я подумал, что чуть ли не основной линией будущего становится вариант с захватом Аллы в заложники и отправкой меня на смертоубийство Горбачева. Правда, у «Победы» был открыт багажник — и я не удержался. Прошелся прямо по свежескошенному газону, заглянул внутрь...

Винтовки там, разумеется, не было.

Недовольный взгляд человека из органов — или откуда он там был, — который открыл нам калитку, я проигнорировал.

— Михаил Сергеевич уже ждет, — всё-таки вмешался тот.

— Да, конечно, — кивнул я.

И попытался через боковые окошки рассмотреть, что творится в салоне — но неудачно. Вечером обещали дождь, а сейчас по небу бежали тяжелые облака, которые отражались в стеклах и превращали их в подобие зеркал. Я плюнул на свои изыскания, закрыл багажник и пошел к дому.

Мне не нравилось начало этой встречи и не нравились мои мысли. Игра старика и Валентина становилась слишком сложной для моих мозгов — мне хотелось чего-то простого и понятного, но они устанавливали всё новые и новые правила, а к самой игре пока так и не приступали. Это, пожалуй, тяготило больше всего — мне очень хотелось хоть какой-то определенности.

И ещё я хотел дожить до того времени, когда эта самая определенность наступит.

Старик был один, а обед — обедом. Правда, простым его можно назвать лишь по сравнению с каким-либо торжественным приемом, которые во множестве устраивают в Кремле в честь визита делегаций дружественных и не очень стран. Я на таких церемониальных действиях, разумеется, никогда не был, но репортажей оттуда за свою жизнь повидал немало.

Охранник пропустил нас в дом, но сам остался на улице. Внутри нас перехватила женщина в белом переднике и крахмальной шапочке — я узнал официантку, которая приносила нам блюда в предыдущий раз. Она проводила нас в гостиную, где в гордом одиночестве сидел Михаил Сергеевич — он с явным безразличием смотрел какую-то странную передачу про ПТУ и на наше появление отреагировал как человек, который наконец увидел возможность отвлечься от очень скучного занятия.

— Аллочка, Егор, добрый день! — он поднялся, подошел к нам, трижды поцеловал Аллу

в губы, а мне потряс руку. — Рад вас видеть. Как добрались?

— Без особых приключений, — я улыбнулся.

Старик выглядел слишком бодрым для позднего субботнего утра. Впрочем, я не знал, какое у него было расписание — может, он проснулся лишь полчаса назад и только что закончил зарядку и водные процедуры.

— Без приключений это хорошо, — радостно ответил он. — Проходите, садитесь... сейчас будет обедать — только-только блюда привезли из нашей столовой.

Меня немного удивила такая забота партии и правительства о жизни простых функционеров, но я не стал это комментировать. «Наша» — это явно какое-то предприятие Совета министров; возможно, в предыдущие мои визиты к старику сервировкой стола тоже занимались профессионалы своего дела. Кроме, конечно, самого первого раза, когда я появился у Михаила Сергеевича на пороге очень неожиданно и внезапно. У него тогда не было времени заказать в «своей» столовой что-либо подходящее случаю и времени суток.

А сейчас всё было запланировано заблаговременно, так что столовские служащие успели и приготовить нужные блюда в нужном количестве, и привезти их в приметный домик в поселке художников. В принципе, такой образ жизни мне нравился. Жаль, что простым студентам он был недоступен.

И простым рабочим тоже — им приходилось самим заботиться о хлебе насущном. Я с тоской вспомнил сервисы доставки буквально всего, к которым очень привык в будущем. Тут, кстати, было что-то подобное — выпускались всякие каталоги, но заказывать представленные в них товары надо было через почту, а потом ещё сколько-то ждать заветную посылку. В общем, никакой тебе пиццы через тридцать минут после пары минут залипания в телефоне.

Впрочем, пиццы в Стране Советов пока что тоже не было. Её можно было приготовить, конечно, но только самому — и с неясным результатом. Я, например, даже не брался.

— А Валентин?.. — спросил я, когда мы устроились за столом в ожидании праздника живота.

Алле снова перепало понравившиеся ей грузинское вино, старик сходу опрокинул стопочку водки, а я поначалу решил побыть трезвенником, но потом соблазнился бутылочкой «Будвайзера», оставшейся с прошлого раза. Устоять перед хорошим пивом я категорически не мог.

— Валя занят, у него дела по его... хм... профессии, — туманно объяснил Михаил Сергеевич. — Он попозже подъедет, недавно звонил, обещал.

— Ничего серьезного? — зачем-то уточнил я.

— Я ему такие вопросы не задаю и тебе не советую, — улыбнулся старик. — Не люблю слышать стальные нотки в его голосе. Как вы перенесли то, что случилось в прошлые выходные? Валя говорил, что вы вроде бы в порядке, я и сам гляжу — всё хорошо... но, возможно, вы что-то решили не говорить.

Он внимательно посмотрел на Аллу, которая засмушалась и пробормотала что-то типа «всё нормально». А потом старик перевел взгляд на меня — и я понял, что он ожидает развернутого ответа. Впрочем, прямо упоминать тюрьму на Лубянке я не решился — неизвестно, как далеко от нас находится так официантка и насколько большой у неё допуск.

— Хм... понимаете, Михаил Сергеевич, такое времяпрепровождение, конечно, не самое приятное, что можно пережить в жизни. Но нас не мучили, кормили относительно

хорошо, — я приподнял полупустую бутылку, — я историю вызубрил и потом сдал её на «отлично»... даже подумываю попросить у Валентина ещё пару дней этого санатория перед алгеброй — экзамен сложный, а там ничего не отвлекает.

Старик понятливо кивнул.

— Хорошо, что вы сохранили присутствие духа и не озлобились, — сказал он. — Я знал таких людей... в прошлом... Но знал и других — для них малейший дискомфорт оказывался губительным, обнажал их самые худшие черты характера... было больно смотреть на бывших товарищей, которые не могли понять... Надеюсь, вы поняли и простили. Вале я доверяю, а он говорит, что другого выхода не было.

Судя по всему, Михаил Сергеевич вспоминал какие-то случаи из конца тридцатых или сороковых. Сколько он там, в правительстве, задницу протирает? Полвека? Как раз застал всё самое интересное с точки зрения историков будущего. Но я не дал понять, что хорошо понял его слова и их потаенный смысл. Алла, конечно, читала Солженицына, но вряд ли вынесла из прочитанного истинный масштаб трагедии, происходившей в то время.

— Нам он то же самое говорил, — я кивнул. — Но тут всё очень двойственно. Конечно, хорошо, что коллеги Валентина и он сам смогли сделать то, что нужно. С другой стороны — жаль, что для этого нам с Аллой пришлось вот так...

— Да, жаль... — согласился Михаил Сергеевич. — Я не могу обещать, что подобного больше не повторится — как вы понимаете, таких обещаний вам никто не даст. Но я очень надеюсь, что нужды в подобных экстраординарных мерах больше не возникнет.

Я от всей души согласился, а сам подумал — в любом случае, если нужда возникнет, они знают, где нас искать.

До суперсекретной папки дело дошло только после того, как мы отведали все приготовленные в «ихней» столовой блюда, а официантка принесла нам десерт — политое клубничным вареньем мороженое-пломбир в высоких стеклянных креманках и с обязательной накрахмаленной салфеткой. По моему мнению, крахмал на салфетках был самой бестолковой растратой государственного имущества.

Я всё ждал, что старик предложит Алле, например, прогуляться по участку, но тот полностью проигнорировал присутствие девушки — взял у меня папку и начал внимательно проглядывать мои пометки. Впрочем, уже на первом листке он остановился и недоуменно посмотрел на меня.

— Егор, если это шифр, то мне нужен ключ. Боюсь, сам я буду искать разгадку очень долго.

Больше всего времени с этим списком я потерял, сочиняя понятные мне, но не посторонним сокращения и отслеживая, чтобы одно и то же понятие не было представлено двумя разными аббревиатурами. В результате шпионы увидели бы в папке лишь обширный список малоизвестных и совсем неизвестных деятелей советского государства с кучей букв рядом. Поскольку я и сам не был сильно уверен в собственной памяти, я все сокращения свёл на отдельном листочке, который и протянул старику.

— Вот, решил не рисковать.

Он неодобрительно покрутил головой и сурово сказал:

— Это было лишнее.

Я лишь мысленно пожал плечами.

Михаил Сергеевич быстро изучил мой листок и снова обратил своё внимание на

содержимое папки. Заняло у него это минут пять — за это время мы с Аллой как раз расправились с мороженым и в блаженстве откинулись на спинки стульев.

— Негусто, — подвел старик итог. — Я надеялся, что ты вспомнишь больше.

— Почти четверть — это нормально, — парировал я. — Не всем свойственно влипать в историю.

Он улыбнулся.

— Это ты точно заметил — такое действительно дано не всем... вот, помню... хотя ладно, не сейчас, — оборвал он самого себя. — А ты готов кого-то из этих людей... скажем, выделить?

«Смотря для чего». Это просто просилось на язык, но решил, как выразался Валентин, не юродствовать. В принципе, в списке имелась пара членов ГКЧП — Бакланов, который сейчас работает министром общего машиностроения, и Павлов, будущий премьер-министром СССР и лицо знаменитой «павловской» реформы 1991 года. Чем он занимается сейчас, я не знал — в газетах, которые я читал, про него ничего не было, хотя другие Павловы попадались. Но раз он попал в этот список, то его во властных структурах знают, примечают и планируют к повышению. Для меня этот Павлов был личностью сомнительной — правительство он возглавлял несколько месяцев, и я подозревал, что в тех обстоятельствах действовать иначе было нельзя.

Аналогичная ситуация была и с Баклановым — я просто не знал, как к нему относиться. Инкриминировать участие в ГКЧП? Я склонялся к мысли, что этот путч был такой наивной попыткой сохранения Союза, а это означало, что члены комитета были идеалистами, слегка попутавшими берега. Впрочем, Пуго это не помешало застрелиться — верный своим идеалам, он поставил на кон свою честь и жизнь. Но остальные прожили достаточно длинные жизни, а когда померли — ни у кого не нашлось про них худого слова, хотя в августе 1991-го их как только не склоняли.

Но их нерешительность — последнее, что сейчас нужно стране, поэтому выделять именно их я не торопился. Все остальные лица тоже мне не нравились — говорить хорошо про Шеварнадзе или Алиева я не стал бы даже под угрозой расстрела, Назарбаева — как и любых других будущих среднеазиатских царьков — ненавидел тихой ненавистью. Ну а Гайдара-внука, тоже попавшего в эту папку, я закапывал с особым тщанием — ещё одна именная денежная реформа, проведенная этим наследником революционного деда в 1992 году, окончательно похоронила шансы моих родителей хоть как-то пристроить накопленные трудовые тысячи.

Я покачал головой.

— Нет, никого, — ответил я. — Но отмечу, что список слишком странный, что есть, то есть. Можете внести это замечание в протокол... если он ведется.

Михаил Сергеевич улыбнулся.

— Нет, никаких протоколов, у нас неофициальная встреча, — сказал он и внезапно сменил тему: — Алла, я слышал, что ты хорошо знаешь немецкий язык. Это так?

— Да... у меня одни «пятерки» по нему, даже по разговорному курсу.

Было видно, что Алла слегка растерялась. Пока мы обсуждали совсекретную папку, она сидела тише воды, ниже травы — и, кажется, опасалась, что её действительно могут выгнать из комнаты; она же не знала, что я этого не допущу. Но и интерес старика к её академическим успехам ей польстил.

— Замечательно, — одобрительно сказал Михаил Сергеевич. — Один мой знакомый

как раз ищет человека ваших талантов, ему необходимо перевести одну статью с немецкого на русский, а ещё две — с русского на немецкий. Возьмешься?

— Не знаю... надо посмотреть, на какую тему... — Алла заколебалась. — Возможно, там есть какие-то особые термины, а я всё-таки пока только третий курс заканчиваю.

— Он уверял меня, что статьи не тематические, а, так сказать, общего направления. По каким-то причинам он не хочет проводить их официально, через свою организацию... но готов заплатить хороший гонорар. Не хочешь ознакомиться?

Алла посмотрела на меня — и я кивнул в ответ. Подработка — это то, что ей сейчас надо, чтобы отвлечься от дурных мыслей в голове. А заодно попробовать себя в качестве профессионального переводчика.

— Да, давайте посмотрим.

Михаил Сергеевич встал, мы поднялись вслед за ним.

— Вот и хорошо... это в кабинете, чуть дальше по коридору. А пока мы изучаем язык вероятного противника, Егор с Валентином займутся их делами...

Я резко обернулся.

В дверях гостиной стоял мой персональный подполковник КГБ, который улыбался во все тридцать два зуба.

Честно говоря, к этому моменту я заметно расслабился — сказались сытный и вкусный обед, выпитая бутылка пива и отличное мороженое. Даже странное предложение Михаила Сергеевича, которое он сделал Алле, не пробудило мою паранойю — словно у человека его положения нет возможности привлечь к любому делу нужного специалиста или даже целый институт. Ну а я ничего не заподозрил, лишь порадовался тому, что в наш семейный бюджет капнет ещё немного золота.

Но после появления Валентина всё встало на свои места, даже микродоза спиртного выветрилась без следа, словно я не пил сегодня никакого «Будвайзера». Я ясно осознал, что это именно то, чего я подспудно ждал и чего боялся. Сейчас мне тоже сделают предложение, и от моей реакции на него будет зависеть очень многое. И я сделал то небольшое, что было доступно мне в этой ситуации.

Я запаниковал.

— Д-добрый день, — запнулся я, глядя на Валентина взглядом кролика, перед которым внезапно появился удав.

Алла тоже пискнула что-то приветственное.

— Добрый-добрый, молодежь... — Валентин помахал Алле рукой. — Аллочка, я заберу твоего жениха?.. А чего это ты так глаза раскрыла? Опачки... Михал Сергеич, они, похоже, уже свадьбу наметили, а нас на неё даже приглашать не планируют!

Я и так был не в себе, а тут совсем потерял дар речи, просто открывал и закрывал рот. В похожем состоянии была и Алла, но она сумела выпалить:

— Валентин!

— Да, Валя, прекращай смущать ребят, — вмешался Михаил Сергеевич. — Свадьба — так свадьба, дело хорошее, совет им да любовь. Пригласят — придем, не пригласят — подарки пришлем. А сейчас давайте закончим с делами, выходной всё же... Пойдем, Алла.

Они скрылись в коридоре.

— Эх, не дает он мне развернуться... — со вздохом констатировал Валентин.

— А очень хочется? — обиженно спросил я. — Мы тут поговорим или... куда-то

поедем?

— Поедем. Но тут недалеко, — он, кажется, понял, что перегнул палку и неуклюже попытался меня успокоить. — Через час обратно вернемся.

«Ага, со скальпом Горбачева на поясе и всей милицией на хвосте».

— А куда едем?

— Я покажу. Тебе, кстати, как машина? Вы же её вчера смотрели?

— Да, вчера... нормальная. И совершенно не похоже, что она много лет простояла без движения, — сказал я.

— А это сын! — радостно объяснил он. — Месяца два назад занялся, как оказалось, пригнал бригаду — они её и починили.

— Сын? — удивился я. — Так, может, он этот автомобиль себе хочет? А вы его мне по дешевке загоните...

— Нет-нет, не хочет, ему что посовременнее подавай, — в голосе Валентина сквозило осуждение. — Я ему рассказал про новый ВАЗ... ещё и по своим каналам пробил — его «Спутником» назвать хотят, в декабре начнут собирать. Только дороговато выходит — почти девять тысяч...

— Дороговато, да, — согласился я. — Но она действительно посовременнее всей этой «классики». [1]

Я, конечно, мог бы рассказать, что «классику» ВАЗ будет гнать до победного, а вот «восьмерки» так толком и не приживутся, им на смену придут чуть более толковые «девятки». Но не стал — не моё дело в таких мелочах будущее прогнозировать.

— Посмотрим, — неопределенно сказал Валентин. — А пока давай, садись за руль... я покажу, куда ехать, тут действительно рядом.

У меня немного отлегло — деревня, из которой хорошо простреливалась дача Горбачева, была где угодно, только не «рядом».

[1] Продажа ВАЗ-2108 началась в первые месяцы 1985 года, стоила машина 8345 рублей. Впрочем, всякие 2105 и 2107 тогда стоили примерно столько же — цены сильно задрали перед Олимпиадой-80.

Глава 22. Проверка на дорогах

— Дешево... — с сомнением сказал я. — Почему так?

Ехать было действительно недалеко. Прямо перед каналом Волоколамское шоссе пересекало надвое симпатичный зеленый район; с севера этот район был ограничен парком Покровское-Стрешнево, до которого я снова пообещал себе добраться — как только у меня будут свободные выходные, — а с юга — петлей железной дороги Рижского направления. Почему-то это место облюбовали различные медицинские учреждения; одна из остановок общественного транспорта так и называлась — «Больница МПС». В моем будущем таксисты сюда ездили частенько — завозить больных и вывозить вылечившихся; в девяностые тут пытались организовать мафию по примеру вокзальных, но не сложилось — условия совершенно не те.

«Победа» — машинка не самая шустрая, до сотни почти минуту разгоняется, и это её скоростной потолок. Но она была приятной в управлении; до этого я на ней никогда не ездил, не довелось, но по ощущениям она была похожа на один из «шевроле» родом из американских пятидесятых. Наверное, тогда действительно что-то распыляли в воздухе, что способствовало созданию вещей для людей, а не для маркетинга. Впрочем, при наличии выбора я бы всё равно остановился на своем «соларисе» семнадцатого года, который устраивал меня по всем параметрам.

Но Валентин просил за «Победу» всего пятьсот рублей, и устоять против такого предложения было невозможно. Как и против перспективы показать Алле красоты Поволжья и Урала.

— Отец брал её за шестнадцать тысяч дореформенных, — Валентин слегка пожал плечами. — На нынешние это тысяча шестьсот, так что скидка по возрасту.

— Ваш сын недавно неплохо в неё вложился, — напомнил я.

— Нет, там всё без денег обошлось, — отмахнулся он. — Бери, не сомневайся. Считай свадебным подарком.

Он, похоже, рассчитывал на моё возмущение, но я лишь спокойно кивнул.

— Хорошо. Если подарком, то возьму.

— Хм... так вы с Аллой действительно — того? — с легким сомнением спросил Валентин.

— А по нам незаметно? — я ухмыльнулся. — И действительно, и того. Только дату ещё не выбирали. Но предложение я уже сделал, а Алла согласилась.

— Что ж, поздравляю... тогда тем более — буду настаивать, чтобы взял, — повеселел Валентин. — Но даром не отдам, даже не думай!

Вообще-то пятьсот рублей за машину на ходу в это время было почти даром, но об этом я решил Валентину не говорить — ещё обидится и аннулирует сделку. Правда, подарок был, как водится, с подвохом — передо мной в полный рост вставала проблема, где хранить эту ценность. Оставлять во дворе нельзя — к вечеру пацаны свинтят и отломают всё блестящее, а в ночи подтянутся те, кому не лень и фомкой пару раз махнуть, чтобы забрать всё ценное из салона, багажника и из-под капота. Сигнализации тут имелись, с ревунами от речных буксиров — такую Дима Семицветов на свою двадцать первую «Волгу» устанавливал, — но это время и деньги, причем без всяких гарантий. Страховать от угона тоже бессмысленно —

без гаража никто не заключит договор, да и с гаражом сто раз подумают. В общем, не было у бабы забот, купила баба поросся...

Впрочем, у меня выход был — на первое время я собирался использовать гараж Саныча по назначению, раз уж он оказался в моем распоряжении до самой осени. Правда, пол того гаража сейчас ровным слоем покрывали запчасти мопеда, но я надеялся, что к тому моменту, как «Победа» станет моей, завершу эту эпопею.

А что делать с собранной «Верховиной», я подумаю, когда она снова окажется на двух колесах. Можно было каким-то образом вывести его на родину. У «Победы» имелся задний фаркоп, и если найти рукастых ребят, то за пару пузырей они бы сшаманили что-то вроде перевозки для мопедика. Правда, я сомневался, что этим стоило заморачиваться. Лучше всё-таки сбавить эту двухколесную роскошь её прежнему хозяину и забыть этот эпизод своей жизни как дурной сон. К тому же теперь у меня было железное обоснование, почему мопед был лишним в моем хозяйстве — думаю, «Победа» убедит любого из обитателей того кооператива, что четыре колеса лучше двух.

Мы развернулись после канала, на Свободе, и потом заехали вглубь квартала, к одному из новых корпусов, который прятался за высоким бетонным забором. Ворота нам открыл хмурый дедок охранник, который не задал никаких вопросов, лишь кивнул на моё «здрассте». Мы остановились не у центрального входа, а рядом с неприметной рампой, ведущей вниз, в подвал, к которому и направился Валентин.

Ну и я за ним.

— Сюда, — он открыл дверь на середине этой рампы.

За дверью обнаружился длинный коридор, похожий на любые коридоры в подвалах — с бетонными же некрашеными стенами и пущенной сверху проводкой в открытых коробах. Через десяток шагов Валентин свернул направо, потом — налево... а потом я потерял счет этим поворотам и с тоской подумал, что если упущу своего провожатого, то выбраться отсюда сам не смогу. Коридор всё это время не менялся — такие же неряшливые серые стены и такие же тусклые лампочки-двадцатки. В полном соответствии с лозунгом про экономику, которая должна быть экономной.

Мы добрались до какого-то тупика; по моим представлениям, этот тупик находился либо под Кремлем, либо под Красногорском — шли мы чуть ли не дольше, чем ехали, со всеми разворотами и стояниями на светофорах. Тут было четыре двери — две слева и две справа, двери были обиты металлом, и на каждой из них имелось что-то вроде заслонки.

— Пришли, — констатировал Валентин.

— И что тут?

— Посмотри сам, — Валентин отодвинул заслонку на одной из дверей.

Я повиновался.

За дверью скрывалась самая настоящая камера, очень похожая на ту, в которой я неделю назад коротал выходные. Нары, привинченный к полу столик с парой пустых тарелок. Ну и непереносимый запах от парашки. В этой камере не хватало только обитателя. Я заставил себя вспомнить, что над нами находятся пять этажей самой настоящей больницы, в которой многочисленные врачи ведут прием самых обычных граждан.

Я живо представил, что он прямо сейчас достанет свой табельный «маузер» и, нервно поводя стволом, прикажет мне войти в одну из этих камер. А там его подручные закуют меня в железную маску и оставят в качестве загадки для будущих поколений советских

людей. Возможно, про неизвестного узника даже снимут фильм, в котором напарника главного героя сыграет большой губастый негр. [1]

Правда, обычно человеку, которого собираются пожизненно посадить в мрачную камеру с железной дверью, не предлагают купить машину. Впрочем, советское КГБ было способно на любые зверства.

Пару секунд я приходил в себя — увиденное меня сильно впечатлило. Потом задвинул заслонку и повернулся к Валентину.

— Это что? — хрипло спросил я.

— А на что это похоже? — ухмыльнулся тот.

— На тюрьму... строгого режима.

— Значит, это она и есть.

— Но... — я указал пальцем вверх.

— А что там происходит, нас не касается. А их не касается то, что происходит тут, — ответил Валентин на мой невысказанный вопрос. — Нравится?

— Так это... для меня?

Он рассмеялся.

— Нет, ну что ты, — он похлопал меня по плечу. — Слишком жирно было бы для тебя городить такое. Иногда требуется... ситуации разные бывают. За остальными дверями, кстати, такие же камеры. Как думаешь, подойдут они для тех двух деятелей?

Он явно имел в виду Лёху и Михаила, поэтому я не стал уточнять.

— По закону, я так понял, оказалось сложно? — спросил я, и он кивнул: — Ваши ребята всё делали очень старательно...

— Не всё получается так, как мы хотим, — философски заметил он. — Ну что думаешь? Сам же просил их в суровые условия поместить... Только те камеры были заняты, вот и пришлось задействовать запасной вариант. Или ты уже отказываешься от того своего предложения?

Я обдумал это.

— Нет... Вернее, да — отказываюсь. Проще всё же дать мне с ними разобраться. Хотя, наверное, это более жестокий вариант, с членовредительством. Я на полумерах не остановлюсь.

— Поэтому и не разрешаю, — ответил Валентин. — Стране не нужны инвалиды.

— Ублюдки ей тоже особо без надобности, — пробормотал я. — С ними только два варианта сработают — по закону государства или по уличному. По закону... они, наверное, в отказ ушли?

Валентин кивнул.

— Да, там явно адвокаты уже поработали. Ничего, мол, не делали, сидели по домам, крестиком вышивали. Доказать обратное, конечно, можно — кто-то из домашних обязательно проколется на мелочах, они не могут обговорить все детали. Но — это долго, а результат неясен... следователь сразу сказал, что суд им даст условный срок, да и то небольшой, по хулиганке. Максимум — пятнадцать суток, но и тех, похоже, не будет. Поэтому вспомнил о твоём предложении.

— А спекуляция?

— Никто не будет ради этого держать двух хулиганов в СИЗО, — со вздохом ответил он. — ОБХСС сейчас по крупноте работает, у кого денег на миллионы. Ладно, пёс с ними... Подумаю ещё, с ребятами своими посоветуюсь. А пока пусть считают, что выкрутились.

Ладно, пошли к машине, а то там Михал Сергеич с твоей девушкой ещё и «Капитал» на русский переведут.

Мы пустились в обратный путь, но где-то на полдороге к свету я не выдержал.

— Валентин! — он остановился, я тоже. — Так вы что, просто посмотреть на эти камеры меня позвали?

— Что-то типа того... — он задумался. — Но не совсем. Есть у меня один вопрос, на который, наверное, только ты сможешь ответить.

— Задавайте, — я пожал плечами. — Мне особо нечего скрывать.

— Это хорошо, — Валентин одобрительно кивнул. — Тогда скажи, почему ты мне признался? Два месяца ты успешно скрывал это... хм... обстоятельство, хотя какие-то намеки были... не отрицай! Опросник не просто так появился.

— Да я и не отрицаю, — буркнул я. — Думаю, я столько намеков оставил, кто угодно догадается, что дело нечисто. Вы, правда, меня шпионом назначили... наверное, уже полковником себя видели? За поимку особо опасного агента «Моссада» или Ми-6?

— За такое полковника не дают, — мрачно ответил он. — Этих агентов... если за всех очередные звания давать, весь комитет из генералиссимусов состоял бы. Но да, и это глупо отрицать — первым делом я подумал о том, что ты агент разведки наших оппонентов, хотя так и не понял, зачем им потребовалось посылать такого сопляка к Михал Сергеичу. Даже начал... как это сказать... оперативную разработку. Правда, быстро прикрыл, во избежание... но кое-что накопать успел. Так почему признался-то?

Вопрос был с очевидным подвохом. Признаваться, что я просто скинул на них миссию по спасению страны? Нет, это слишком просто. Из меня вытянут все сведения, а потом отправят гулять подобру-поздорову. В принципе, меня этот вариант устраивал почти полностью, хотя я лишался доступа к тем, кто занимается будущим, а сам переходил в разряд обывателей. Нынешнее же положение меня устраивало, пусть и с оговорками — всё же периодически попадать под раздачу оказалось больно и обидно. Но я считал это платой за близость к верхушке Страны Советов, причем платой не слишком большой, и готов был её платить.

Поэтому свой ответ я начал очень издалека.

— Знаете, Валентин... вот вы сейчас упомянули безнаказанность. В будущем именно она приведет к самому настоящему беспределу... зеки на зонах, кажется, и сейчас это слово употребляют. Не слышали, случаем? Знаете, что оно означает?

— Не слышал, но догадываюсь, — кивнул он. — Нарушение процессуальных норм и прочих законодательных актов?

— Примерное, но достаточно точное определение, — сказал я. — В общем, вот эти ребята творят самый натуральный беспредел, причем без особой пользы для себя, и нарываю на ответный удар. Потом они начнут мстить, ситуация выйдет из-под контроля быстро... ведь если закона нет, то всё позволено? Впрочем, в каком-то смысле они и раньше что-то подобное практиковали, уж я-то это на собственной шкурке почувствовал. Я не знаю, как в такой ситуации правильно действовать... Но вообще могу сказать, что про беспредел я знаю побольше вашего, уж поверьте... мы про девяностые ещё не разговаривали, но вот там-то как раз беспредел проявился во всей красе. И начался он с легонького такого игнорирования закона. Сначала отдельными представителями общества и власти, потом отдельными представителями милиции и гэбе. А как все сразу начали закон игнорировать —

беспредел и наступил. Такой дикий запад из американских вестернов, у кого револьвер — тот и прав.

— Всё было так плохо? — угрюмо спросил Ваентин.

— Ну как вам сказать... — поморщился я и решил всё же вывалить свой козырь. — Скажите, Валентин, вы же, наверное, пробили по своим базам и моих родителей, и родителей Аллы?

Он немного поколебался, но всё-таки кивнул.

— Да, но это стандартные мероприятия, со всеми проводятся, кто наш интерес вызывает. Жаль девочку твою... но рак это рак...

— Жаль... но тут люди пока бессильны, — согласился я. — Мы с вами про СПИД говорили... так вот, про рак могу то же самое сказать — таблетки и через сорок лет не появилось, все силы ученых ушли в создание средства для повышения потенции.

Он усмехнулся.

— Серьезно? И как?

— Понятия не имею, не пробовал, — отбил я. — Вроде бы это был побочный эффект при исследовании лекарства от гипертонии, но тут могу рассуждать только умозрительно... Но мы отвлеклись, я про другое хотел спросить. Вы же и про отца Аллы всё узнали?

— Ну да, — ответил он с явным непониманием, к чему я веду. — Уважаемый человек, инженер-конструктор, орденоносец, БАМ для страны строит...

— Вот-вот, уважаемый и для страны. А лет через пятнадцать идейные наследники ребят, которых мы с вами можем посадить вон туда, — я мотнул головой назад, в сторону камер, — вывезут его в лес вместе со второй женой и там запытают до смерти. Жену будут насиловать на его глазах, чтобы морально сломать... А всё потому, что он был мэром какого-то всеми забытого бамовского городка и не стал подписывать некие бумаги по передаче чего-то там кому надо, чтобы этот кому надо стал ещё чуточку богаче. Вот это беспредел. А то, что я, вы или мы вместе можем сделать с Лёхой и Михаилом — так, баловство. Я не слишком протестую против очевидного беззакония лишь потому, что несколько ночей в этом сумрачном месте могут предотвратить более страшную трагедию. Так что если возьметесь их ломать, то я с вами. Может, без особого удовольствия, но этого обычно и не требуют.

— Да, не требуют... — пробормотал Валентин. — А про отца Аллы это точная информация?

— Точная, но тогда таких случаев было много, честно говоря, — признался я. — Конечно, чаще всё оставалось на местном уровне. Один бизнесмен послал бойцов, и те забили битами депутата горсовета, который выступал против строительства жилищного комплекса в водоохранной зоне... Директора завода выкинули из окна двенадцатого этажа, потому что он был против приватизации предприятия... примеров полно. Но я не помню фамилий ни бизнесменов, ни депутатов или директоров. Могу подсказать, кто миллиардером стал, но они сейчас либо в школе учатся, либо крепят мощь Страны Советов. Отца Аллы я только по фото узнал, мне его в первый день показали, как я к ней переехал, оно у нас во всех газетах было, вот и осталось в памяти.

Валентин недовольно покрутил головой.

— Значит, вот какие ставки... — проговорил он. — Ты после этого решил мне открыться?

— Нет... — я помотал головой. — Всё сложнее. Намного сложнее. Со спасением

будущего тестя, думаю, я как-нибудь и сам справился бы... Просто в какой-то момент я понял, что спасать надо не отдельных людей, а всю страну... Вы просто не представляете, в каком времени и в какой стране вам повезло жить... Мне тоже повезло, но потом я досыта нахлебался всякого дерьма. Во второй раз, наверное, было бы полегче, человек ко всему привыкает. Но я увидел шанс избежать этого рациона — и решил им воспользоваться.

— То есть спихнул всё на нас с Михал Сергеичем?

— Типа того, — этого гэбешника на мякине не проведешь. — Но в целом я готов поучаствовать, хотя бог знает, сможет ли студент-первокурсник играть на равных с людьми вашего уровня.

— Ты не совсем студент, — напомнил Валентин.

— Не совсем, согласен. Но в таксисты идут неудачники... вот я там и был — неудачником. А с этого пути сойти чуть ли не сложнее, чем страну в нужном направлении развернуть. Но я пытаюсь... Кстати, Валентин, откровенность за откровенность. Подкидывая в багажник «Победы» винтовку, вы чего добивались?

Мой вопрос, кажется, ничуть его не удивил. Валентин лишь слегка улыбнулся, как бы показывая несерьезность поднятой мною темы.

— Ты про СВД-38? [2]

— Понятия не имею, как она называется. Большая, с оптикой и с глушителем. Патроны в пачке отдельно.

— Она. Патроны и в обойме были. И о чём ты подумал, когда ты её увидел? Помнится, у тебя имелся интерес ко всякого рода стреляющим игрушкам.

Это он так тактично обозвал мою просьбу выдать пистолет, когда нам с Аллой сообщили, что по нашу душу в Москву едет Чикатило.

— Какие мысли, какие мысли... простые мысли, — буркнул я. — Уж дважды два я складывать умею. Сначала деревня с дачей Горбачева на прицельной дальности, потом винтовка и машина на ходу... Если бы со мной не было Аллы... Наверное, сел бы в «Победу» и поехал в эту вашу Никифоровку, чтобы изменить ход истории.

— Но Алла была с тобой? — уточнил Валентин, словно для него это было открытием.

— Да, случайно предложил ей прокатиться, не хотелось одному тащиться, всё-таки не ближний свет.

— Видишь, как счастливые случайности определяют нашу судьбу, — наставительно произнес Валентин. — А если бы ты был без Аллы, у тебя бы получилось?

— Кто знает?.. — спросил я. — Я, конечно, не снайпер высшего разряда...

— Квалификации.

— Что?

— Разряд бывает у токарей, которые на станках работают, — объяснил Валентин. — А у снайперов — квалификация.

— А... ну хорошо. В общем, я не он. Но несколько раз стрелял из винтовок, в том числе и с оптическим прицелом, с ним легче и намного. Так что, думаю, справился бы. Или нет... тут такое дело, не попробуешь — не узнаешь.

Валентин немного помолчал.

— И рука бы не дрогнула нажать на курок? — уточнил он сухо.

— Опять же понятия не имею, — честно признался я. — С Чикатило дрогнула, например... а он, по моим меркам, куда хуже Горбачева, хотя и тот далеко не ангел. Этим

парням, — я указал на двери в камеры, — ничего не повредил слишком сильно. Говорил же — добрый я. Иногда слишком. Но проверять, как оно там, в Никифоровке прошло бы, не хочу.

— И не надо, — сказал Валентин. — Ладно, забудь об этом. Некоторые вещи надо просто забыть.

— Я не понимаю... — растерянно признался я.

— Да уж, это тебе не химия с физикой, — улыбнулся он. — На самом деле всё просто. Это была проверка. И папка с фамилиями — тоже проверка. Результат не скажу, даже не спрашивай.

— Почему?

— А так не интересно, — сказал Валентин и задорно рассмеялся. — Ладно, пошли, в час мы уже не уложились, но, думаю, нас простят.

[1] если кто не знает, в повести «Побег из Шоушенка» герой по кличке Рэд был белым ирландцем. В фильме Фрэнка Дарабонта этого персонажа сыграл Морган Фримен (правда он ни разу не губастый, но негр).

[2] Самозарядная винтовка Токарева образца 1938 года, предшественница СВТ-40. Выпускалась достаточно массово, энтузиасты насчитали для обеих модификация чуть ли не 1,6 млн штук.

Глава 23. Как маньяк маньяку

Обратный путь я снова проделал за баранкой «Победы». Мне всё больше и больше нравилась эта машинка. Конечно, в ней не было многого из того, к чему я привык, а огромные циферблаты спидометра и часов просто выводили меня из себя. Ещё у «Победы» скорости переключались ручкой под рулем, а рычаг ручного тормоза находился в очень неочевидном месте из-за большого дивана; но всё это были мелочи. Автомобиль двигался вальяжно, словно вёз очень ценный груз, но на нем было практически невозможно превысить скорость. Правда, ещё надо будет разбираться с техосмотром — всё-таки проходить его на тридцатилетнем экземпляре, скорее всего, очень сложно.

Но уже на Алабяна, перед самым поворотом в поселок, Валентин попросил меня притормозить. Я остановил машину на обочине и постарался выкинуть из головы мечты о том времени, когда она станет моей прелестью. Получалось откровенно плохо, но я хотя бы убрал дурацкую улыбку с лица.

— Егор, поскольку ты сегодня у нас не один гость, а вопрос касается будущего, давай поговорим здесь, — сказал Валентин. — Не против?

— Я-то не против, но... нас не потеряют окончательно?

— Думаю, с этим мы как-нибудь разберемся, — он улыбнулся. — Я собирался дать тебе ещё одно домашнее задание навроде того списка, но сейчас подумал, что это лучше сделать побыстрее.

Я внутренне напрягся, но виду не подал. Домашнее задание — значит, домашнее задание. Правда, мне послезавтра сдавать физику, для которой у меня нет полезных читкодов, но вряд ли стоит об этом упоминать. К спасению страны я относился гораздо серьезнее, чем к своим экзаменам.

— О чем речь?

— Тут такое дело, — он помялся. — Мне буквально вчера сообщили, что за тем человеком из Шахт и вправду тянется очень кровавый след... мы запросили подробности расследования, какое-то время на это уйдет, но он сейчас очень плотно сидит за решеткой, без шансов выйти на свободу. Мой ростовский приятель говорит, что у них половина управления была готова поехать и растерзать этого ублюдка голыми руками...

— А вторая половина?

— А вторая половина поехала, никого не спрашивая, — он горько усмехнулся, — но их развернули обратно. Есть и другие дела, которыми надо заниматься. Но я хотел тебя спросить вот о чём — были ли здесь, в этом времени, ещё случаи серийных убийств? У нас есть подозрения, что некоторые дела нужно объединять в серии, но не все коллеги с этим согласны.

Я серьезно задумался.

— Маньяков было много, честно говоря... и серийных, и не очень... Я про Чикатило знал, потому что он самый раскрученный... ну, популярный был. Про него сериалы снимали, и художественные, и документальные, книги писали, исследования, что-то из этого я видел и читал. Остальным, можно сказать, не так повезло... поэтому про них и в памяти особо ничего не задержалось. Был вроде бы какой-то ангарский маньяк... это в Иркутске, кажется... но когда? В СССР или уже в России? Может, у вас есть списки подозрительных случаев?

Мне почему-то показалось, что Валентин подготовился к этому разговору — и я оказался прав.

Это была обычная папка с надписью «Дело №» и незаполненными полями. Внутри лежало несколько листков с машинописной таблицей, в которой оказалось неожиданно сложно разобраться. Мне пришлось уточнять у Валентина по поводу тех или иных обозначений или названий, но в итоге всё оказалось проще некуда. Думаю, он даже развлекался, объясняя недалекому мне элементарные вещи. Впрочем, обижаться я и не думал — это у него всякие кодексы в мозгах прошиты, а я помнил из них только избранные места, которые могли касаться меня напрямую.

Правда, объяснений мне всё же не хватило. Минут пять я тупил в буквы, прежде чем заметил название знакомого города.

— Вот тут точно, в Витебске, — указал я на пару строчек. — «Витебский маньяк», имени-фамилии не помню, но он какой-то очень приметный, чуть ли не в дружинниках там работает и искать себя помогает. И жертв у него было явно больше, что-то вы упустили. Могу ошибаться, но он, кажется, на машинах катается, когда ищет, кого убить.

— Это точная информация? — спросил Валентин.

Я пожал плечами.

— Знаете, в будущем появится такая литература, про попаданцев... я её очень любил на досуге почитать. Так вот там таких, как я, закидывали в прошлое с кучей ништяков...

— Что это?

— Это... да фиг знает, как это правильно объяснить, — я задумчиво почесал затылок. — Какие-то плюшки, которые очень помогают попаданцам влиять на историю в нужную сторону. Допустим... вы же наверняка читали фантастику братьев Стругацких?

— Конечно.

— Помните — у них был такой Большой Всепланетный Информаторий, в котором можно было найти буквально всё про всё и про всех. Сделал запрос — тебе тут же вывалили наиболее подходящие статьи. Американцы сейчас что-то подобное разрабатывают, интернет называется... впрочем, изначальную задумку они так и не смогли воплотить, он в итоге в большую информационную помойку превратился. Но я бы и ему был рад.

— Интернет... — Валентин словно покатал в мозгу этот термин. — Что-то проходило по нашему ведомству, надо будет покопаться... А ведь ты во время нашего разговора о нем не упоминал.

— Во что-то приличное интернет превратился только в девяностые, а до них мы ещё не дошли, — объяснил я, хотя на самом деле действительно упустил это из виду, хотя все два месяца в прошлом только об интернете и мечтал. — Но, если позволите, вернемся к попаданцам. Обычно к их услугам что-то вроде информатория Стругацких, куча энциклопедий или нечто вообще фантастическое. Подсказки про технику, про прорывные технологии, про случайных и неслучайных знакомых. У кого-то просто память замечательная — всё помнит, потому что читал. Так вот — у меня ничего этого нет. С чем был, с тем и попал сюда. Про что-то читал, про что-то видел фильмы... чем-то сам сознательно интересовался, в конце концов, у меня высшее образование и почти полученная кандидатская степень. Но весь массив данных по истории у меня, к сожалению, отсутствует. Поэтому я не знаю, насколько точна моя информация об убийце из Витебска. Он точно был, кажется, в эти годы его поймали, но кто он такой, где живет и как его фамилия...

Мы помолчали.

— Что ж, я понял, — сказал Валентин. — Ещё что-то есть знакомое?

Я просмотрел список в последний раз и вернул папку.

— Нет, больше ничего, только этот, в Витебске. Мне кажется, что тут, под Москвой, скоро должна начаться ещё одна серия убийств подростков, но про неё я знаю только из кино и не знаю, насколько в том сериале всё было близко к истине. Но это точно 1984-й, кажется, лето... убийца работал под Одинцово на каком-то конном заводе и убивал своих знакомых детей... О, вспомнил — его одноклассником был Армен Григорян! Может, поможет установить, кто из того класса сейчас в нужном районе обитает. [1]

Валентин нахмурился.

— Кто такой Григорян?

Я почувствовал себя неловко.

— Возможно, сейчас и никто... но к концу восьмидесятых станет относительно известным музыкантом, группа «Крематорий». Может, сейчас уже такая есть, но, может, он ещё где-то играет. Эти русские рокеры постоянно переходят туда-сюда-обратно, за всеми не уследишь. Могу спросить у знакомых, они должны знать. [2]

— Не надо, — жестко ответил Валентин. — Мы сами спросим.

— Эм... хорошо. Только вы это... когда спрашивать будете, сильно никого не бейте, пусть этот Григорян сначала свои песни напишет.

Валентин ухмыльнулся.

— Да мы вообще бить не будем, этого, как правило, и не нужно. Сами всё рассказывают.

Ну да, подумал я, с вашей-то репутацией.

Алла с Михаилом Сергеевичем сидели за столом и вели чинную беседу под чай с дефицитным «Птичьим молоком». Я никогда не понимал одержимость именно этим тортом — на мой взгляд, было много более достойных моего внимания вариантов. Впрочем, мои вкусы в отношении этого лакомства не отличались постоянством; одно время я любил «Медовики», а потом долго покупал только вафельно-шоколадные. Но совсем потом я сдался врачам, которые запретили мне баловать свои вкусовые сосочки.

Сейчас же мой организм был в полном порядке, хотя, конечно, надо было избегать любого неумеренного потребления, чтобы такое положение дел сохранялось как можно дольше. Но в данных условиях я легко дал себя уговорить и положил себе на тарелку солидный кусок.

— Вы задержались, — констатировал старик. — Всё в порядке?

Задавая вопрос, он посмотрел на меня, но я переадресовал его взгляд Валентину. Тот ломаться не стал.

— Да, в полном, сделали всё, что собирались и даже перевыполнили план, потому и времени потребовалось больше, — сказал он. — Михал Сергеич, а эти голубки всё же жениться собираются, Егор признался, когда я его к стенке припёр. Так что придется вам думать о подарке на свадьбу...

— Да, я в курсе, — было видно, что тема разговора очень развлекает Михаила Сергеевича. — Аллочка тоже не стала скрывать от меня истинное положение дел, так что я уже... озадачен. Она категорически не хочет говорить, что желает получить в качестве дара.

— Это из-за молодости, с возрастом пройдет, — ехидно сказал Валентин. — Я вот с Егором договорился — он заберет «Победу».

— Это всё же не совсем подарок, — пожаловался я. — Он за неё денег хочет.

— Валя, как же так? — старик глянул на нашего подполковника с легким осуждением. — Нельзя быть таким жадным!

— Можно-можно, — Валентин всё ещё ухмылялся. — Я не так и дорого прошу. Ещё и с переоформлением помогу.

— Мы поможем, — наставительно уточнил Михаил Сергеевич. — Оставь документы, к следующим выходным всё будет. А с деньгами, так и быть, сами разбирайтесь.

— А у вас как? — спросил я. — Договорились о переводе?

На этот раз старик предоставил право отвечать Алле.

— Да, там несложно оказалось... правда, времени надо много, но, думаю, успею...

— Успеешь, конечно, — поддержал её Михаил Сергеевич. — Вон как бодро говорила, у нас в управлении такого произношения ни у кого нет. Да и результат нужен только к сентябрю.

— Кстати, Алла, а куда ты планируешь устраиваться после института? — вмешался Валентин.

Это было настолько неприкрытое предложение трудоустройства в органы, что Алла заметно растерялась. Пришлось отвечать за неё.

— Мы обсуждали недавно, — сказал я. — Она в аспирантуру, скорее всего, будет поступать. Чтобы усовершенствовать свои знания.

— Вот как... — Валентин задумчиво посмотрел на меня. — А с тобой как?

— А я пока не знаю, кем хочу быть, — честно признался я. — Учусь лишь потому, что при переводе в другой институт потеряю отсрочку от армии и на два года пойду служить. Но про это я уже говорил...

Старик с Валентином переглянулись.

— А если отсрочка сохранится? — спросил Михаил Сергеевич.

Это тоже было предложением и, пожалуй, чуть более щедрым, чем продажа автомобиля за копейки.

— Тогда надо будет начинать думать в темпе вальса, до конца сессии у меня полторы недели, а потом придется ещё и очень быстро бегать, чтобы успеть туда, куда я соберусь переводиться, — отчеканил я.

Старик кивнул.

— То есть ты ещё не решил? — уточнил он.

— Нет, — я помотал головой. — Пока думаю о юридическом факультете какого-нибудь института — я когда-то хотел, но не сложилось, оказался там, где оказался. Но такой перевод означает возвращение на первый курс, что является серьезным минусом, наши программы совершенно не совпадают. Самый предпочтительный вариант — МИРЭА, там дают очень полезные знания для очень многих перспективных направлений.

Идея с радиотехникой пришла мне в голову только что, но сразу мне очень понравилась. Скорее всего, туда я смогу перевестись сразу на второй курс — у технарей похожие программы, а досдать один или два смежных предмета легче, чем учить те, мимо которых проходил в школе и прочно забыл. К тому же там действительно учили очень востребованным в будущем навыкам — конечно, в общем случае всё зависело от самого студента, но и направление развития вуза тоже имело значение.

— Это... — старик на секунду задумался. — Это институт радиотехники, электроники

и автоматики?

— Да, он, — я кивнул. — Думаю, радиотехника придется мне по душе.

К тому же я смогу заниматься видеodeкодерами на хорошем оборудовании и рассчитывать на помощь высококлассных специалистов.

— Неожиданный выбор, — протянул Валентин, который, кажется, уже прикидывал, как использовать специалиста этого профиля в своих шпионских играх. — Но, в принципе, неплохой.

— Согласен, — сказал Михаил Сергеевич. — Вот что, молодые люди... Я посмотрю, что можно сделать, хотя отсрочки от воинской службы — это ведомство Дмитрия Федоровича... а он очень не любит, когда в его зону ответственности влезают посторонние. Но, думаю, выслушать меня он согласится.

Я напряг память. Старик точно имел в виду Устинова, который занимал в здешней политической иерархии особенное место. Вроде его назначил в правительство ещё Сталин, чуть ли не во время войны; потом он последовательно пережил всех последующих Генсеков, был правой рукой и доверенным лицом Брежнева, который даже не подумал выкинуть его на мороз без выходного пособия. С ним было что-то связано... в какой-то момент я почти потерял надежду, но внезапно вспомнил.

Мне приходилось читать самые разные версии прихода Горбачева к власти — те самые, которые в том числе рассматривали его как проект британской разведки и западных банковских кругов. И вот в одной из версий, авторы которой курили не слишком забористое говно, упоминалось, что именно Устинов не позволил Горбачеву занять высший пост сразу после смерти Андропова, выступив против будущего автора слова «перестройка». Совсем скovyрнуть молодого и раннего протеже других игроков в Политбюро Устинов не смог, а накануне следующей передачи власти — после смерти Черненко — и сам отошел в мир иной. Конспирологию в его смерти обычно не искали — всё-таки возраст, пережитые войны и работа на износ на протяжении полувека, — но случилась она как нельзя вовремя. Впрочем, тут я был согласен с Валентином — нашу судьбу определяют именно случайности, и смерть Устинова могла быть одной из них.

Мне очень хотелось поделиться всем этим со стариком и Валентином — в наш предыдущий разговор я про Устинова даже не вспомнил, — но в комнате находилась и Алла, и мне пришлось подавить свой порыв к болтовне.

— Было бы здорово, — выдавил я. — Спасибо.

— Пока не за что, — проворчал Михаил Сергеевич. — Вот будет результат, тогда и поблагодаришь.

Я кисло улыбнулся и снова уткнулся в недоеденный торт.

— Ты какой-то сам не свой, — заметила Алла, — словно тебя мешком по голове стукнули.

Обед у старика продлился чуть ли не до ужина, но остаться нас не позвали, а мы и не напрашивались. Впрочем, ничего интересного больше не случилось — беседа шла о всяких специальностях, о том, нужно ли учиться в аспирантуре и о других приземленных и умозрительных вещах. Но Алла с удовольствием поддерживала беседу, а я получил возможность рассмотреть свою мысль о радиотехнике со всех возможных сторон и признал её весьма годной. Особенно годной она была с точки зрения моих представлений о будущем — заборы всё же были дело даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня, потому что они и сдали

свои позиции очень быстро, как только иссякла поддержка государства. Правда, мой родной институт никуда не делся и сорок лет спустя, но большинство выпускников шли работать куда угодно, только не по специальности, хотя несколько предприятий в стране ещё дымили высокими заводскими трубами.

— Ты же понимаешь, что МИРЭА я придумал прямо во время разговора?

— Ага, — Алла кивнула. — Ты раньше про него ничего не говорил.

— Ну вот. Сболтнул, а потом сидел и пытался понять, действительно ли я туда хочу и надо ли срочно искать другое применение моим талантам.

— И как?

— Да знаешь, идея вроде выглядит неплохой, — признался я. — К тому же есть шанс, что я не потеряю целый год, у нас программы должны быть похожи.

— Это хорошо, — согласилась она. — Но там вроде всё другое.

— Не заборы, это точно, — согласился я. — Просто я понял, что не хочу быть юристом, не моё это. Законы всякие, их применение на практике, римское право, британское право, «Русская правда»... всё запутанно и непонятно... хотя если бы всё было просто, юристы вообще не были бы нужны.

— Специалисты во всем нужны, — убежденно сказала Алла. — Иначе так и будем жить, как при твоём князе Игоре.

Она хитро улыбнулась.

— Он и не мой тоже, — я улыбнулся ей в ответ. — И у них там было писец как сложно на самом деле, иначе он распорядился бы своей мыслью как-то иначе. Ты мне лучше скажи — ты довольна, что мы теперь почти что с машиной?

— Ой... я не знаю, — она пожала плечами. — Она такая забавная и старомодная...

— Что есть, то есть, — сказал я. — Старомодная. Но хорошая, управлять такой — одно удовольствие, надеюсь, ничего не помешает, и ты поймешь, почему я в таком восторге. Как ко мне на родину приедем, я тебя тоже водить начну учить, а в Москву вернемся — на права сдашь. Будем потом в четыре руки по стране кататься.

— Я не смогу, наверное, — засомневалась она.

— Брось, ничего там сложного, — уверил я её. — Это уж точно проще грамматики немецкого языка. Так что я в тебя верю...

[1] Как ни странно, но пара маньяков — ангарский или иркутский (Василий Кулик) и подмосковный «Фишер» (Сергей Головкин) начали свою известную деятельность как раз в 1984-м. Витебский же товарищ (Геннадий Михасевич) был пойман в 1985-м, когда в город нагнали (в прямом смысле) лучших следователей со всего Союза.

[2] Григорян собрал рок-группу «Крематорий» в 1983-м, но альбом «Кома» с песнями «Мусорный ветер» и «Безобразная Эльза» вышел лишь в 1988-м.

Глава 24. По желанию товарищей

Мы с Сашей стояли перед столом, как провинившиеся школьники, а суровая девушка Нина очень внимательно просматривала собранный мной и одобренный моим комсоргом пакет документов. Бумаг было много, но большую их часть занимал список песен группы «Гулливер» — увидев это название, Нина лишь неопределенно покачала головой. По её реакции вообще было непонятно, довольна она выполнением своего поручения или же не очень.

На то, чтобы добыть эти документы, у меня ушла вся вторая половина воскресенья и пятнадцать рублей, в которые обошлись наши с Аллой посиделки в «Лире»; к счастью, Врубель платил за себя сам, иначе бы наш счет вырос ещё больше. Но в целом я был доволен этим деловым обедом.

«Гулливер» согласился развлечь студентов за малую мзду. Просили они по десятке на нос, которых было ровно пять штук — четыре у музыкантов и один у их звукооператора. Врубель уверял, что это дешево — обычно на подпольных концертах группы получали по двадцать пять или тридцать рублей на человека. Но и он вынужден был признать, что это примерно раза в два выше официальных ставок — столько платили каким-нибудь Пугачевой или Ротару. Впрочем, и там тоже имелась полноводная река неучтенной налички, и сколько на самом деле получали звезды советской эстрады, кажется, не знали и они сами.

В тот момент я вдруг подумал, что Врубель с товарищами живет очень кучеряво. По самым скромным подсчетам, концерт «Кино» в МИФИ принес им тысячу целковых, из которых они отстегнули музыкантам какую-то сотню. Но это были его дела, стучать в ОБХСС я не собирался, поскольку знакомство с ним пока что приносило только правильные результаты. Я надеялся, что «Гулливер» будет не последним вкладом этого художника в укрепление моего авторитета у комсомольцев. Поэтому я согласился, что десять рублей — это по-божески; правда, за свои услуги Врубель запросил сотню и даже подсказал, как это правильно провести через документы, и это мне показалось некоторым перебором. Но спорить я не стал — получилось полторы сотни на круг, что лично я считал сущими копейками — особенно для многомиллионной комсомольской организации, да к тому же с какой-никакой гарантией того, что всё пройдет хорошо.

Во всяком случае, Врубель клятвенно пообещал донести до парней из «Гулливера» простую мысль, что любая антисоветчина на этой конкретной сцене закончится для них очень плохо. Я имел в виду возможности одного знакомого подполковника КГБ, но Дима, кажется, решил, что я намекаю на мордобой. Разубеждать его я не стал.

В понедельник я утра я получил по физике «пятерку», хотя подготовиться так и не успел. Ещё до встречи с Врубелем мне пришлось забирать Стаса, что обошлось мне ещё в двадцатку — я провел на обочине полчаса, но выловил «Волгу» с шашечками и зеленым огоньком. В принципе, всё прошло нормально, хотя Стас в своем байковом халате и тапочках на босу ногу вызвал у водителя заметные сомнения в том, что он связался с адекватными людьми. Но другого выхода у нас не было — в мой размер Стас не влезал категорически, а до его комнаты в общежитии я добраться не успевал при всём желании.

— Не слишком много за транспорт и аренду звуковой аппаратуры? — спросила Нина, изучив всю стопку бумаги.

Под этими терминами скрывалась зарплата менеджеру, то есть Врубелю. Во время составления заявки на бюджет я подумывал округлить общую сумму до двух сотен, чтобы заложить ещё и свой интерес, но потом решил не нарываться на неприятности. Если это всплывет, мне мало не покажется, я вылеку и из комсомола, и из вуза. Я и с Врубелем-то ходил по краю, но надеялся на его благоразумие. Впрочем, другого выхода из ситуации так и не появилось.

Неизвестный мне Артем от участия в этой авантюре отказался, но я почему-то так и думал — Саша изначально о шансах привлечь к делу этого товарища отзывался со скепсисом. Поэтому мои достижения он встретил с энтузиазмом, достойным лучшего применения и был настроен отстаивать их очень рьяно.

— Нет, — сказал комсорг, — примерно столько это и стоит, мы у нескольких людей спрашивали.

Я кивнул, подтверждая его слова, хотя точно знал, что ни с кем, кроме Артема, он не разговаривал, а тот про цены ничего не говорил. Но мне оставалось лишь стоять на своем и надеяться на лучшее.

— Хорошо, — после недолго раздумья Нина собрала наши бумажки в стопку и решительно поднялась. — Подождите здесь, я скоро.

Мы повиновались, и она ушла куда-то вдаль по коридору.

— Ну как, думаешь, всё получится? — спросил я.

— Скорее всего, — Саша был безмятежен. — Обычно она сразу заворачивает, если что не так.

Я не был настолько оптимистичен, но за неимением других вариантов вынужден был согласиться.

Нина вернулась через полчаса, и не одна, а с тем самым Вадиком, с которым я всё ещё хотел поговорить, но уже не срочно, а как получится.

— Первый секретарь одобрил вашу заявку, — она показала нам документ, в левом верхнем углу которой появилась размашистая резолюция с подписью и печатью.

Кажется, там было написано «Согласен».

— И что дальше? — спросил я. — Нам бы хоть какой-то аванс... аппаратура там... микрофоны...

— С этим просто, — вмешался Вадик. — Сейчас Нина оформит заявку в кассу получите деньги на руки, потом принесете ведомость с выдачей... Её вам тоже дадим. Заверьте печатью вашей организации. И всё.

Он лучезарно улыбнулся.

А я грустно подумал, что свои небольшие зарплаты эти ушлые ребята, видимо, компенсируют вот такой наличкой, отчитываться за которую нужно буквально честным словом. Впрочем, влезать в отлаженный механизм мне сейчас не хотелось. Мне хотелось как можно быстрее расплеваться с этим поручением, ударно завершить сессию и свалить подальше от Москвы, чтобы хоть немного отдохнуть от столичной суеты. И минимум бюрократии с деньгами играло мне на руку.

— Замечательно, — сказал я вслух. — Давайте тогда оформим всё?

— Нет, — по-прежнему добродушно сказал Вадик. — Давайте сначала послушаем эту вашу группу. У вас же наверняка есть магнитофонная кассета?

Тут уж наступил мой черед улыбаться.

— Не только, — сказал я. — У нас ещё и магнитофон есть, на которой её можно проиграть.

Ради этой фразы я целый день таскался с «Романтиком», но надеялся, что оно того стоит.

Больше всего меня впечатлило, с каким выражением лиц Нина и Вадик слушали «Гулливера» — словно я поставил им не очередную московскую рок-группу, а неизвестную речь Ленина, которая переворачивала все представления о коммунизме с ног на голову. Ещё это было похоже на известную картину, на которой вождь мирового пролетариата слушает какую-то классическую фигню. [1]

Но хватило их всего на пару песен; мы с Аллой честно прослушали весь альбом.

— Достаточно, — твердо сказала Нина, и я послушно нажал на нужную кнопку. — В целом подходит, так ведь, Вадим?

— Хм... Пожалуй, да, — согласно кивнул тот.

— Мы тоже так подумали, — облегченно сказал Саша, которому я прокрутил заглавную песню перед самым походом в райком.

Про саму группу он до моего появления даже не слышал.

— Что ж, тогда всё хорошо, — сказала Нина. — Когда вы планируете провести концерт?

— Через неделю, — ответил Саша. — Конец сессии как раз будет. В пятницу или субботу, как ректорат решит. Но они предварительно своё согласие дали.

— И пускать будете по зачеткам? — как-то хитро улыбнулась Нина.

— Посмотрим, — философски ответил я. — Но что-нибудь придумаем.

В принципе, я не сомневался, что и на эту группу найдется аудитория. Не сомневался и в том, что желающих будет полно. Но за моей спиной стоял весь институтский актив комсомола, так что я очень надеялся, что вся эта бодяга пройдет мирно и без членовредительств.

— Придумайте, — кивнула Нина. — Саша, останься, ты мне нужен на пару слов.

Мы с Вадиком переглянулись и вышли из комнаты.

— Бедный Шурик, — со смешком сказал Вадик, когда мы оказались на улице.

— Что? — невпопад спросил я, думая о своем.

Когда мы с этим комсомольцем оказались одни в коридоре, я понял, что наступил идеальный момент, чтобы задать ему вопрос, который мучил меня уже давно. Но пока я формулировал свою мысль, мы уже проскочили коридор второго этажа, спустились по лестнице и прошли на улицу мимо усталого вахтера. И тут последовало это замечание про Шурика, который у меня ассоциировался исключительно с комедиями Гайдая. И лишь сказав «что», я осознал, что Вадик так называет нашего комсорга. Возможно, не без оснований, но история их отношений интересовал меня в последнюю очередь.

Но Вадик понял моё недоумение по-своему.

— Нинка его с потрохами съест, — объяснил он. — Будет мучить отчетными данными, потом возьмется за план работы на следующий учебный год... Она это любит, показывает, как глубоко в тему погружается.

— Это же хорошо? — уточнил я.

— Для работы — хорошо, а для Шурика — не очень, — улыбнулся Вадик. — Но ничего, пусть привыкает. Хотя он от Нинки уже третий год страдает, как её к нам перевели.

— Ну да, пусть привыкает... Вадим, могу я задать тебе один вопрос?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Да можно, отчего нет. Только ты его уже задал, — ухмыльнулся он.

— Нет ещё, — этот прикол я тоже знал. — Скажи, почему ты приходил к нам в комитет и интересовался мною?

— Я? Приходил? — очень ненатурально удивился он. — Не помню.

Вот как. Но ничего, я могу и напомнить, не развалюсь.

— С месяц назад дело было, — сказал я. — Ты приходил к Саше и навёл обо мне справки, он тебя в деканат отправил.

— Ну... возможно. Может, где-то услышал твою фамилию или что-то в этом роде...

— Где услышал? — настаивал я.

Вадика я не опасался. Он был человеком, про которых говорят — плюгавенький. Конечно, он мог ходить в подпольную секцию карате и в поте лица отрабатывать там маваши-гери, но я сильно сомневался, что этот модник будет выделять часть своего времени на то, что может испортить его внешность. Но и прижать его мне было нечем; ему надо было просто стоять на своём и не признаваться ни в чём — в какой-то момент я должен буду оставить его в покое и уйти ни с чем.

Меня действительно мучил тот визит, который случился буквально сразу после моей первой стычки с Родионом и его компанией. Какое-то время я подозревал, что друзья Боба решили выяснить про меня всё, что можно узнать по самым разным каналам — раз уж этим не занимался Михаил Сергеевич, уважаемый. Потом я, конечно, поостыл, но всё равно хотел узнать, что происходило на самом деле. И мне было бы очень неприятно, если бы Вадик сумел увильнуть от ответа на мой простой вопрос.

— Не помню же, — он всё больше выходил из себя, но это выразилось лишь в том, что он начал юлить. — Наверное, один из знакомых упомянул — присмотришь к пареньку, то есть к тебе, мол, перспективный...

Я на секунду задумался — и осознал, что вариантов этих знакомых не так уж и много. А если учесть, что наш Саша до визита Вадика был не в курсе, кто я такой, то список подозреваемых вообще съеживался до пары-тройки фамилий.

— Это не Виталий, случаем? — как можно более равнодушным голосом спросил я.

Внутри же меня слегка потряхивало.

Вадик оторопело посмотрел на меня.

— Он... но я тебе ничего не говорил!

— Конечно, — улыбнулся я. — Я же сам это сказал. Извини, у меня образовались внезапные дела.

Я развернулся и отправился обратно в райком. На столе у вахтера я видел телефон, который, скорее всего, имел выход в город. Это была одна из вещей, почти бесследно исчезнувшая с развалом Советского Союза — уже в девяностые просто зайти в какое-нибудь учреждение и попросить позвонить было невозможно. Но пока что люди относились к затруднениям друг друга гораздо проще.

Я подпирал спиной забор у знакомой дачи в поселке художников и ждал. Михаил Сергеевич обнаружился на службе и с третьего звонка; кажется, к тому времени вахтер уже пожалел, что разрешил мне воспользоваться казенным аппаратом. Но вот старик моё внезапное явление воспринял как должное и предложил подождать его на Соколе — он уже

заканчивал работу и собирался выезжать. Меня это целиком и полностью устраивало.

Наконец на улицу выринула черная тридцать первая «Волга», которая вальяжно остановилась прямо передо мной. С водительского места выбрался относительно молодой паренек в матерчатой кепке; он внимательно осмотрел меня, но, видимо, счел безопасным. Обошел машину, открыл правую заднюю дверь и помог выбраться товарищу Смиртюкову.

— Спасибо, Семён, завтра, как обычно, — старик пожал своему водителю руку, тот ещё раз посмотрел на меня, но потом сел в «Волгу» и умчался. — Егор, здравствуй! Чем обязан?

Сейчас старик выглядел типичным бюрократом из комедий хрущевского времени — только что пиджак он носил не белый парусиновый, а обычный и чуть ли не индивидуального пошива. На голове у него была солидная шляпа с поникшими краями, а большой узел галстука был слегка ослаблен по случаю теплой погоды.

— Мне нужно вам кое-что сказать, — повторил я то, что говорил по телефону. — Могу здесь, можем во двор зайти... Как удобно...

Старик посмотрел по сторонам пустой улочки.

— Пойдем во двор, нечего глаза соседям мозолить, — решил он. — Сейчас...

Он отпер замок на калитке, пропустил меня и сам вошел внутрь. Я бросил взгляд на «Победу», которую уже считал своей — машинка стояла в том положении, в котором я припарковал её в субботу; никто на ней не ездил. Вот только номера были уже сняты.

— Говори, Егор.

В дом он меня звать не стал — но я особо и не напрашивался.

— Помните, я вам рассказывал, что про меня спрашивали в нашем институтском комитете комсомола? Некий инструктор райкома Вадим наводил справки...

— Да, помню, разумеется, — кивнул он. — Но мы тогда выяснили, что это не я его отправлял шпионить за тобой.

Старик улыбнулся.

— Конечно. Но я сегодня имел с ним разговор... он признался, что обратить на меня внимание ему посоветовал Виталий. Ваш внук. Подробностей я не стал выпытывать, но подозреваю, что это как-то связано с тем, что мы с вами стали часто встречаться.

Михаил Сергеевич внимательно, не перебивая, выслушал мои слова; лишь на упоминании имени Виталика он вскинул голову, чтобы посмотреть мне в глаза. Но я оставался бесстрастным. В принципе, сейчас я решал не свои, а его проблемы. Иметь дома человека, у которого есть глаза и уши и который умеет ими пользоваться — такое себе развлечение для чиновника его уровня. Особенно если этот человек — внук и почти наследник, который по определению не должен выносить лишнюю информацию за пределы семьи. Но, видимо, связь Виталика с Вадиком была более тесной, чем с дедом.

— Вот как... — старик посмотрел на траву у своих ног. — Виталий, значит... Интересно, зачем ему это понадобилось...

Я промолчал. Выдавать какие-то версии мне не хотелось — всё равно несчастного Виталика ждет неприятный разговор, а в способности Михаила Сергеевича добыть нужные сведения я не сомневался. Возможно, и я когда-нибудь узнаю правду, но, скорее всего, старик не будет выносить это дело на суд посторонних, к каковым я, безусловно, относился.

— Что ж... я понял, — с неожиданной твердостью в голосе сказал старик. — Это всё, Егор?

— Да.

— Тогда всего хорошего. Мне ещё предстоит немного поработать сегодня.

Тон старика не предполагал споров, но у меня всё ещё оставались темы, которые не давали мне спать нормально.

— Михаил Сергеевич, пара секунд... — умоляюще произнес я. — Мне нужно знать — знали ли вы, что Валентин подталкивал меня к убийству Горбачева?

Несколько секунд старик очень внимательно смотрел мне в глаза, а затем спокойно произнес:

— Да, знал.

— И одобряли это? — уточнил я.

— Нет, не одобрял, — он покачал головой. — Но я повидал в своей жизни слишком многое, чтобы спорить с Вале́й из-за таких пустяков.

— Пустяков? — удивился я. — Я был на волосок от того... я был почти готов поехать в ту деревню и сделать выстрел...

— Но ведь не поехал?

— Нет... но...

— Никаких «но». Не поехал — и точка.

— Валентин сказал, что это своего рода экзамен... — пробормотал я. — Но оценку не сказал.

— Иногда оценки — это совершенно излишняя сущность, — наставительно произнес Михаил Сергеевич. — И не стоит делать из них культ. Думаю, с тебя хватит тех оценок, которые ты получаешь на экзаменах в своем институте. Как, кстати, сессия?

— Три экзамена, все на «отлично», — отчитался я.

— Вот и хорошо... сегодня я обсудил с Дмитрием Федоровичем твой вопрос, он дал предварительное согласие. Так что можешь начинать узнавать о переводе, думаю, в документе решение будет зафиксировано в течение этой недели.

— Спасибо... — я не ожидал перехода к моей учебе и растерялся. — Я тогда пойду?

— Иди, конечно, — улыбнулся он. — А чтобы тебе было спокойнее... дача товарища Горбачева находится в другом месте, его размещением занимается другое ведомство, и я не мог ему что-то выделить или не выделить. Тот участок сейчас вообще пустует, первые жильцы заедут туда только в июле. Так что никакого выбора тебе делать бы не пришлось. Полежал бы с винтовкой несколько часов и вернулся без засечек на ложе. Снайпер...

Он резко развернулся, заложил руки за спину и направился к дому, оставив меня в сильном волнении. Но через два шага старик остановился, повернулся ко мне и спросил:

— Егор, ты читал сегодняшние газеты?

— Какие? — задал я совершенно дурацкий вопрос.

Газеты в этом времени были только советские.

— Например, «Правду»?

— Н-нет, — запнулся я, словно признавая, что совершил самый кошмарный проступок во всей вселенной. — На экзамен торопился... не успел.

— Плохо, — Михаил Сергеевич покачал головой. — Ознакомься, будь добр. Думаю, новости тебя порадуют...

Он снова развернулся и направился к двери на дачу.

Я постоял пару мгновений, усваивая информацию — и пошел в обратную сторону. Напоследок я ещё разок бросил взгляд на почти свою «Победу».

У метро я завернул к киоску «Союзпечати» и купил свежую «Правду». Эту газету Елизавета Петровна выписывала, как и более демократичный «Труд», а также «Смену», «Огонек» и «Роман-газету». Но утром я забыл достать прессу из почтового ящика, а потом меня захватил круговорот событий с концертами, экзаменами и комсомольцами, и было немного не до того..

Этот номер был таким же скучным, как и любой другой. На первой странице центральное место занимала статья про события в Политбюро ЦК КПСС; строго говоря событий там не было, но на заметку журналистам хватило. Было что-то неудобоваримое под названием «Кино и время» — пространные рассуждения о роли кино в воспитании подрастающего поколения. Чуть больше места было отведено посланию XX съезду компартии Финляндии, а весь низ занимала статья «В обстановке дружбы и взаимопонимания» — своеобразный итог визита в СССР коммунистов из Северной Кореи.

Следующая страница была посвящена корейцам почти полностью, лишь справа угол был занят короткими, в одну строку, новостями из других стран. А вот над ними неведомый редактор разместил небольшую, на пяток строк, вставку, которая называлась просто: «Информация Политбюро ЦК КПСС». Мой глаз сначала зацепился за знакомую фамилию потом я сумел преодолеть перечисление должностей, которое и было основным содержанием этой заметки, и добраться, наконец, до сути.

Суть оказалась такой, что мне захотелось выскочить из вагона метро и побежать обратно, чтобы узнать у Михаила Сергеевича, что всё это значит. Такого поворота событий я никак не ожидал.

Дело в том, что этой крохотулей «Правда» информировала своих читателей, что из состава Политбюро выведен Секретарь ЦК КПСС, Председатель Комиссии законодательных предложений Совета Союза Верховного Совета СССР Горбачев М.С.

В связи с переходом на другую работу.

Эта формулировка использовалась в Советском Союзе очень широко — особенно когда речь шла о лицах, действительно облеченных властью. Недоброй памяти Ежова, помнится, задвинули на какой-то незначительный наркомат, в одночасье лишив всего могущества, которое прилагалось к должности наркома внутренних дел. Потом, конечно, расстреляли, но сначала товарищ Ежов «перешел на другую работу».

Со временем такой переход перестал означать непременно подвал где-то на Лубянке и неразговорчивого чекиста с револьвером в чистой руке. Хрущев некоторое время пожил на пенсии после отставки; глава КГБ Семичастный и «комсомолец» Шелепин тоже остались живы, вылетев с постов, которые гарантировали серьезную долю власти в управлении государством. Были ещё какие-то примеры, но они у меня в памяти не задержались — я и про этих помнил лишь потому, что про «кукурузника» в наше время рассказывали очень часто, а двух других встречал в каком-то попаданческом романе, а потом искал их биографии в интернетах. [2]

Правда, в последние годы такая практика фактически сошла на нет. Члены Политбюро выходили из его состава только вперед ногами, устроив ту самую «гонку на лафетах». Гонка эта, кстати, ещё не закончилась, поскольку средний возраст кремлевских старцев был очень солидным; «мой» Михаил Сергеевич, которому явно было слегка за семьдесят, на их фоне казался молодежавым живчиком.

Но Горбачев именно ушел, именно на другую работу, но не сам, а по желанию своих товарищей по Политбюро, и это что-то значило. Возможно, мои кураторы всерьез взялись за

дело и — по моему совету — обеспечили себе небольшую фору во времени. Или сработали какие-то неведомые мне шпионские дела — зачинатель перестройки мог и в самом деле оказаться агентом ЦРУ или МИ-6. Но результат был один.

В общем, я лишь очень сильным волевым усилием удержался от того, чтобы и в самом деле поехать к товарищу Смиртюкову и потребовать у него отчета. Потом меня отпустило, и я вспомнил, что дела небожителей касаются меня в последнюю очередь, да и судьба самого Горбачева волновала меня мало. В принципе, мне больше стоило беспокоиться из-за того, что никакой перестройки теперь не случится или же она пройдет как-то не так, как в моей первой жизни. А это означало, что теперь я в том же положении, что и триста миллионов остальных советских граждан.

[1] Ленин в гостях у Горького 20 октября 1920 г. слушает «Аппассионату». Худ. Д. Налбандян. По другой версии это была «Лунная соната», а по третьей — «Варшавянка». Выбирайте по вкусу.

[2] Всё та же пенталогия «Ещё не поздно» (или «Поколение победителей»)

Глава 25. До самого синего неба

— Егор, а вон там наш дом! — воскликнула Алла и совершенно неприлично показала пальцем в нужном направлении. — Правда, его совсем не видно, — добавила она с заметной грустью.

— Зелени много, зимой и весной, наверное, можно увидеть, — сказал я. — Может, выберемся как-нибудь ещё раз.

— Нет, точно нет, — она покачал головой. — Мне тут почему-то жутко...

Мне тоже было жутковато. Если верить девушке-экскурсоводу, мы находились на высоте 337 метров, в знаменитом ресторане «Седьмое небо». Билеты сюда я купил случайно — просто доехал до ВДНХ, на удачу дошел до Останкинской башни и урвал две заветные книжечки. Правда, на четверг и на один из дневных сеансов — видимо, в это время желающих действительно было немного, — но мы с Аллой были вольными птицами, так что для нас будние дни были похожи на выходные и наоборот.

Кормили тут, впрочем, не слишком шикарно. С едой дела обстояли примерно так, как в незабвенной «Ромашке» на Планерной — дома всяко лучше, но под пиво сойдет. Здесь вместо пива было шампанское, которое расторопные официанты подливали регулярно — видимо, они тоже понимали недостатки кухни своего заведения. Впрочем, насколько я помнил, готовили все блюда где-то на поверхности, а сюда доставляли на том же лифте, что и экскурсантов.

Но вид из панорамных окон искупал все неудобства. Просматривалась вся Москва... точнее, не вся, конечно, но заметная её часть. К тому же погода была хорошей, видимость — приличной, ну а еда... мы же сюда не поесть забрались, а отпраздновать окончание наших сессий. Ну и просто испытать что-то новое. Я на «Седьмое небо» так ни разу и не попал, и Алла тут тоже ещё не была. Конечно, ей могло понравиться, но, кажется, у неё открылась акрофобия в легкой форме, так что, возможно, здесь мы больше не появимся.

Сессии мы закрыли на все пятерки — у Аллы так и должно было быть, а меня прямо-таки распирало от чувства гордости. Конечно, на отдельных экзаменах я нещадно мухлевал, пользуясь своим послезнанием, но с физикой и алгеброй никакой мухлеж помочь не мог — даже с остатками давно, как я думал, забытых знаний сорокалетней давности мне приходилось открывать учебники и конспекты и тупо зубрить, продираясь через весь первый курс.

Больше всего моей «пятерке» по алгебре удивилась, кажется, Рыбка. Но я правильно решил обе задачи и очень достойно ответил на устный вопрос, а она не стала меня топить, задавая дополнительные задания. Я посчитал это подарком, сделанным к нашему расставанию — со второго курса алгебры у заборостроителей не было. Впрочем, если моя авантюра по переводу в другой институт сработает, то возможно всё — но госпожи Фишерман там точно не будет.

Проще всего было с английским. Правда, язык я знал не слишком хорошо — если сравнивать с той же Аллой. Но я достаточно хорошо понимал английскую речь, мог переводить с листа, почти не заглядывая в словарь, да и сам говорил неплохо и бегло, хотя и с жутким рязанским акцентом. Впрочем, английский для советских вузов представлял собой разновидность пиджина с турецких рынков — с некоторыми особенностями, на которые я

мудро решил не обращать внимания.

Для меня было загадкой, зачем студентов-заборостроителей учат языку вероятного противника и отводят под это целых два курса. Лишь в аспирантуре мне разок потребовалось перевести одну статью из западного журнала. Но она касалась моей темы очень условно, да к тому же была на французском, поскольку англоязычные ученые это направление давно забросили.

Я французского не знал, но честно просидел со словарем пару дней, перевел ровно два предложения — причем без особой уверенности в том, что понял всё правильно, — и забросил эту идею в дальний ящик. Впрочем, если бы дело дошло до диссертации, то эта статья заняла бы почетное место в списке используемой литературы. Такой способ повышения значимости работы — «побольше иностранных названий» — мне подсказал один из старых членов нашей агитбригады, подвизавшийся на кафедре; он же и копию статьи подсунул, а потом посмеялся над молодым аспирантом, который зачем-то взялся за перевод.

Англичанкой у нас работала женщина лет тридцати с небольшим, которую звали очень заковыристо — Юнна Карловна. В первой жизни она казалось мне очень старой; сейчас же я видел перед собой относительно молодую особу, с которой жизнь обошлась достаточно милосердно. Судя по кольцу на пальце, она была замужем, но я понятия не имел, насколько счастливый этот брак — и не горел желанием выяснять.

Юнна Карловна приняла меня с легкой тоской во взгляде, и я её понимал. Студент Егор Серов с инженерного факультета весь год не особо выделялся на общем фоне — даже наоборот, выделялся, но в худшую сторону. У меня, конечно, были оправдания — в школе нам язык преподавали через пень-колоду, учителя менялись чуть ли не раз в месяц, и каждый пытался начать с начала. Поэтому к моменту поступления в вуз я хорошо знал английский алфавит, но до нормального произношения звука «th» так и не добрался — и этот недостаток знаний сказывался все два года, что мы изучали иностранный. Ну а после попадания в прошлое новый-я тоже никак себя не проявил — только что домашние задания начал делать более осмысленно, хотя мой почерк заметно мутировал в худшую сторону.

Но потом я её поприветствовал на своем пиджин-инглише, на нем же попросил разрешения начать экзамен, бодро отбарабанил перевод текста на тему «где я хочу провести лето» с раздатки и предъявил полтора листка формата А4 с написанным сочинением о своих мечтах.

Я точно знал, что в этом сочинении были ошибки; я почти забыл правильное написание некоторых слов. Скорее всего, некоторые слова я употреблял не в том значении; в конце концов, среди туристов популярным был вопрос «хау матч?», а не диалог из «Гамлета». Но этот был связный текст, он был на условном английском и он был больше, чем мог насочинять любой мой сокурсник — даже те из них, что окончили английские спецшколы и хорошо умели произносить «th».

— Серов, вы меня удивили, — сказала Юнна Карловна. — Очень удивили.

— Ай лайк сюрпрайз, — я улыбнулся.

— Really? — она улыбнулась в ответ.

— Шур, — кивнул я.

— Good, Серов... но ваше произношение оставляет желать лучшего. Надеюсь, я не разочаруюсь, что поставлю вам отличную оценку за этот семестр...

Я досмотрел, как она заполняет зачетку, встал — и сказал «спасибо». По-русски,

потому что английский мне дико надоел. И постарался исчезнуть из аудитории ещё до того, как она осознала, что происходит что-то неправильное.

В принципе, доброе её отношение ко мне было мне неинтересно даже в случае неудачи с переводом в другой вуз. На этом экзамене я видел её последний раз; в следующем году иностранный у нас должен вести другой преподаватель — мрачный старик безо всяких скидок на восприятие вчерашних школьников. Впрочем, этот старик был очень толковым и зря студентов не куроцал.

Но всё это уже осталось в прошлом — если, конечно, меня снова не зашвырнет на сколько-то там лет назад, чего я хотел всеми силами избежать. Мне нравилась моя вторая жизнь, нравилась, несмотря на отдельные проблемы, которые её сопровождали и о которых я даже не подозревал, когда жил в первый раз. Но опять же — когда ещё какому-нибудь мальчику доведется целых два дня прожить в настоящей камере внутренней тюрьмы КГБ СССР?

На «Седьмом небе» мы пробыли всего лишь час, который пролетел как одно мгновение. Потом нас вежливо попросили на выход, потому что в ресторан поднялась следующая группа, а мы отправились сначала в долгую поездку вниз, а потом — домой, чтобы ещё разок насладиться долгожданной свободой и друг другом.

И уже под вечер, когда мы сидели, прижавшись друг к другу, на диване и смотрели «Ну, погоди!», которыми развлекали малышей тетя Валя, Хрюша и Каркуша, нам наконец-то позвонил Михаил Сергеевич.

Ни старик, ни Валентин никак не проявляли себя с того странного понедельника. Я не знал, чем они занимались в своих секретных ведомствах, но надеялся на лучшее. Горбачева больше в газетах и по телевизору во «Времени» не упоминали; я предполагал, что сейчас на верхотуре советской и партийной власти идет торг о его дальнейшей судьбе и карьере. Впрочем, о карьере советского коммуниста, которого выпнули из Политбюро, можно было говорить только с сарказмом и только в прошедшем времени — падать с таких высот, как правило, очень больно и обидно. И хорошо, что местная система не подразумевает масштабных заговоров снизу — ворчать бывший член, конечно, будет, и всю кухню зальет своими слезами, но сострять действительную оппозицию ему никто не даст, пришибут на предварительных этапах подготовки.

Но и вместо Горбачева никого в Политбюро не ввели, да и должность второго секретаря ЦК оставалась пока вакантной. Правда, чуть более активным вроде стал питерский Романов, но это мне могло показаться — да и два упоминания в «Правде» за полторы недели на серьезные подвижки в его судьбе не тянули.

Задержку с кадровыми решениями я объяснил себе просто — сейчас в Москве с визитом находился Франсуа Миттеран, и весь советский бомонд был занят французским президентом. Визит проходил по стандартной программе — встреча в аэропорту, куда отправили Громько и почему-то Демичева, который был министром культуры, потом встреча в Кремле, возложение венков и взаимные награждения, многочасовые переговоры с последующим обедом. Вчера Миттерана сводили в Большой театр — на оперы «Иоланта» и «Моцарт и Сальери». «Правда» ничего не писала про то, о чем переговаривались Черненко и Миттеран; я подозревал, что опять ни о чём — проблему царских долгов французским гражданам решали уже в свободной России. Но зато в каждой заметке очень подробно перечисляли лиц, которые участвовали в тех или иных мероприятиях — собственно, два

упоминания Романова относились как раз к визиту француза; он был на обеде, а также его фамилия мелькала в самом конце списка советских переговорщиков.

И, видимо, после завтрашнего отъезда Миттерана в Кремле начнут думать, в какую дыру послать товарища Горбачева. Я надеялся на Антарктиду.

В общем, я не знал, что думать и к чему готовиться. В своей прошлой жизни я видел многое, в том числе и танки на московских улицах, и перестрелки у Останкино, которое мы с Аллой только что наблюдали с высоты птичьего полета. Пару раз я вывозил жертв терактов в больницы, а потом отмывал салон своей «пятерки» от крови... Мне очень не хотелось повторения всего этого, но повлиять на ход событий я не мог — вернее, я, кажется, уже повлиял, вот только не знал, как именно.

И поэтому приглашение старика посетить его в пятницу с утра принял с большим энтузиазмом. Аллу он не звал, но она и сама не захотела — у неё висел перевод, который ей подсунил товарищ Смиртюков, и отрываться от него она не собиралась. Вечером же нас с ней ждал концерт «Гулливера» в нашем заборостроительном, до которого я был относительно свободен. Правда, мне надо было заблаговременно встретить музыкантов и Врубеля и познакомить их с Сашей и местом проведения мероприятия, но я надеялся, что Михаил Сергеевич не будет растекаться по древу ни мыслью, ни мысью. Но он в этом замечен не был.

В квартире на Хользунова меня встретили оба — Валентин тоже был здесь, заметно уставший, с черными кругами под глазами, но в хорошем настроении. И первое, что они сделали — подняли настроение и мне: отдали оформленные бумаги на «Победу», обменяв их на мои кровные пятьсот рублей. Машину я мог забрать с «Сокола» в любое удобное время; я выбрал субботу, и старик обещал предупредить охрану.

— И как тебе новости? — хитро подмигнул мне Валентин.

Сегодня не было ни накрытого стола, ни кучи бутылок со спиртным. Мы сидели на кухне, пили заваренный гёбешником чай и ели хлеб с вареньем — как когда-то давно, в какой-то прошлой жизни.

— Новости живут один день, — повторил я мысль того журналиста, который жаловался мне на новое поколение. — А тут уже почти две недели прошли, так что это не новости, а старости.

Валентин хмыкнул. Михаил Сергеевич тоже улыбнулся.

— Интересная фраза... сам придумал?

— Нет, конечно, один умный человек сказал, — признался я. — Но я ней полностью согласен.

Я не знал, насколько умным был тот журналист, но в будущем новые события действительно случались каждый день. Вернее, они появлялись в прессе, которая стала очень разнообразной по методам доставки контента в мозг потребителя, которому постоянно требовались всё новые и новые дозы, как какому-нибудь наркоману. Я и сам между заказами с какой-то маниакальной страстью листал новостные ленты — чтобы не пропустить очередную эпидемию, войну или изменение правил пассажирских перевозок.

И я точно знал, что то, что сейчас выдают за новости во «Времени» или на первой полосе «Московского комсомольца», новостями не является. Вести с полей, не более того.

— Ну раз умный человек... — проворчал старик. — А тебе не интересно узнать, почему так получилось?

— Интересно, — послушно согласился я. — У меня был порыв сразу же от метро к вам вернуться и спрашивать, спрашивать... но я почему-то был уверен, что вы не ответите.

Оба моих собеседника рассмеялись.

— Всё же он нас насквозь видит, да, Михал Сергеич? — весело спросил Валентин. — Егор, а тебе действительно важно это знать?

Я покрутил эту простую мысль в голове и вынужден был признать — нет, совершенно неважно.

— В том-то всё и дело, — веско сказал старик. — Насколько я смог понять твой характер, ты слишком много думаешь о неважных вещах... возможно, в будущем это было полезно. Но в этом времени лучше, если каждый будет заниматься своим делом. Валя, например — ловить шпионов, я — обеспечивать деятельность Совета министров СССР, а ты — учиться, учиться и ещё раз учиться. Кстати, твоя бронь утверждена министром обороны... Дмитрий Федорович при мне подписал необходимые документы и дал указание внести их в твое личное дело. Так что переводись в другой институт... или вообще бросай учебу, если считаешь, что и без неё справишься. Но я бы тебе рекомендовал всё-таки озаботиться дипломом о высшем образовании.

Известие о том, что я теперь — вольная птица, застало меня врасплох.

— Спа... спасибо, — сказал я. — Д-думаю, вы правы — диплом нужен. Поэтому буду переводиться. Как и говорил — в МИРЭА. Главное, чтобы у них места свободные были.

— Места есть, — безмятежно сказал Валентин. — У них только что призыв в армию прошел, как раз первокурсников призывали. Так что тебя с радостью возьмут.

— Или без радости, — с сомнением ответил я.

— Или без радости, — легко согласился Валентин, — но всё равно возьмут. Там серьезный недобор по некоторым специальностям...

— Елютин говорил про это в министерстве обороны, но они словно не слышат, — сокрушенно пожаловался старик. — И не только он... всё равно не слышат. [1]

Для меня ситуация была ясной и понятной. Минобороны решало свои, сугубо утилитарные, хоть и сиюминутные задачи, и под это дело гребло всех, до кого могло дотянуться. Страна же тупо не досчитывалась тысяч людей с высшим образованием — не все через два года возвращались в институты. Эти массовые наборы продолжались чуть ли не до восьмидесят седьмого года, и те, кто демобилизовался в восьмидесят девятом, в итоге вернулись на гражданку в совершенно другую страну.

— Я тут вспомнил, кстати... — помявшись, сказал я.

Про смерти мне говорить не хотелось.

— Да? — старик встрепенулся.

Я вздохнул — и выложил всё, что помнил про маршала Устинова и про его роль в карьере Горбачева.

— Что ж... — после недолгого молчания сказал Михаил Сергеевич. — Жизнь — она такая, где-о дает, где-то берет. Но тот документ вряд ли отменят, так что переводись спокойно. И да, Егор, я знаю, что ты скоро собираешься на каникулы, и мы не увидимся до конца лета.

— Я могу оставить телефон родителей... — задумался я. — Если что — я буду на связи... почти всегда.

— Телефон мы знаем, — усмехнулся Валентин. — Но будем надеяться, что твой отдых пройдет без звонков двух стариков. А пока...

— А пока расскажи нам о том, как вы... вернее, мы... развалили Советский Союз, — попросил Михаил Сергеевич.

Правда, звучала эта просьба как требование.

Вопрос был невероятно сложным. У меня не было готового ответа на него, я почти не интересовался этой темой в своей первой жизни, а во второй просто не смог нащупать дорогу к правильному решению этой проблемы — сосредоточился на Горбачеве и упустил всё, что происходило вокруг него. Сейчас Горбачева в уравнении уже не имелось, но опасность развала страны ещё существовала — иначе старик эту тему не поднимал бы.

Поскольку в прошлый раз мы про это не говорили, то для начала я просто рассказал краткую хронологию событий — во всяком случае, так, как я её помнил. Я был уверен, что до чего-то Михаил Сергеевич додумался сам — он постоянно кивал, словно соглашаясь, а когда я упоминал фамилии из его обширного списка, в его взгляде появлялось окончательное понимание сути моего тайного шифра.

— Любопытненько... — пробормотал Валентин. — Вот так просто — подписали три республики соглашение, остальные взяли под козырек и все разошлись?

— Не совсем... — поморщился я. — Я же говорю — первые прибалты убежали, потом уже все остальные. Ну а после ГКЧП Ельцину надо было кровь из носа убегать из-под Горбачева, тот бы его, думаю, удавил бы в один прекрасный момент.

— То есть ты думаешь, что это зависит от персоналий? — уточнил старик.

— Наверное, да. Будь вместо Горбачева кто-то более решительный... я где-то читал или видел версию, что Ельцин мог справиться... но это не точно — другие говорили, что Ельцина просто не приняли бы на таком посту, он же сейчас один из губернаторов... ну... секретарей обкомов. А их таких — воз и маленькая тележка. Так что не знаю. Опять же читал, что дело в том, что в России создали свою компартию... Ну и понеслась нелегкая, после этого вопрос распада Союза был делом времени. Но — опять же Горбачев, вернее, его излишняя уступчивость перед западными партнерами. Будь он чуть поупрямее... или будь на его месте кто поупрямее... всё могло сложиться по-другому. Там ещё и с ценами на нефть всё непросто, они скоро упадут сильно, но, кажется, говорили, что это не главная причина, а лишь одна из...

— Пожалуй, с этим можно согласиться, — кивнул Валентин. — Но ты уверен, что Запад блефовал? Их позиции сейчас оцениваются как очень сильные.

— В этом уверен, — сказал я. — Про это у нас из каждого ящика вещали одно время. Думаю, Горбачев хотел переплюнуть Брежнева, но тот договаривался, как равный с равными, а Горби... а Горби просто прогнулся.

— Горби? — удивленно переспросил Валентин. — Это так его у вас называли?

— Это так его на Западе называли, а мы вслед за ними. Но вообще его мало кто уважал... Мишка, Меченный, Райкин муж... — я заметил их удивленные взгляды и объяснил: — У него же жена — Раиса, Райка, если по-народному. Ходила такая хохма в конце восьмидесятых, когда Горбачев натворил почти всё, что мог, только Союз ещё не развалил: в СССР есть три Райкиных — Райкин-отец, Райкин-сын и Райкин муж.

Они рассмеялись — и мне показалось, что с каким-то облегчением.

— А Ельцин, говоришь, потянет страну? — спросил Михаил Сергеевич.

— Россию потянул... — я почесал затылок. — А как с СССР будет — понятия не имею. Но с ним очень сложно — он собрал вокруг себя такую либеральную шоблу... потом, как до

горячего дошло, её три года вычищали, да так до конца и не вычистили. Но других тогда и не было — советских чиновников по пенсиям разогнали, а кем-то дыры затыкать надо было. Так что всё сложно. Но есть одно мнение, которое я опять же вычитал... я про него не думал раньше, но, возможно, это важно.

— И что это? — поторопил меня Валентин.

— Национальный вопрос, — ответил я. — Или просто нацисты. Если прямо сейчас ничего не сделать, то через пару лет во всех союзных... и некоторых автономных... республиках русские окажутся людьми второго сорта. Как евреи в Германии при Гитлере, только что звезды желтые нашивать не будут. Бандеровцы на Украине, лесные братья в Прибалтике... в Закавказье там вообще все друг друга давно ненавидят, но пока сидят по отдельным клеткам — вроде нормальные. Северный Кавказ... Казахстан, вся Средняя Азия — оттуда русские будут бежать, бросая всё. Ну и ваш этот... Варшавский договор... как они будут русских ненавидеть — вместе с бурятами, чеченцами, которые на нашей стороне, и прочими чукчами... Вприпрыжку в НАТО побегут, только бы поскорее русских резать. А вы с ними всё заигрываете, на Запад оглядываетесь... Запад наше оглядывание за слабость принимает и уже мысленно делит наши земли на протектораты и колонии...

На этот раз молчание продолжалось целых пять минут.

— И что ты предлагаешь? — глухо спросил Михаил Сергеевич.

— Я бы проклял самого себя, если бы посмел что-то предлагать... — честно признался я. — У нас там так и не придумали однозначного рецепта. Понятно, что надо давить национальное самосознание, которое в основном подпитывается английской и американской разведками... помните, Валентин, я вас про диссидентов спрашивал? Вот так они и работают. Все эти любители вражеских голосов — тоже в их копилку, «Голос Америки» на деньги ЦРУ работает, которое помогало публиковать антисоветчину — «Доктора Живаго» Пастернака, например. Наверное, и к другим изданиям лапку приложило Им нужно всё, что против СССР. Польская «Солидарность», пражская весна... А вы лишь всё замалчиваете, вместо того, чтобы откровенно говорить со своим народом — словно он дитя неразумное... Этот народ в войну выстоял, и в будущем тоже именно он выстоит. Ведите себя с ним, как с взрослым, иначе он так и будет бросаться на всё блестящее, как дикарь. Джинсы, рок-музыка, финская стенка, югославская обувь, самиздат... Неужели вы сами этого не понимаете?

Внятного ответа на свой крик души я так и не дождался. Но чай мы пили ещё битый час — под самые разные уточняющие вопросы, которые совершенно не касались того, о чем я говорил.

«Победа» произвела настоящий фурор в гаражном кооперативе, где я безвозмездно арендовал гараж. Посмотреть на диковинку собралась целая толпа народу, они ходили вокруг, заглядывали под открытый мною по такому случаю капот и пытались обнаружить что-то необычное в багажнике, но СВД-38 там уже давно не было. Один из самых смелых автолюбителей забрался на водительское кресло и долго осматривал скромную приборную панель с вставками из красного дерева и древним радиоприемником.

Меня этот интерес лишь веселил. «Победа» была не самой редкой машиной, она до сих пор бегала по стране, поскольку делали её лет двадцать и помногу. Но вот поди ж ты — владельцы «Жигулей», «Запорожцев», «Москвичей» и «Волг» всё равно не смогли пройти мимо такого развлечения. Впрочем, мне казалось, что больше всего они удивлялись тому,

что хозяином такой машины стал какой-то совсем зеленый студент.

— Смотрю, ты починил мопед? — ко мне подошел чуть запоздавший к началу действия Николай.

— Да, целиком, — я пожал протянутую руку. — В движке поршень ещё поменял и коробка передач теперь не барахлит. Конфетка... За сорок три рубля верну.

Я хитро улыбнулся. С тем «жучком» из Сокольников у нас всё получилось в лучшем виде — он доставил нужные запчасти, а те идеально подошли «Верховине». Двигатель я собрал на неделе, убежав на время от конспектов по алгебре, ну а поставить вилку, колесо и подключить нужные тросики было делом получаса. Я даже прокатился вдоль гаражей, но тогда Николая на месте не было, и мой подвиг никто не оценил.

Николай задумался.

— Нет, откажусь... — сказал он. — Что мне с ним делать? Сыну мопед не нужен, а ты его продашь, как и говорил, ещё и заработаешь прилично.

Ну да, сотня — это прилично. Правда, за этот месяц слил раз в десять больше и оказался очень далеко от воплощения своей мечты о квартире, но кто считает? Деньги должны приносить радость.

— Что ж... хорошо, дам потом объявление в газету, кто-нибудь да откликнется, — согласился я, чтобы избежать ненужных и бесплодных споров.

— А с этой что будешь делать? — Николай кивнул в сторону «Победы».

— Что с машиной можно делать, — я философски пожал плечами. — Ездить пока буду. Сначала — на дачу, Елизавету Петровну проведать. А потом и на родину мою поедем, с Аллой — со своими родителями её познакомлю. Ну а потом... будет день — будет пицца, как говорил кто-то великий.

Николай глубокомысленно кивнул.

Я считал, что мне в целом последнее время везет. Мои враги как-то резко закончились — хотя я всё ещё опасался возвращения Боба из армии и того, что он вдохновит своих приятелей на месть нехорошему мне. Но это было дело не первостепенной важности, так что особо голову я этим не забивал.

Концерт «Гулливера» прошел, но я его помнил очень смутно — хотя Алле, кажется, очень понравилось. У меня же из головы не шёл разговор с Михаилом Сергеевичем и Валентином и его последствия, которые я никак не мог просчитать. Впрочем, я как-то справился и с размещением музыкантов — под выступление им выделили БАЗ, — и с последующей раздачей им денежного вознаграждения под роспись в особой ведомости. Даже Врубель оказался не слишком сильным рвачом — он пытался всучить мне двадцатку за посредничество, но я благородно отказался, потому что комсомольцы пока взяток не берут.

С переводом в МИРЭА только вышла задержка, но я собирался справиться с ней на следующей неделе — там уже согласились рассмотреть моё заявление, список нужных экзаменов полностью совпадал с теми, что были у нас в первом и втором семестре, но оставалась пара зачетов, не слишком сложных, но обязательных. Но моя успеваемость теперь работала на меня, так что особых проблем я не видел, и надеялся повернуть свой перевод достаточно оперативно.

А через неделю, в начале июля, мы с Аллой собирались стартовать в автопробег из Москвы до моего родного города. По пути нас ждала Волга и Кама, Уральские горы и плохие дороги, которым только предстояло стать автомагистралями в очень отдаленном будущем.

Но я верил в «Победу», верил в себя и верил в то, что всё будет хорошо.

Ну или хотя бы не слишком плохо.

[1] Вячеслав Петрович Елютин, глава министерства высшего и среднего специального образования СССР (Минвуз СССР) в 1954–1985 годах.

///Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net